

ЦЕНТР
ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ

Прикладная конфликтология для журналистов

Книга подготовлена при содействии
Института «Открытое общество»

Составитель — **Михаил Мельников**, кандидат политических наук

Редактор — **Марк Григорян**, кандидат филологических наук

Руководитель проекта — **Олег Панфилов**

П 75 Прикладная конфликтология — М.: «Права человека»,
2006. — с. 158.
ISBN 5-7712-0366-1 (978-5-7712-0366-9)

Предлагаемый читателю сборник статей посвящен проблеме освещения в прессе сложных конфликтных взаимодействий. Авторы книги выделяют важную роль средств массовой информации в обеспечении права граждан знать о возникновении, развитии и последствиях общественно значимых конфликтов. При этом специалисты отмечают, что журналисты и редакции СМИ могут быть, и нередко бывают инструментом обострения, а иногда и развязывания конфликтов. Избегать этого, по мнению авторов статей, помогает знание и умение пользоваться достижениями современной теории конфликтов, приверженность нормам права и профессиональной этики.

Аналитические статьи издания основаны на обширном практическом материале, авторы сборника имеют богатый опыт непосредственного участия в урегулировании информационных споров.

Издание адресовано сотрудникам печатных и электронных СМИ, преподавателям факультетов журналистики.

ББК 76.01

ISBN 5-7712-0366-1 (978-5-7712-0366-9)

© Центр экстремальной журналистики, 2006

© Художественное оформление — издательство «Права человека», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава 1. Журналист в социальном конфликте	14
Журналист на задании. Модели поведения	15
Что поддерживаем:	
управление конфликтом или эскалацию?	18
Ярлыки	23
«Плюс этничность»	23
Прислонение к авторитету	24
Проблемные ситуации	25
Ода — арбитру. Но гимн — самоуправлению прессы	38
Глава 2. Освещение этничности в СМИ	
в свете конфликтологии	42
Несколько слов о толерантности	45
Что такое этнически окрашенная информация?	46
Конфликтная этническая информация и ее формы	47
Основные узлы соприкосновения СМИ и этничности	50
Этническое пространство в СМИ	51
Основные формы этнической информации в прессе	52
Сообщения, содержащие фактический материал	52
Лексика	53
Образы и стереотипы	55
Этнические идеи	56
Иллюстрации	57
Основные темы публикаций,	
наиболее часто содержащих этничность	59
Этнокультурное развитие этносов	59
Освещение межнациональных (межэтнических)	
отношений в российских регионах	60
Освещение горячих межэтнических конфликтов	60
Проблемы «этнического криминала»	61

Взаимоотношения республик и федерального центра	61
Отношения между Россией и странами — бывшими союзными республиками	62
Тема иноэтничных мигрантов	62
Обсуждение проблем национал-экстремизма и различных этнических фобий	64
Авторы, освещающие проблемы этничности в СМИ	66
Глава 3. Пресса и религиозные конфликты	67
Современная религиозная ситуация в России	67
Правовые основы деятельности религиозных объединений	70
К вопросу о терминологической корректности и профессиональной ответственности	73
О понятии «Секта»	78
Обвинения в ритуальных жертвоприношениях и иных антиобщественных действиях	79
Немного о «страшилках»	84
Источники и причины страшилок	84
Страшилка для школьников	86
Страшилка для студентов	87
Традиционные и нетрадиционные религии	88
Вместо заключения	93
Глава 4. Язык вражды: типология ошибок журналиста	95
Журналистская небрежность	96
Некорректный заголовок или анонс	100
Статистические «соблазны»	101
Смещение социальной проблематики и этнической риторики	103
Отрицание гражданства по этническому принципу	104
Глава 5. Освещение конфликтов и право	106
Международно-правовые средства определения границ допустимого в освещении социальных конфликтов	107
Трагедия террора. Как освещать?	109
Отечественные правовые средства определения границ допустимого в освещении социальных конфликтов	112
Уголовное право	113
Гражданское право	117

Специальные законы	122
Два решения — один прецедент	127
Роль этических регуляторов журналистской деятельности	134
Вместо заключения	137
Приложение	139
Рекомендуемая литература	152
К главе 1. «Журналист в социальном конфликте»	152
К главе 2. «Освещение этничности в СМИ в свете конфликтологии»	153
К главе 3. «Пресса и религиозные конфликты»	154
К главе 4. «Язык вражды: типология ошибок журналиста»	156
К главе 5. «Освещение конфликтов и право»	156

АВТОРЫ:

Предисловие и Глава 1 — Михаил Мельников,
аналитик Центра экстремальной журналистики
Союза журналистов России,
кандидат политических наук

Глава 2 — Вера Малькова,
ведущий научный сотрудник ИЭА РАН,
доктор исторических наук

Глава 3 — Анатолий Пчелинцев, главный редактор
журнала «Религия и право», адвокат,
старший партнер адвокатского бюро
«Славянский правовой центр», кандидат юридических наук

Глава 4 — Галина Кожевникова, заместитель директора
Информационно-аналитического центра «СОВА»,
кандидат исторических наук

Глава 5 — Виктор Монахов, старший научный сотрудник
сектора информационного права ГИПП РАН,
советник юстиции I-го класса,
директор проекта «Стратегическая судебная защита»
АНО «ЮРИКС» (Москва), кандидат юридических наук

*Журналист полностью осознает
опасность ограничения, преследования и насилия,
которые могут быть спровоцированы
его деятельностью.
Выполняя свои профессиональные обязанности,
он противодействует экстремизму
и ограничению гражданских прав
по любым признакам,
включая признаки пола, расы, языка,
религии, политических или иных взглядов,
равно как социального и национального происхождения.*

*Журналист уважает честь и достоинство людей,
которые становятся объектами
его профессионального внимания.
Он воздерживается
от любых пренебрежительных намеков
или комментариев в отношении расы,
национальности, цвета кожи, религии,
социального происхождения или пола,
а также в отношении физического недостатка
или болезни человека.*

*Он воздерживается от публикации таких сведений,
за исключением случаев,
когда эти обстоятельства напрямую связаны
с содержанием публикуемого сообщения.*

*Журналист обязан безусловно избегать
употребления оскорбительных выражений,
могущих нанести вред
моральному и физическому здоровью людей.*

**Из Кодекса профессиональной этики
российского журналиста,
принятого Конгрессом журналистов России
в 1994 году**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конфликты являются естественной «средой обитания» журналистов. Ими движет желание отыскать актуальную информацию, постоянно быть «в теме». А это совсем непросто. Если где-нибудь власти разгоняют демонстрацию, то репортеры бросаются в самую гущу событий. Во время военных действий они мерзнут в окопах вместе с солдатами, а на пожарах лезут в дым и огонь. Именно благодаря прессе мы узнаем о действиях милиции, перипетиях вооруженных конфликтов, о героизме тех, кто спасает людей, рискуя своей жизнью, о том, как чиновники решают проблемы простых людей.

Но рядовые телезрители, радиослушатели и читатели, восхищаясь смелостью и решительностью журналистов, тем не менее готовы возложить на них ответственность за эскалацию конфликтов и обострение проблем. Бывает, что и политики критикуют журналистов за это. Журналисты же обычно говорят, что они лишь зеркало, отражающее происходящее. И в этом ответе чувствуется скрытое цитирование популярной поговорки-эпиграфа к комедии «Ревизор»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Однако критики правы. Журналисты могут влиять на ход конфликтов. Чрезмерно резкое или некомпетентное освещение событий может вызвать раздражение у одной из сторон, недовольство, которое, в свою очередь, может вылиться на улицы, вызвать митинги и демонстрации, послужить эскалации конфликта.

Поверив доводам одной из сторон конфликта, журналист может написать статью или подготовить телепередачу, в которой представит слова своих собеседников как истину. Таким образом, он начнет «играть» за одну из сторон. Это может вызвать серьезное ухудшение ситуации.

Так что же, не освещать конфликты? Может быть, если журналисты промолчат, не расскажут об обострении ситуации, о страстях и проблемах, то страсти утихнут, ситуация успокоится и конфликта не будет?

Это не так. Ответственность за возникновение и за последствия крупных конфликтов лежит, конечно, на политических

группах и институтах общества, на государствах и их структурах, на всех значимых сегментах социальной среды.

А политическая наука, в свою очередь, должна разрабатывать конкретные рекомендации, которые помогали бы предотвращать, разрешать конфликты, и в любом случае — разрабатывать политические технологии управления конфликтами. В этих технологиях пресса играет важную роль.

Эту роль не в состоянии выполнить никакой иной социальной институт — она осуществляет массовое информирование о конфликтах, информационное сопровождение конфликта. А в это входит информация об участниках конфликта, о причинах противостояния, о ресурсах конфликта, возможных его последствиях. Распространение правдивой и объективной информации создает предпосылки для урегулирования конфликта, его разрешения.

Люди имеют право быть информированными о существующем состоянии напряженности в обществе и источниках этой напряженности. Они должны знать о действиях субъектов конфликта. Если напряженность переросла в конфликт (и, тем более, в открытое противоборство), то общество должно знать, в чем состоит предмет конфликта, кто является участником (субъектом) конфликта, существует ли нормативная база для урегулирования конфликта, какие меры предпринимаются для того, чтобы конфликт не перерос в открытое столкновение сторон. А если конфликт приобрел статус открытого столкновения сторон, то общество должно быть информировано о реальных потерях (материальных, человеческих) в конфликте, о направленности действия властей и иных «игроков», о перспективах его мирного разрешения.

Знание того, какими бывают конфликты и как нужно их осведщать, по мнению авторов этой книги, может дать журналистам новые профессиональные и интеллектуальные ресурсы для работы и снабдить их новыми аргументами для понимания сути противостояния, для предъявления требований к участникам конфликтов, чья информационная политика может вызвать эскалацию конфликтов.

А собственно, что такое конфликт? Мы привыкли говорить о конфликтах, не задумываясь о значении этого слова.

Современная наука трактует понятие конфликт как динамический тип социальных взаимоотношений, которые происходят из возможных или реальных столкновений субъектов кон-

фликта. Причем столкновения неизбежны в силу того, что у участников (сторон) конфликта различные предпочтения, интересы, ценностные ориентации. Этот тип отношений постоянно присутствует в среде (в явном или неявном виде, в «дремлющем» состоянии) и не поддается устранению.

Конфликт — явление динамическое, разворачивающееся во времени. Следовательно, динамика конфликта — это движение и развертывание конфликта во времени.

Какими бы ни были конфликты, они, как правило, проходят через следующие основные стадии:

— **скрытая, латентная стадия**, когда есть конфликтная ситуация, сам конфликт еще не разгорелся, интересы и цели потенциальных конфликтантов не осознаны до конца или не выражаются явно;

— **эскалация** — развитие конфликта, то есть рост масштабов и интенсивности конфликтного поведения;

— **открытая стадия** — конфликт становится очевидным, субъекты конфликта находятся в непосредственном взаимодействии или противостоянии;

— **деэскалация конфликта** — снижение «энергетического» уровня конфликтного взаимодействия, то есть сокращение масштабов и интенсивности поведения конфликтантов;

— **постконфликтная стадия** — все закончилось, можно провести анализ последствий столкновений.

Что эти знания дают, в частности журналистам?

Масса примеров из истории свидетельствует о том, что на первой, скрытой стадии конфликта активное и целенаправленное дезинформирование, или дефицит информации, общества о степени опасности противостояния приводили к резкому обострению ситуации. Если пресса не реализует свои возможности на этой стадии, то вряд ли можно ожидать своевременной и адекватной реакции институтов гражданского общества и государства на потенциальную опасность. Реальной перспективой дальнейшего развития событий может стать рост недопонимания, возникновение напряженности в отношениях между конкурентами в политической, экономической или иных сферах, вплоть до прямого столкновения сторон.

Журналист может освещать событие, отражать факт как самостоятельный и изолированный предмет, а может отражать его как часть целого, как элемент сложного явления. Соответственно, аудитория СМИ получит информационный продукт, в

разной степени отражающий действительность. Успехи же в разрешении конкретных споров могут обеспечить и разрешение самого конфликта.

Значительное место в конфликтологии уделяется изучению поведения сторон конфликта. Поскольку нахождение в конфликтной ситуации для журналистов — обычное явление, то им, вероятно, будет полезно знать, что к возникновению конфликтной ситуации и к ее перерастанию в реальный конфликт приводят, в частности, конфликтогены. Специфические конфликтогены проявляются и в практике информационного сопровождения конфликтов, в том числе и в журналистской работе.

Конфликтогены — действия одной или нескольких сторон взаимодействия, в том числе слова, жесты, оценки, суждения, способные привести к возникновению конфликтной ситуации и к ее трансформации в реальное конфликтное поведение. Бездействие также может быть конфликтогенным.

Конфликтогены информационного сопровождения конфликта — такое поведение журналистов и редакций СМИ, которое может быть использовано для трансформации конфликтной ситуации в конфликт, для обострения (эскалации) конкретного конфликтного противостояния. Конфликтогенами информационного сопровождения конфликта, в частности, являются специфические приемы организации информации, с помощью которых создается искаженное представление о существенных характеристиках конфликта (об участниках, причинах, последствиях и т.д.). Безусловным конфликтогеном является «язык вражды».

Надо ли доказывать, что журналист, освещающий конфликтную ситуацию и при этом отождествляющий себя с взглядами только одной из сторон конфликта, сам становится носителем конфликтогенов, а значит, становится непосредственным участником конфликта?

Многие разногласия между конфликтующими сторонами возникают из-за различного видения сути противоречий. В конфликте может доминировать, скажем, старый территориальный спор или унаследованное давнее межэтническое противостояние. И если информационное сопровождение конфликта отражает лишь современную конъюнктуру (экономические причины или субъективный фактор политических амбиций), то это никоим образом не может способствовать разрешению конфликта или даже цивилизованному переговорному процессу с участием оппонентов.

Подчеркнем, что для журналистов интерес к конфликтам в целом носит объективный характер, ведь СМИ стремятся удовлетворять потребности своей аудитории, к которым относится и потребность быть информированными об общественно важных конфликтах. Более того, пресса постоянно стремится расширить свою аудиторию за счет новой информации о конфликтах, вовлеченных в него субъектах, их ресурсах, об опасности эскалации конфликтов, иных возможных последствиях и т.д.

Телевидение, радио и газеты, осуществляя информационное сопровождение конфликта, формируя представления о конфликте, иногда также диагностируют конфликт, прогнозируют его развитие и предлагают рецепты решения проблем. А это значит, что СМИ, таким образом, выступают в качестве самостоятельного или — чаще — зависимого игрока на информационном поле. Тем самым пресса, как один из важнейших поставщиков информации для общества и его властных структур, формирует представления о конфликте, обеспечивает установки на его разрешение и фактически воздействует на конфликт.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что информирование о конфликте, всех его структурных компонентах (участниках и причинах конфликта, его контексте, микросреде, мотивациях и целях сторон спора и т.д.) является одним из важнейших условий, влияющих на самые различные параметры конфликта, в частности на его динамику, длительность, интенсивность. В хорошо информированном обществе, как правило, начинает работать механизм действий: выработка общественного мнения и экспертных оценок — общественное давление на конфликтантов — выработка решения — снижение уровня конфликтности — трансформация и разрешение конфликта.

Для представителей прессы наиболее актуальными объектами внимания являются политические, экономические, территориальные, этнические, национальные, религиозные и, наконец, смешанные конфликты. О некоторых типах конфликтов и о том, как они освещаются в СМИ, вы сможете прочесть в этой книге.

ГЛАВА 1. ЖУРНАЛИСТ В СОЦИАЛЬНОМ КОНФЛИКТЕ

Журналисты часто говорят: «Мы работаем в качестве зеркала. Мы просто отражаем события».

И действительно, можно ли говорить, что журналист вовлечен в конфликтную ситуацию, если он всего лишь выполняет задание редакции, если он просто собирает информацию о конкретном событии и отражает то, что происходит в действительности?

Почему репортер должен ломать голову над тем, какое место занимает его издание или вещательный канал в неких сложных общественных катаклизмах, если СМИ просто информируют общество об актуальных событиях, предоставляют своей аудитории различные точки зрения «по поводу»?

Разве «встроен» в какой-то конфликт журналист, если он на страницах издания или в эфире всего лишь приводит факты, свое мнение и (или) мнение авторитетного политика или эксперта по поводу того или иного события (явления, группы фактов)?

Но дело в том, что как только репортер начинает говорить о своем мнении, он перестает быть зеркалом, у которого просто не может быть своего мнения о тех предметах и действиях, которые оно отражает. Более того, журналист, как правило, отбирает факты для своих статей или передач, что тоже не «вписывается» в функции зеркала.

Популярные и не очень точные представления о том, что средства массовой информации в первую очередь исполняют функцию зеркала, можно и должно подвергать сомнению хотя бы в силу ограниченности этих представлений. Для того, чтобы убедиться в этом, рассмотрим несколько очевидных моделей поведения журналиста в распространенной ситуации — «репортер на задании». Особо подчеркнем, что задание из числа рутинных, каких немало в редакционной практике.

Журналист на задании. Модели поведения

Предположим, журналисту необходимо подготовить информацию об открытии социально значимого объекта для газетной подборки новостей. Пусть таким событием будет презентация крупного торгового центра.

Модель первая. Репортер побывал на открытии объекта, выслушал торжественные речи представителей местных властей, строителей и прочих заинтересованных лиц. Он сделал «дежурный» снимок (разрезание ленточки) и срочно отбыл в редакцию «отписываться». В ближайшем утреннем выпуске газеты появилась соответствующая информация (4-5 абзацев) и фотоиллюстрация.

Модель вторая. Репортер не только выслушал официальные речи, но и пообщался с коллегами по цеху и узнал немало интересного. Оказывается, объект построила известная фирма X, хотя на подряд претендовали также фирмы Y и Z. Между тем, никакого конкурса на подрядные работы не проводилось, и почему местные власти отдали предпочтение фирме X — неизвестно. Обо всем этом наш репортер благополучно забыл, поскольку редакция от него ждет оперативную информацию в 4-5 абзацев, не более.

Модель третья. Репортер на открытии объекта пообщался с коллегами по цеху, а также со строителями, рядовыми работниками торгового центра. Журналист осмотрел торговые и подсобные помещения гипермаркета и прилегающую территорию. Он узнал не только о том, что выбор подрядчика на строительство осуществлялся в тиши властных кабинетов. Оказывается, объект возведен с существенными изъятиями, которые, впрочем, в глаза не бросаются. В редакции наш репортер написал требуемые 4-5 абзацев. После чего он в редакционной курилке поделился с сотрудниками редакции всей информацией о новом торговом центре. Журналисты всласть посудачили о коррупции в местных органах власти, заклеили позором нерадивых строителей и разошлись по своим делам.

Модель четвертая. Журналист выполнил задание редакции, сделал краткую информацию об открытии объекта. Но после этого он не стер из памяти полученные на презентации сведения, которые проливают на общественно значимое событие иной свет, чем парадные речи. Он поделился полученной акту-

альной информацией с руководством редакции и зарезервировал за собой тему актуальной статьи. Как вариант — «горячая» информация передается в профильный отдел редакции или сотруднику редакции, который специализируется на журналистских расследованиях.

Модель пятая. Наш репортер вообще не появился на открытии объекта, поскольку это событие он «караулил» давно и заранее написал необходимые 4-5 абзацев для своей газеты. Кроме того, наш репортер своевременно «продал» свою информацию коллегам из местной «вечерки», а также на радио и телевидение. В день события наш репортер проверил по телефону, что открытие центра состоялось. Информация появилась, как и планировалось, в утреннем выпуске газеты, где трудится наш репортер, а также в других СМИ.

Социальный конфликт — широкое понятие, используемое в конфликтологии для обозначения любого типа конфликта в обществе. В качестве рамочного определения конфликта в современной литературе наиболее часто используется дефиниция Льюиса Козера, которая трактует конфликт как «борьбу по поводу ценностей, или притязаний на ограниченно доступные статус, власть или ресурсы, в которой каждая из сторон стремится нейтрализовать, ущемить или подавить цели».

Журналисты без труда могут продолжить эти упражнения в моделировании поведения репортера. То, какая модель будет выбрана для каждой конкретной ситуации, зависит от редакционных установок на освещение события, от профессионализма журналиста и его гражданской позиции, от мотивации, от осознания своей роли в происходящих вокруг него процессах и от многих иных обстоятельств.

Но для нас важно еще вот что: даже в таком «протокольном» мероприятии, как открытие торгового центра, оказались замаскированы различные конфликты. Все они могут быть отнесены к типу социальных конфликтов.

Любой конфликт (будь он социальным, национальным или религиозным) в своем развитии проходит несколько стадий. Конфликт никогда не вспыхивает сам по себе, без какого-либо толчка. Причем для этого совершенно не обязательно вмешательство внешних сил — конфликт может разразиться в результате накопления отрицательного потенциала в самой конфликтной ситуации.

Конфликтная ситуация — исходное положение конфликта. Это такое состояние социальной системы, группы людей или взаимодействий между ними, в которой проявляются противоречия интересов, целей, мотивов поведения или жизненных установок. Осознание этих противоречий побуждает потенциальных оппонентов начать конфликтное взаимодействие, готовиться к предстоящей борьбе. За **конфликтной ситуацией** может последовать **инцидент**.

Инцидент — это столкновение сторон конфликта, означающее перевод конфликтной ситуации в стадию **конфликтного взаимодействия**.

С профессиональной точки зрения, сообщая о конфликте, журналист (редакция, пресса, СМИ в целом), как правило, информирует свою аудиторию о предмете конфликта, т.е. об объективно существующей или мыслимой (воображаемой) проблеме, которая становится причиной расхождения во взглядах, оценках и целях оппонентов. Конечно же, пресса не обходит вниманием тех людей, общественные группы, структуры власти или иные группы влияния, которые являются участниками конфликта, то есть конфликтующими сторонами. Иными словами, пресса участвует в идентификации непосредственных (явных или неявных) участников конфликтных событий — субъектов конфликта, показывает их во взаимодействии.

Хочет журналист того или нет, но зачастую он в своей профессиональной практике занят не чем иным, как информационным сопровождением конфликта.

Информационное сопровождение конфликта — направленное или спонтанное освещение в прессе значимых событий конфликтного противостояния. При этом аудитории СМИ дается информация о субъектах и предмете конфликта, о предполагаемых или реальных целях и намерениях соперничающих сторон, о реальных и вероятных последствиях конфликтного взаимодействия.

Конечно, выбор модели поведения журналиста, как правило, остается за профессионалом прессы. Вопрос же в том, чему журналист отдает предпочтение, чем руководствуется в этом выборе. Журналист может просто описывать реальные и лежащие на поверхности факты, а может попытаться пролить свет на природу их происхождения, показать взаимосвязь и противоре-

чивость событий. Это сложно. Журналист может захотеть увидеть нечто большее за фактом (например, проблему большой социальной значимости или конфликт, затрагивающий многих людей), а может и не иметь никакой иной мотивации, кроме редакционного задания и чисто прагматического интереса — выжать максимум из своего статуса «владельца информации».

Исследователи мотивации журналистской деятельности, в целом, сходятся во мнении, что в системе факторов, побуждающих журналиста к конкретной профессиональной деятельности, ключевым является желание «влиять». Влиять на ситуацию, на человека, на развитие событий, на социально значимые обстоятельства и процессы. При этом важно понимание того, что если журналист и не ставит перед собой прямой цели влиять, то его информирование о конфликтном событии так или иначе оказывает влияние на восприятие конфликта, а значит и на решение или углубление самой проблемы, которая обеспечивает динамику и интенсивность конфликта.

Здесь никуда не уйти от очевидных вопросов. Влиять с какой целью? Зачем? Какими средствами? С какими предполагаемыми последствиями?

Еще один немаловажный вопрос, вытекающий из того очевидного факта, что журналистика предполагает большой выбор поведенческих моделей и наделяет значительными степенями свободы представителей этой профессии. Каковы пределы положительного влияния журналиста, где та грань, за которой начинаются негативные последствия воздействия прессы на развитие конфликта?

И очень серьезный вопрос к самим журналистам: а можно ли рационально и с позитивными последствиями влиять на предмет, явление или процесс, не зная его сущности? Ответ на этот вопрос ясен: вряд ли.

Что поддерживаем: управление конфликтом или эскалацию?

Направленность развития конфликта можно представить в виде различных технологических цепей управления, каждое звено которых отражает, к примеру, качество конфликтной ситуации или статус стороны противостояния. К примеру, конфликт от низшей точки противостояния к высшему объективно трансформируется таким образом: напряженность — несогла-

сие — соперничество — спор — враждебность — агрессивность — насилие — война. При этом меняется и статус сторон в конфликте: друг — союзник — партнер — соперник — противник — враг.

Важной особенностью этих, равно как и других схем-трансформаций, является то, что реалистично поставленная задача урегулирования конфликта предполагает исключительно последовательный переход от этапа к этапу развития конфликта. Здесь действует правило: недопустимы ошибочная оценка конкретной ситуации в конфликте, статуса сторон, а также игнорирование принципа последовательности трансформации одной стадии конфликта в другую. Проиллюстрируем действие этого правила.

Напряженность, к примеру, может перерасти в несогласие, а несогласие, в свою очередь, подтолкнет стороны конфликта к соперничеству. И лишь при дальнейшем росте конфликтности соперничество может трансформироваться в спор и даже сделать отношения враждебными. Такова логика развития конфликтных отношений. Опыт множества разнообразных конфликтов показывает, что развитие конфликтной ситуации не бывает таким, чтобы от напряженности сразу перейти к враждебности — минуя этапы несогласия, соперничества и спора. Воспроизводить ее иначе, значит грешить против объективно существующей логики развития.

Если пресса представляет существующие напряженные отношения сторон в конфликте как враждебные, то можно не сомневаться — таковыми эти отношения станут считать сами оппоненты. А значит, стороны будут вести себя враждебно, думать о применении силовых методов разрешения конфликта, что естественно для враждующих сторон.

Возможно и обратное, редуцирование восприятия конфликта. Допустим, реальные противники в результате интенсивной информационной кампании приобрели образ союзников, даже друзей. И в массовом сознании, и в сознании элитных групп возникают соответствующие ожидания. В управленческой сфере принимаются решения, исходя из посылок дружбы и сотрудничества. Однако объективно существующие острые и непримиримые отношения рано или поздно выходят на поверхность, начинаются враждебные действия, и к этой новой реальности хотя бы одна из сторон оказывается не готовой. Результат очевиден — неоправданные потери, дальнейшее обострение противостояния.

Словом, нарушение канонов управленческого воздействия на конфликт чревато резким обострением ситуации в самом

конфликте. Для иллюстрации сошлемся на хорошо известный и изученный международный конфликт.

Во время Карибского кризиса 1962 года американская и советская стороны первоначально исходили из того, что противоположная сторона будто бы преследует крайне агрессивные цели. Фактически провозглашались следующие установки: «безопасность одной стороны за счет уничтожения военного потенциала другой», «победа одной стороны за счет поражения другой». Пресса обеих стран (не без «помощи» политиков радикального толка) делала все возможное, чтобы соперников в идеологической сфере представить в качестве весьма вероятных противников в вооруженном конфликте. При этом игнорировались (или затушевывались) перспективы развития отношений сторон как партнеров в тех или иных сферах. В результате эскалации отношения сторон, соперничество и спор быстро переросли в стадию враждебности, за которой реально просматривались прямая агрессия и военные действия.

К этому следует добавить, что событиям у берегов Кубы предшествовал многолетний труд журналистов по созданию мощного информационного фона, сотканного из негативных стереотипов, образов непримиримых оппонентов, врагов. Реальный конфликт, по мнению исследователей Карибского кризиса, трансформировался в конфликт воспринимаемых интересов. И только ценой огромных и совместных усилий сторон конфликт удалось вывести из активной фазы. Острая конфронтация уступила место диалогу, который, как известно, создает предпосылки для дальнейшего развития отношений в позитивную сторону — по направлению к консенсусу и консолидации.

Карибский кризис многому научил ядерные державы. Прежде всего осознанию меры ответственности в конфликте и пониманию того, что существует граница восприятия конфликта, которая приводит к решениям и действиям с гарантированными необратимыми последствиями. По большому счету информационное сопровождение Карибского кризиса стало подтверждением научного вывода о том, что восприятие не только является отражением реальности, но развивается по собственным законам. В частности, образы «чужих» и «непонятных» легко трансформируются в образы «чуждых», в образы «врагов». Причем эти образы способны усиливать друг друга и создавать самые различные картины, вплоть до апокалиптических.

В многочисленных научных исследованиях показано, что в условиях конфликта восприятие в значительной степени подвержено влиянию стереотипов, в большей степени, чем в обычной ситуации. Это относится и к рядовому обывателю (массовое сознание), и к представителю элиты, и к персоне, принимающей решение. Усиливает «проходимость» стереотипов фактор принадлежности к некоей группе (партия, общность, этнос, страна) с сильными внутригрупповыми связями.

Стереотип — жесткое, часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей. Поскольку мы вообще склонны к упрощениям, то формируем стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Обычно стереотипы содержат некое зерно истины. Их разделяет значительное количество людей, что в целом способствует их укоренению. Стереотипы могут меняться со временем, но их носителям часто бывает трудно избавиться от усвоенных представлений.

Стереотипное восприятие проявляет себя на нескольких уровнях. На уровне эмоций оно приводит к появлению чувства недоверия, страха, подозрительности, враждебности к объекту. На мотивационном уровне стереотипное восприятие вызывает стремление к простой для усвоения информации, схематизм при оценке фактов, их фильтрацию в соответствии с установкой, продиктованной стереотипом.

В конечном итоге влияние стереотипов приводит к обострению ситуации и эскалации конфликта.

В значительной степени стереотипы создаются и поддерживаются средствами массовой информации. Участвуют (зачастую весьма активно) в создании стереотипов и представители тех или иных элит, в основном политических. Как правило, им хватает ресурсов и информационных поводов, чтобы обеспечить надежную трансляцию и ретрансляцию стереотипов. Последнее обстоятельство очень характерно для обществ с сильным административным влиянием на СМИ и тем более — для обществ с мощным сектором государственной прессы.

Было бы серьезным упрощением списывать негативное (т.е. усиливающее энергетику противостояния) информационное воздействие на конфликтную ситуацию только на ангажированность прессы, на ее принадлежность к какой-либо группе влияния. Практика современной российской журналистики свиде-

тельствует, что феномен «авторской позиции» может служить как эскалации, так и деэскалации конфликта. Однако, как правило, все же он служит именно эскалации.

На основе постулатов конфликтологии и наблюдений за тем, как обычно освещаются конфликты, попробуем сконструировать идеальную (позитивную) и реальную (негативную) модель информационного сопровождения конфликта.

Идеальная (позитивная) модель состоит из следующих элементов:

— воспроизведение (описание, показ, отражение) реальных проблем, вызвавших конфликт,

— реалистичное отображение стадии конфликта (скрытая, поведенческая, постконфликтная, стадия возврата),

— объективный образ сторон конфликта, отсутствие стереотипов,

— полная ретроспектива конфликта с использованием альтернативных источников (исторический фон),

— точное и полное информирование о конфликтных событиях,

— воспроизводство всех реально существующих инициатив и шагов по урегулированию конфликта, поддержка социальных технологий редукции (ослабления) конфликта.

Реальная (негативная) модель:

— воспроизводство мнимых (ложных, воображаемых) проблем конфликта,

— ложная трактовка стадии конфликта (непосредственное конфликтное взаимодействие замещается представлением о «борьбе идей» или драматизируется столкновение мнений, позиций; напряженность отношений выдается за враждебность или агрессию, конкуренты — за врагов),

— ложный образ сторон конфликта, акцентированная негативная стереотипизация одной стороны и позитивная стереотипизация оппонента,

— избирательная ретроспектива конфликта, отказ от использования альтернативных источников, обращение к псевдонаучным работам,

— необъективное информирование о конфликтных событиях,

— избирательное отражение инициатив, решений и действий оппонентов по урегулированию конфликта, поддержка намерений и шагов, направленных на эскалацию конфликта, на повышение «градуса» конфликта.

Приведем наблюдения специалистов по поводу некоторых специфических приемов освещения реальных конфликтов, затрагивающих, к примеру, религиозные и этнополитические интересы. Речь идет о технологических приемах информирования, которые объективно не способствуют выявлению реальных конфликтов и провоцируют усиление напряженности и нетрадиционное поведение.

Ярлыки

Самые разнообразные клише «приклеиваются» к тем или иным законно действующим религиозным объединениям: «секта», «сектанты», «деструктивные культы», «тоталитарные культы». По терминологии иных журналистов, членам «сектантских» объединений приписывается: «мошеничество», «зомбирование», «доведение до самоубийства», «идеологическая диверсия», «антипатриотизм» и тому подобные деяния, имеющие явно негативный оттенок. Авторы подобного рода утверждений, скорее всего, не учитывают юридических последствий такого рода информирования о конфликте, о его субъектах, об их действиях. Такая диагностика параметров конфликта часто приводит к тому, что представители религиозных организаций обращаются в суд с требованием защитить их честь, достоинство и деловую репутацию. И часто выигрывают эти суды. Не останавливает журналистов то обстоятельство, что именно им придется в суде доказывать, что распространяемые в прессе сведения соответствуют действительности. Ссылки на «авторскую позицию», апелляция к «свободе слова» в этом случае не релевантны. (Подробнее о такого рода судебных прецедентах вы сможете прочесть в главе 3.)

Нельзя преуменьшать социальную опасность навешивания ярлыков, трансляции негативных намерений, а то и конкретных призывов к расправе над «иноверцами». От навешивания ярлыков до создания образа врага — один шаг. От образа врага до насилия над «врагом» — еще один шаг. Ясно, что поджоги, повреждения и взрывы молитвенных домов и мест культового поклонения, вандализм на кладбищах, покушения на убийство религиозных лидеров не являются простыми актами хулиганства.

«Плюс этничность»

Иногда самые различные и сложные процессы в обществе представляются в прессе как результат влияния этнического

фактора. Особенно заметно выпячивание этничности при освещении тех или иных аспектов ситуации с миграцией. При этом в прессе практически не встречается нейтральных по форме представления материалов, посвященных иммигрантам. Броские фразы, яркие описания, метафоры, сочные образы — превалирующие приемы отражения журналистами сложного явления. Образ «опасного чужого» создается с помощью воспроизводства исключительно отрицательных эмоций: недоверия, страха или неприятия.

Негативный образ иноэтничного мигранта не преподносится изолированно, к примеру, он «привязывается» к проблемам экономики. Ее неформальные и криминальные формы объясняются наличием «иноэтничной», «чужой» рабочей силы. При этом проблема миграции нередко представляется источником или сопутствующим элементом других, более острых проблем, которые, в свою очередь, если верить авторам статей, приобретают просто-таки угрожающий характер для страны. Таковыми, к примеру, предстают в СМИ проблемы терроризма, наркобизнеса, преступности в целом. Какой подсказывается выход из проблемы? Естественно, ограничение миграции.

Содержание таких острых и эмоциональных статей, как правило, не только не соответствует действительности, но и тиражирует стереотипы, что увеличивает напряженность, существующую между различными этническими группами. (Подробнее об этнических конфликтах сказано в главе 2.)

Прислонение к авторитету

Журналисты драматизируют конфликт не только с помощью своих собственных ресурсов, но и с помощью, как им хотелось бы, «авторитетного» мнения, статистики, экспертов. При этом забывается правило: любая информация, тем более мнение, подлежит осмыслению.

Чего стоит, например, освещение темы незаконной миграции. Какой журналист не поддержит чиновника, призывающего к борьбе за правое дело? Согласно одной из официальных версий, в незаконной миграции виноваты работодатели. Сколько репортажей сделано на этой кальке! Мол, они (работодатели) думают лишь о сверхприбылях и поэтому нещадно эксплуатируют иммигрантов. Но может ли быть иначе в государстве, где штраф за незаконное использование иностранной рабочей силы ниже, чем

стоимость оформления лицензии на право использования иностранной рабочей силы? Почему работодатель должен месяцами ждать получение этой лицензии? Почему существуют «фирмы», гарантирующие получение лицензии в кратчайшие сроки? Как получается, что на этом наживаются многие чиновники?

И почему в прессе об этом почти не пишут?

Да, российская журналистика, по мнению исследователей, становится все более и более «желтой» и информационной и менее аналитической. Однако это не снимает со СМИ обязанность сбалансированного и честного освещения проблем, с использованием альтернативных источников информации.

Проблемные ситуации

Попробуем извлечь некоторые уроки из характерных и реальных проблемных ситуаций информационного сопровождения конфликтов. Для объективного воспроизведения моделей поведения воспользуемся информацией о тех конфликтах, которые обсуждались гласно и получили разрешение с помощью независимого арбитра. Сопроводим эти ситуации резюме конфликтолога.

1. «Чужие сани»

Газета «Известия» (№№ 14–18 за 1994 год) опубликовала статью И. Дементьевой «Война и мир Пригородного района». В статье содержались ссылки на различные факты трагических событий, имевших место осенью 1992 года в некоторых населенных пунктах Северной Осетии и Ингушетии, давался анализ исторических и правовых причин межнационального конфликта.

Кроме того, автор обнародовала и собственные суждения «по поводу». Речь идет об утверждениях журналиста о неких планах руководства Республики Северная Осетия, в которые якобы входит «вытеснение ингушей любой ценой, всех до одного», «жестокость как способ для решения этой задачи», «чистка территории». Читатель также узнает, что «в сознание общества внедрено глубоко негативное отношение к ингушам как народу» и что «бывший лидер коммунистической партии говорил об ингушском народе как о змее, пригретой на осетинской груди».

Реакция стороны спора (восприятие конфликта). Статья вызвала резкий протест у представителей властей Северной

Осетии. Председатель Верховного Совета Республики Ю. Бирагов и полномочный представитель Республики К. Дулаев обратились в Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ с просьбой дать оценку публикации. Они посчитали, что статья не способствует урегулированию взаимоотношений между соседними субъектами Федерации, ведет к разжиганию межнациональной розни, новому витку напряженности.

Решение независимого арбитра. Судебная палата признала, что утверждения журналиста являются субъективными и недоказанными, нарушающими журналистскую этику, особенно с учетом того, что в этой ситуации средства массовой информации должны занять гражданскую позицию, способствующую урегулированию трагического межнационального конфликта. Палата признала, что в ряде оценочных утверждений журналист нарушила требования общепринятых норм, недостаточно ответственно отнеслась к возможным последствиям своей публикации.

Разбор и оценка конкретных фактов, причин и обстоятельств возникновения конфликта не входил в компетенцию палаты.

Резюме конфликтолога. Ошибка журналиста и редакции состоит, в первую очередь, в переоценке своих возможностей. Препарировать сложный конфликт с помощью даже богатого исторического материала — задача практически «неподъемная» для журналиста, тем более — в рамках одной, пусть и большой по объему, статьи. Даже научные монографии (не говоря уже о псевдонаучных трудах) по поводу территориальных и межнациональных споров вызывают острую реакцию сторон конфликта. К тому же каждая сторона конфликта с историческими корнями склонна трактовать предтечу конфликтных событий как оправдание своих действий. Более того, стороны конфликта в любой ретроспективе конфликта (в том числе научно обоснованной) могут увидеть информационный пробел, тенденциозность, да к тому же предложить свою точку отсчета наблюдений. Ежедневной и популярной газете тем более следует проявлять осторожность при обращении к теме «тлеющего» конфликта, который только-только из стадии открытой враждебности трансформировался в стадию молчаливого несогласия.

Бездоказательные утверждения журналиста о существовании агрессивных намерений одной стороны конфликта по отношению к другой, воспроизводство негативных стереотипов («народ — змея, пригретая на груди у другого народа») не могут

не привести к обострению отношений. Инструментарий журналиста не соответствует решению реалистично стоящей задачи урегулирования конфликта.

2. «Благонамеренная некомпетентность»

Газета «Новороссийский рабочий» (номер от 16 ноября 2000 года) опубликовала отчет с «Круглого стола» под названием «В кого влюбляться патриоткам». Участниками разговора в редакции были представители молодежных организаций, в том числе неформальных, молодые политики г. Новороссийска. Все участники были представлены в публикации как «состоявшиеся молодые лидеры». Это определение коснулось и руководителя местных скинхедов К. Орлова, заявившего о своем стремлении стать «лидером националистического движения». Всем им была предложена игровая ситуация: сбылись их карьерные мечты, и они должны предложить рецепты решения актуальных проблем развития России («В чьих руках должно находиться национальное достояние России?», «Как граждан воспитать патриотами?»).

Отвечая на предложенные вопросы, К. Орлов утверждает, в частности, что экономическое положение русских в России улучшится, если «большую часть пришлых людей — евреев, кавказцев» — убрать из России, причем сделать это можно, по его мнению, только силой. Без комментариев газета опубликовала высказывания: «...в России должны оставаться одни русские. Когда отсюда уберется большая часть пришлых людей — евреев, кавказцев, то для русских ...освободятся рабочие места. Бороться с «черными» можно только силой. Собрать их всех в двадцать четыре часа в вагоны и отправить в Грузию, Армению, Азербайджан, за исключением тех, кто приносит пользу России». Кроме того, К. Орлов выдвигает лозунг борьбы за чистоту «русской расы», предлагая в качестве средства моноэтнические браки.

Реакция стороны спора (восприятие конфликта). Руководитель правозащитной организации (фонд «Школа мира», г. Новороссийск) В. Карастелев обратился в Большое жюри Союза журналистов России (орган саморегулирования прессы) с просьбой оценить действия редакции. Заявитель утверждает, что факт публикации не только противозаконен, но и крайне безнравственен по отношению к жителям многонационального Новороссийска. По его мнению, «в то время, когда общественные организации и антифашисты города пытаются противостоять распространению фашистских идей, газета «Новороссийский

рабочий» дает открытую трибуну молодым поклонникам Гитлера, которых на сегодня уже весьма много, и с каждым днем становится все больше». Заявитель также сообщает, что представители общественных организаций г. Новороссийска еще 23 ноября 2000 г. распространяли в средствах массовой информации свое заявление о недопустимости пропаганды фашизма, однако редакция газеты «Новороссийский рабочий» никак не отреагировала на это.

Решение независимого арбитра. Большое жюри констатировало, что в публикации «В кого влюбляться патриоткам» «состоявшийся молодой лидер» скинхедов К. Орлов допускает высказывания, которые можно трактовать как дискриминационные по отношению к ряду национальностей. Его утверждения и призывы содержат признаки пропаганды, возбуждающей национальную ненависть и вражду, что запрещено частью второй статьи 29 Конституции Российской Федерации.

Жюри отметило, что в таком многонациональном городе как Новороссийск тема межнациональных отношений естественно должна являться одной из постоянных в СМИ. В то же время журналисты должны проявлять особую ответственность при подготовке публикаций на эту деликатную тему. Совершенно недопустимо предоставлять трибуну экстремистам, чьи высказывания или действия нарушают закон. В то же время запрещать прессе сообщать об экстремистских националистических организациях и их взглядах нет ни моральных, ни правовых оснований. Но при этом следует избегать рекламирования этих организаций и их идеологии, считает Большое жюри. Категорически недопустимо оставлять цитируемые экстремистские высказывания без серьезного и взвешенного комментария редакции. Если редакция формально или фактически солидаризируется с подобными высказываниями, то в таком случае налицо использование СМИ для разжигания национальной нетерпимости или розни.

Большое жюри признало, что публикация «В кого влюбляться патриоткам» в газете «Новороссийский рабочий», мотивированная стремлением редакции представить все многообразие мнений молодежных организаций города, не до конца решает поставленную задачу ввиду недостатка профессионализма при организации «Круглого стола» и подготовке материала к печати. В частности, использованный редакцией заголовок фактически акцентирует внимание читателей на высказывании К. Орлова о чистоте «русской расы».

Направить публикацию «В кого влюбляются патриоткам» в прокуратуру г. Новороссийска для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении К. Орлова по признакам преступления, предусмотренного ст. 282 УК Российской Федерации.

Резюме конфликтолога. Редакция газеты попыталась реализовать диагностическую функцию прессы в конфликте. Об этом свидетельствует и письмо в Большое жюри заместителя главного редактора газеты «Новороссийский рабочий», председателя городской журналистской организации «Единство» И. Кривошеиной. Она пояснила, что рубрика «Другое измерение» специально создана для того, чтобы «показывать жизнь и умонастроения молодежи во всем их многообразии... Высказывание местного скинхеда Константина Орлова приведено... прежде всего как предупреждение обществу о том, какие силы формируются в молодежной среде». Однако признать в полной мере успешной эту попытку нельзя. И вот почему.

Пресса, действительно, в соответствии со своими прямыми обязанностями должна информировать общество о существующих взглядах персон, претендующих на лидерство. Но если эти взгляды являются радикальными, то общество должно быть информировано о степени опасности распространения и последствиях реализации таких взглядов. Получил ли читатель «Новороссийского рабочего» сигнал тревоги? Если да, то очень слабый.

Более того, сигнал тревоги в дискуссии был ослаблен сигналами фатализма («конфликты на межнациональной почве были, есть и будут», «националистические настроения усиливаются в любой стране по мере усиления нестабильности»), а также сигналом отрицания конфликта (призыв «не воспринимать молодых националистов всерьез»). Кроме того, прозвучал и довольно опасный вариант решения проблемы миграции и иммиграции. Один из участников «Круглого стола» заявил о необходимости оценивания полезности тех или иных конкретных «пришлых людей», причем решать этот вопрос должен «не один человек, а общественное мнение».

Конструктивный характер дискуссии могло бы придать участие опытного журналиста, который умеет задавать уточняющие вопросы. Полезно было бы пригласить на такую дискуссию и политолога. Здесь также уместно напомнить, что экстремистские суждения в солидной прессе, как правило, не остаются «один на один» с аудиторией СМИ, они сопровождаются комментарием журналистов и специалистов. Именно такая сово-

купность информационных сегментов приближает восприятие проблемы к объективному видению предмета конфликта. Соблюдение принципа сбалансированности и альтернативности мнений в таких случаях — неперемное условие. В нашем же случае общество недополучило точной информации о конфликте (опасность радикализации молодежных движений)

Однако у этой ситуации есть и позитивный эффект — общественное мнение крупного города получило ясный сигнал о неготовности молодых лидеров противостоять экстремистским взглядам, об их недооценке опасности экстремизма в молодежной среде.

3. «Ложный конфликт»

В программе «Времечко» (производство телекомпании «Авторское телевидение») на телеканале ТВЦ 17 мая 2004 года транслировался сюжет о «зомбирующих тоталитарных сектах» (автор С. Дружинина). Сюжет содержал рассказ о людях, которые попали под влияние мошенников, представившихся представителями некой секты. Видеоряд, предварявший сюжет и завершавший его, был снят во время обряда служения в храме. В закадровом комментарии церковь была названа «православной вселенской церковью». И пастор, и прихожане были узнаваемы в телевизионной «картинке».

Реакция стороны спора (восприятие конфликта). А. Фомин, пастор существующей на законных основаниях религиозной организации Церкви христиан веры евангельской (пятдесятников) «Факел» в своем заявлении в Большое жюри отмечает, что видеоряд в программе «Времечко» снят скрытой камерой на служении в церкви «Факел», причем этот видеоряд не соответствует закадровому комментарию. Церковь названа «православной вселенской церковью», хотя на экране отчетливо видны лица прихожан и пастора реально существующей общины протестантской церкви. Заявитель обращает внимание на то, что вслед за этим в сюжете идет рассказ об истории семьи, попавшей под влияние жуликов, представившихся представителями некой секты. Вмонтажированные в начало и в конец сюжета видеок cadры богослужения в церкви «Факел», по мнению заявителя, создают у зрителя не соответствующее действительности представление о том, что речь в сюжете идет именно о данной организации и именно она является той сектой, которая нанесла вред гражданам. Более того, заявляет пастор, авторы сюжета

вторглись в сокровенную область религиозных чувств, используя съемки скрытой камерой людей во время богослужения.

Решение независимого арбитра. Большое жюри констатировало, что автор телевизионного сюжета С. Дружинина допустила грубую ошибку в своем материале о деятельности религиозной организации, представив ее как секту и именуя ее несуществующей «вселенской православной церковью». На самом же деле использованный в сюжете видеоряд показывал богослужение религиозной организации, существующей на законном основании и носящей иное название — Церкви христиан веры евангельской (пятидесятников) «Факел». Несоответствие между видеорядом и авторским текстом создавало у зрителей превратное представление о религиозной организации и характере ее деятельности. В этой связи Большое жюри напомнило, что недопустимо использовать видеоряд, который искажает реальную картину из-за включения в него фрагментов, не имеющих отношения к деятельности данной религиозной общины.

Кроме того, Жюри отметило, что съемка скрытой камерой во время богослужения является этически неприемлемой, поскольку создает опасность вмешательства в сферу частной жизни. В то же время в случае, если такая видеозапись ведется в целях защиты общественных интересов, например, когда имеются достаточные основания полагать, что под видом религиозных обрядов совершается издевательство над людьми, журналист может использовать скрытую видеозапись.

Большое жюри констатировало, что опасность использования религиозных чувств и религиозной фразеологии в различных неблагоприятных целях реально существует. В то же время понятие так называемых «зомбирующих тоталитарных сект» слишком неопределенно, чтобы использовать его в публичной дискуссии на темы межконфессиональных отношений.

Резюме конфликтолога. Очень распространенный прием уничтожения: перенос негативных свойств субъекта «А» на субъект «В», который в реальности не обладает этими негативными свойствами, но имеет внешнее сходство с «А». Фактически произошла следующая манипуляция: вещатель представил аудитории СМИ конфликт реальный (криминальный) под видом конфликта мнимого (религиозного). Произошло замещение конфликта, что препятствует решению реально существующей проблемы. У журналистов «Времечка» были факты, показания

граждан, пострадавших от действий мошенников, действующих якобы от имени некой секты. Но отсутствовала «картинка», иллюстрирующая деятельность «секты». Понятно, что раздобыть такие кадры весьма непросто, а то и просто невозможно, если секты как таковой не существует. «Трудно найти черную кошку в темной комнате, особенно, когда ее там нет». Пришлось, судя по всему, снимать то, что доступно. Однако не исключено, что действиями журналистов руководил не только принцип «делаю то, что могу».

Фактически журналисты стали инициаторами нового конфликта. Заслуживает глубокого сожаления тот факт, что руководство программы и журналисты так и не призналось в своих ошибках. Главный редактор программы «Времечко» И. Васильков в письме Большому жюри утверждает, что ни о какой Церкви христиан веры евангельской в сюжете речи не шло, а все, о чем пишет в своем обращении пастор А. Фомин, к репортажу отношения не имеет. Между тем пострадавшие от мошенников, действующих под видом миссионеров, показали на заседании Большого жюри, что авторский текст за кадром не соответствовал реальному положению дел. Кроме того, только очень наивный человек может поверить в то, что съемочная группа, работавшая в храме во время богослужения, не знала, какой церкви принадлежит этот храм.

Большое жюри, в частности, констатировало: конституционный принцип свободы слова позволяет публично, в том числе по телевидению, обсуждать вопросы духовной жизни граждан, межконфессиональных отношений и внутриконфессиональной жизни. При этом всякое обращение к этим темам обязывает журналиста проявлять максимум деликатности, а также осведомленности в этих вопросах, чтобы не путать легально действующие религиозные организации с псевдорелигиозными структурами.

4. «Воинствующий мессия»

В московской газете «Новый взгляд» (№3 за 1995 год) была опубликована статья «Чеченский узел. 13 тезисов». Автор (Я. Могутин) в первом тезисе характеризует чеченскую нацию как «полудикую», знаменитую «только своим варварством и угрюмой свирепостью, не давшую миру решительно ничего, кроме международного терроризма и наркобизнеса». Журналист предлагает «варварской нации» переселиться в свои «аулы»,

«кишлаки», «горные ущелья», «чумы», «юрты», «пещеры», «землянки», но только не на российскую территорию.

Автор также утверждает, что любой русский испытывает к чеченцам ненависть «зоологического», «генетического», «животного» свойства. Отношения между двумя народами он характеризует как «этническую несовместимость». Журналист объясняет причину вооруженного конфликта естественной, по его мнению, враждой между русскими и чеченцами, христианами и мусульманами, усилиями «демократов», желающих до минимума сократить размеры ненавистной им России. Автор также уверен, что творческая интеллигенция в своем антирусском, антипатриотическом угаре готова оправдать какие угодно преступления против России и против русских.

Реакция стороны спора (восприятие конфликта). Публикация вызвала резкую реакцию представителей чеченской диаспоры в Москве и Ассамблеи чеченцев в России «За мир, согласие и возрождение». Они обратились в Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ с просьбой дать оценку статье «Чеченский узел. 13 тезисов» с позиции соблюдения норм права и профессиональной этики журналиста. Заявители считали, что автор и редакция публикации разжигают межнациональный конфликт, оскорбляют чеченский народ.

Решение независимого арбитра. Судебная палата установила, что статья имеет очевидный провокационный характер. Автор искажает события конфликта и определяет вооруженный мятеж как войну народов. Такой подход направлен на стравливание двух этносов, разжигание ненависти между ними. Автор ставит один из народов в заведомо уничижительное положение по отношению к другому, тем самым разжигая шовинистические настроения.

Судебная палата признала, что факт публикации статьи Я. Могутина «Чеченский узел. 13 тезисов» служит целям возбуждения национальной, социальной, религиозной ненависти и вражды, нарушает пункт 2 статьи 29 Конституции Российской Федерации и статью 4 Закона «О средствах массовой информации». Решение палаты было направлено в регистрирующий орган для принятия в отношении газеты мер, предусмотренных статьей 16 Закона «О СМИ» («Приостановление и прекращение деятельности»). Кроме того, решение было направлено в органы прокуратуры для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела по статье 74 Уголовного кодекса РФ («Разжигание национальной вражды»).

Резюме конфликтолога. Яркий пример распространения негативных стереотипов, недопустимых в цивилизованной журналистике приемов освещения сложных конфликтных взаимодействий. Автор представляет конфликт как результат естественной вражды двух народов. Журналист идет на крайнее противопоставление, называя всех представителей одного этноса врагами всех представителей другого этноса. Автор не видит никакой возможности мирного сосуществования двух народов, поскольку между ними, по его мнению, существует «генетическая несовместимость». В качестве разрешения конфликта автор фактически предлагает депортацию целого народа. При этом конкретная формула журналистской «инициативы» выходит за рамки здравого смысла, носит откровенно издевательский характер. Так, автор призывает народ переселиться в свои горные ущелья, но за пределы территории, на которой этот народ проживал всегда.

Авторские измышления строятся на неверных предпосылках, ложных представлениях о реальности, упрощениях, на экстремистских и шовинистических взглядах. Фактически автор поддерживает и пропагандирует исключительно «силовую» модель поведения в конфликте, игнорируя саму возможность переговорных процедур.

Интересна позиция редакции. Ее руководство определяло публикацию «Чеченский узел...» как свидетельство плюрализма мнений, как точку зрения, которая «имеет место быть», как «спорную». Всего лишь. Но всякая ли спорная точка зрения имеет право на жизнь? Сам факт существования и содержание статьи 10 (часть вторая) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод свидетельствует о возможных ограничениях свободы мнений. Этой возможностью воспользовались и органы прокуратуры, возбудившие уголовное дело по факту публикации статьи «Чеченский узел», и регистрирующие органы, вынесшие официальное предупреждение редакции газеты за злоупотребление свободой слова.

Ошибка редакции состоит, скорее всего, в выборе автора для освещения сложной темы. Высказаться по поводу сложного конфликта (в нем явно присутствуют экономическая, политическая, этническая и иные компоненты) было доверено журналисту, у которого не было глубоких знаний предмета. Бойкое перо — не единственное основание для доверия освещать сложные и противоречивые конфликтные взаимодействия.

5. «Замещенный конфликт» как позитивное явление

В издании «Новая газета» (номер от 14 января 2002 года) была опубликована статья «Ложись! Суд идет!», в которой шла речь о проблемах судопроизводства в Краснодарском крае. Статья была основана на наблюдаемых автором (собственным корреспондентом газеты С. Золовкиным) конфликтных событиях и судебных документах. Публикация завершалась «справкой отдела расследований» газеты. В этой «справке» сообщается, что «председатель краевого суда А.Чернов, как свидетельствуют злые языки, ходит на работу в часах швейцарской фирмы «Франк Мюлер» за 50 тысяч долларов и костюмах и обуви от Валентино за 2 тысячи долларов. Кроме того, он предпочитает автомобили марки БМВ 7-й серии стоимостью от 120 тысяч долларов и «Мерседес» 220-й серии от 100 тысяч долларов. Как правило, автомашины формально оформлены на знакомых судьи». Кроме того, в «справке» сообщается, что в г. Сочи «завершается строительство особняка площадью примерно 1000 кв. м., стоимостью не менее 1 млн. долларов, владение которым приписывается А.Чернову».

Реакция стороны спора (восприятие конфликта). При всей своей полемичности и актуальности статья не вызвала претензий у представителей судебной системы. Острая реакция последовала на «справку отдела расследований» газеты.

Председатель краевого суда обратился в редакцию «Новой газеты» с просьбой опубликовать опровержение, но ответа не последовало. Тогда председатель краевого суда вчинил редакции иск в защиту чести, достоинства и деловой репутации в судебном порядке.

Этот спор вызвал иное противостояние. Квалификационная коллегия судей и Совет судей Краснодарского края обратились в Большое жюри Союза журналистов России с просьбой оценить публикацию «Ложись! Суд идет!» на предмет ее соответствия нормам профессионального поведения журналистов. В своем обращении заявители выражали возмущение текстом «справки отдела расследований», которую редакция «Новой газеты» подверстала к статье своего собкора в Краснодарском крае С. Золовкина. Заявители считали, что статья грубо нарушает Кодекс профессиональной этики российского журналиста.

Решение независимого арбитра. Басманный межмуниципальный суд г. Москвы признал, что сведения, содержащиеся

в «справке отдела расследований», не соответствуют действительности и порочат истца. Сумма морального вреда, которую газета причинила высокопоставленному представителю судебного корпуса, определена судом в размере 30 миллионов рублей.

Большое жюри выяснило позиции сторон в ином конфликте. Оказывается, представители Квалификационной коллегии судей и Совета судей Краснодарского края обеспокоены попытками газеты поставить под сомнение авторитет и независимость судов края. Заявителями было также заявлено, что «справка отдела расследований» акцентирует внимание читателей не на сути судебного спора, о котором идет речь в статье журналиста С. Золовкина, а исключительно на личности председателя краевого суда.

Председатель Краснодарского краевого суда А. Чернов пояснил, что его иск о взыскании крупной суммы в качестве компенсации морального вреда не имел целью разорение редакции и закрытие газеты, а должен был заставить журналистов озаботиться соблюдением правил журналистской этики. Он также заявил, что готов в соответствии с законом способствовать снижению суммы компенсации.

Орган журналистского саморегулирования фактически выявил все точки эскалации конфликта, заложенные в статье. Оказалось, что его не удалось урегулировать путем публикации опровержения во внесудебном порядке, хотя обе стороны были к этому расположены. Причина — погрешности в коммуникации между сторонами конфликта.

Статья, по мнению Большого жюри, является судебным очерком, для публикации которого имелись основания. Однако заголовок статьи не отвечает ее содержанию и способен дезориентировать читателя. Статья завершается фразой, которая недостаточно обоснована общим содержанием статьи и, хотя не имеет оскорбительного или порочащего характера, однако, как признал сам автор, использована им с целью воспрепятствовать служебному росту председателя Краснодарского краевого суда. Жюри также подчеркнуло недопустимость использования СМИ в качестве инструмента информационной войны, поскольку ее жертвами становятся не только герои публикаций, но также читатели и журналистское сообщество.

Жюри констатировало, что ни в самой публикации, ни на заседании Большого жюри не приведено никаких конкретных

фактов, подтверждающих компрометирующие А.Чернова утверждения в «справке». Использование фигуры речи «как свидетельствуют злые языки» является подменой доказательств, что особенно недопустимо в жанре журналистского расследования. Ссылка на анонимные источники не освобождает журналиста от обязанности перепроверять те компрометирующие сведения, которые он намеревается предать огласке.

Резюме конфликтолога. Редкий случай, когда освещение локальных конфликтных событий (известные проблемы судопроизводства) сфокусировало внимание общества на иных, более острых, масштабных и значимых для прессы конфликтах и факторах их эскалации. В данном случае речь идет о конфликтах типа «пресса — органы власти» и о явных конфликтогенах — использование непроверенной информации, уничижительный характер сообщений о субъектах конфликтов, помехи в коммуникации между сторонами спора, мотивированность журналистских действий политической конъюнктурой.

Кроме того, замещение восприятия судебного очерка восприятием конфликта «пресса — власть» вызвало огромную дискуссию в обществе по поводу соразмерности наказания представителей прессы и неадекватности сопровождения конфликта. Можно ли использовать институт компенсации морального вреда, нанесенного стороне спора, для разорения редакции? На этот вопрос можно ответить утвердительно лишь в редчайшем случае явной журналистской патологии, в случае существования конкретного маргинального СМИ, которое категорически и беспартийно отрицает любое влияние извне, любой диалог по поводу своих ошибок, любые аргументы оппонентов.

Диагностика конфликта в рамках слушаний на заседании Большого жюри показала, что к редакции «Новой газеты» (в данном конкретном случае) это не относится. Многочасовое выяснение всех обстоятельств конфликта привело к созданию атмосферы взаимного понимания. Декларируемая ранее агрессивность сторон уступила место реальным намерениям к сотрудничеству и поиску взаимоприемлемого «выхода» из конфликтного взаимодействия. В конечном итоге это нашло выражение в конкретных поступках. В частности, угроза финансового краха редакции была снята, поскольку инициаторы спора получили достаточную компенсацию в виде знания обо всех обстоятельствах, диктующих поведение оппонентов, в виде публичной оценки их действий.

Ода — арбитру. Но гимн — самоуправлению прессы

Анализ проблемных ситуаций в коммуникациях социального конфликта высвечивает слабое звено, прежде всего в виде неадекватного отражения прессой поведения и мотивов субъектов, причин и иных обстоятельств конфликта, что в свою очередь порождает новый вид споров — информационных. Они касаются качества статей о конфликте, его истоках, сторонах, последствиях, путях разрешения конфликта и т. д. У этих споров сложная, синтетическая природа. К примеру, дискомфорт (а часто и открытый протест, переходящий в агрессию) у стороны конфликта вызывает не только распространение о нем недостоверной, уничижительной или оскорбительной информации, но и распространение информации неполной, несистематической, неоперативной, фрагментарной, трудной для восприятия, эпатажной и т. д.

Конечно, есть случаи, когда журналисты пишут материалы с использованием информации достоверной, сбалансированной и отражающей различные точки зрения на конфликт, и это все равно вызывает недовольство стороны конфликта. Это, однако, совершенно иной случай — несоответствие ожиданий стороны конфликта и конкретных результатов работы журналиста. Однако, как показывает практика, в российской журналистике такие случаи чрезвычайно редки.

Многолетнее и включенное наблюдение за постсоветским информационным пространством позволяет выделить две основные совокупности причин информационных споров:

— нежелание субъекта конфликта (потенциального или реального) делиться актуальной и (или) общественно значимой информацией;

— ошибки редакций и журналистов в освещении сложных конфликтов и конфликтных событий.

Проблема сегодняшних российских реалий состоит и в том, обе эти совокупности взаимосвязаны, одна вызывает к жизни другую.

Часто информационные споры возникают из-за менталитета конфликтанта (например, внутренне присущие свойства властной бюрократической структуры, характер высокопоставленной персоны) или из-за его рационального стремления к закрытости. К примеру, органы государственной власти или коммерческие структуры не очень-то приветствуют распространение информации о своей деятельности, о принимаемых решениях и, тем более,

о намерениях, так как опасаются, что обнародование и публичное обсуждение этих сведений может, к примеру, вскрыть недостатки в работе источника информации, его некомпетентность со всеми вытекающими негативными последствиями для источника.

Журналисты в своей практической деятельности часто сталкиваются с источником, который не только не желает раскрывать причины конфликта, объяснять свое поведение в конфликте, но и создает преграды для получения актуальной информации. Препоны могут существовать в самых различных формах. К примеру, в виде прямого отлучения журналиста от источника информации (отказ в интервью, отсутствие ответа на запрос редакции, недопущение на официальное мероприятие, селекция журналистов по принципу «свой — чужой» или «лояльный — нелояльный», удаление с места события и т.д.). Весьма распространен набор неявных ограничительных действий.

Естественно, ограничения приводят к противодействию со стороны прессы. СМИ, в частности, пытаются привлечь на свою сторону государство, отстоять с его помощью право на получение актуальной информации. Но делается это далеко не всегда, поскольку сказываются три фактора:

1. отсутствие опыта и привычки у представителей прессы в отстаивании своих прав,
2. недоверие к государственным институтам,
3. связь интересов оппонента СМИ с интересами государства или полная тождественность государства со стороной конфликта.

Вот почему редакции и журналисты прибегают к самым различным (в том числе и рискованным, экстравагантным, а бывает, и незаконным) способам получения информации, что опять-таки вызывает новый тип конфликтного взаимодействия, возникающего уже по поводу «чистоты» методов получения прессой актуальных данных.

Кроме того, поскольку полученные в обход конфликтанта данные далеко не всегда являются достоверными, полными, то при их воспроизводстве в СМИ неизбежно возникают новые конфликты, иногда чреватые юридическими последствиями.

Таким образом, информационные споры, в силу их масштабности, продолжительности, «наглядности», часто заслоняют собой реальные конфликты, замещают их в восприятии массового сознания, где отражаются не обязательно реальные проблемы, которым и посвящена журналистская деятельность, а

проблемы, имеющие вторичное отношение к актуальным проблемам развития.

Этот круг конфликтных взаимозависимостей можно и должно разорвать с помощью системы эффективного и взаимосвязанного реагирования со стороны государства и гражданского общества.

Почему имеет смысл настаивать на взаимосвязанности реагирования государственных и негосударственных структур общества?

Существует ряд причин, по которым не всегда возможно урегулирование конфликтов в рамках юриспруденции:

— многие конфликты (а тем более информационные споры) возникают из-за того, что противоречия, лежащие в их основе, не описываются юридическими нормами;

— при судебном разбирательстве интересы одной из сторон могут быть удовлетворены, а другой — нет. На переговорах же во внесудебном порядке можно выйти за пределы конкретного спора и увязать интересы так, что это будет выгодно обеим сторонам;

— обратившись в суд, стороны должны следовать принятым решениям, даже если обе стороны не согласны с ними, в то время как договорные решения могут быть более гибкими, а значит, и более приемлемыми для сторон;

— судебные решения, как правило, не изменяют характер отношений сторон. Зачастую они так и остаются конфликтными. А значит, что вероятность нового конфликта весьма высока.

Внесудебный порядок разрешения информационных споров является предпочтительным еще и в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, судебное решение может быть радикальным по отношению к представителям прессы. Во всяком случае, определение соразмерности «факт публикации — наказание» является проблемой российского (и не только российского) правосудия. К примеру, распространение недостоверной и уничижительной информации может привести к финансовому краху СМИ, а то и к лишению свободы журналиста. И того, и другого можно избежать при определении меры ответственности в сопровождении конфликта. Наказание одной из сторон, как известно, далеко не всегда способствует решению проблемы, иногда, наоборот, обостряет отношения.

Закон предусматривает выход, обеспечивающий стороне конфликта право на опровержение распространенных сведений

и право на ответ, если факт распространения еще и ущемляет права и законные интересы граждан. К сожалению, эту возможность стороны конфликта часто игнорируют. Пресса не любит исправлять свои ошибки (сказывается боязнь утраты авторитета в глазах читателя, рекламодателя или владельца СМИ), а ее обидчик изначально настроен на то, чтобы нанести своему противнику максимальный ущерб с помощью суда. И то, и другое не свидетельствует о намерениях сторон урегулировать отношения с минимальными потерями.

Во-вторых, оценить качество информации (семантику дефиниции или структуру единицы информации) подчас невозможно без соответствующей экспертизы, что ставит перед судом сложную задачу — найти носителя специальных знаний, знакомого с техникой проведения экспертизы информационного сообщения, текста СМИ. Нередко результаты экспертизы вызывают сомнения, и возникает необходимость привлечения другого специалиста дополнительно. Причем, выводы второго эксперта могут отрицать результаты первой экспертизы. И тогда назначается третья («контрольная») экспертиза.

Иными словами, сама реальность ограниченных возможностей судебного рассмотрения информационных споров должна подталкивать стороны конфликта к поиску иных возможностей для урегулирования споров.

Один из них — создание и поддержка корпоративного, независимого арбитра в информационных спорах, в спорах по поводу качества информирования. Практика Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ и Большого жюри Союза журналистов РФ свидетельствует о том, что существование корпоративного независимого арбитра в нашей стране возможно и оправданно.

Но главное — сами редакции и журналисты должны профессионально совершенствоваться, развивать в себе способности к самоанализу, стремиться к новым знаниям, которые помогут увидеть существенные свойства сторон конфликта, и отражать прежде всего их, а не поверхностный слой явления, сколь привлекательным бы он ни выглядел в глазах аудитории СМИ. Представляется, что прикладная конфликтология может помочь редакциям СМИ и журналистам выработать привычку «зрячего» отношения к сопровождению сложных конфликтов и к освещению конфликтных событий.

ГЛАВА 2. ОСВЕЩЕНИЕ ЭТНИЧНОСТИ В СМИ В СВЕТЕ КОНФЛИКТОЛОГИИ

В науке (к сожалению, и на практике) известны разные формы межэтнического противостояния — этнотерриториальные конфликты, этнорасовые погромы и столкновения, акции насилия со стороны неонацистских и экстремистских организаций, случаи этнорасизма по отношению к этническим мигрантам и многие другие разновидности межэтнического несогласия.

Межэтнические конфликты обычно происходят с участием двух или более фигурантов, которыми могут быть как отдельные индивиды, так и группы и целые страны. Это, например, вооруженное противостояние с этнической или конфессиональной подоплекой (или с обеими вместе) в бывшей Югославии, в Северной Ирландии, затяжной конфликт между Израилем и Палестиной, конфликт между Грузией и Абхазией, Молдовой и Приднестровьем, «чеченские войны» в нашей стране и т.д.

Для журналиста, освещающего эти события, важно не только изучить местные условия, в том числе и полиэтничную среду, не только позаботиться о своей собственной безопасности, о чем неоднократно упоминается в ряде пособий, но и определить свою гражданскую и профессиональную позицию в информационном сопровождении описываемых событий.

Вполне естественно, что конфликтные ситуации в горячих точках тоже различны, и это также определяет роль, которую играет журналист, а также его поведение и позицию. В одном случае, например, журналист находится в эпицентре событий и освещает их как репортер, то есть, передавая лишь то, что видел и слышал сам. В другом случае он выступает как аналитик. Здесь часто встречается ситуация, когда журналист вольно или невольно видится как ангажированный одной из сторон конфликта.

Здесь нужно говорить о позиции журналиста. Ведь он может выбором слов, расставленными акцентами или даже количеством ссылок на представителей одной или другой стороны

конфликта способствовать смягчению конфликта или его разжиганию.

Может быть и так, что журналист, описывая конфликт, находится далеко от него и пользуется чужими источниками, свидетельствами, слухами. Он не включен в ситуацию, недостаточно знает ее, не может охватить и проанализировать многие обстоятельства конфликта, учесть разные точки зрения на происходящие события, слабо знает их предысторию и детали.

В последние десятилетия в политических и социально-экономических трансформациях, в борьбе за ресурсы влияния (власть, территории, сырьевые запасы и т.п.) все большая роль отводится этнической составляющей.

Однако конфликтологи во всем мире настойчиво утверждают, что в основе противостояния различных групп лежат не этнические или религиозные различия, не этничность сама по себе, а именно социальные, политические, экономические интересы элит, интересы, которые прикрываются и маскируются для массового сознания этническими или религиозными признаками.

По утверждениям конфликтологов, этнические различия, этничность сама по себе не может являться причиной противостояния. Истинные причины — в интересах элит, которые прикрываются этническими признаками.

И сообщения СМИ, активно обсуждающих подобные события, невольно, а чаще всего сознательно делят общество на сторонников и противников социальных противоречий, связываемых коммуникаторами с этничностью. Таким образом, специфическое освещение этих процессов в прессе зачастую негативно влияет на массовое сознание, будоражит его, намеренно затрагивая этнические чувства и интересы населения.

С помощью СМИ искусственно возбуждается национальное самосознание больших масс людей, у них формируются не только позитивные представления в области межэтнического взаимодействия, но и негативные.

Именно через СМИ распространяются массовые этнические и расовые предубеждения и установки. В результате в обществе усиливается ксенофобия и повышается межэтническая напряженность.

Опасность представляет и совершенствование манипуляционных технологий, используемых СМИ при освещении этнических аспектов жизни. Как известно, в политических играх или борьбе элит, приводящих к противостоянию больших групп лю-

дей, используется множество специальных информационных приемов.

Об этом свидетельствует масса публикаций в СМИ, якобы объективно отражающих, а на самом деле особым образом освещающих и конструирующих этничность практически в каждом российском регионе. Этническая мифология, история, духовная и материальная культура, другие этнические ценности специально текстуализируются, особым образом интерпретируются и, превращаемые в интересную и актуальную для обывателя информацию, внедряются в массовое сознание.

С помощью СМИ в обществе распространяются и сконструированные идеологами этнические образы, идеи, идеалы, мифы, ценности, имеющие нередко эмоционально-нормативную окраску, что особенно возбуждает у людей такие чувства, как этническое достоинство, гордость, обида, страхи. Современные СМИ являются не просто информатором, а очень значимым полем, где «сражаются» представители разных групп идеологов, политиков, бизнеса, культуры и т.д., привлекая на свою сторону аудиторию. В итоге с помощью СМИ в массовом сознании не только акцентируется внимание на вопросах, связанных с этничностью, но и формируются заданные идеологами представления в этой сфере.

История последних десятилетий показывает, что взаимосвязь этничности и СМИ может создавать острейшие проблемы в обществе, усиливая или смягчая социальную и национальную напряженность. СМИ не просто способствуют «этнизации» общественного пространства, но воистину могут сделать это пространство толерантным или конфликтным.

И важно помнить, что понятия «свобода слова» и «свобода выражения своих мыслей» требуют от журналистов и определенной гражданской ответственности и профессионального самоконтроля.

При освещении этничности немалую роль в наши дни играет и коммерческая составляющая, когда борьба за «своего» читателя, зрителя или слушателя связана с конкуренцией, с поиском новых форм разговора с массовой аудиторией, с поиском или созданием «горячих материалов», особенно интересующих заказчиков и спонсоров. Таким образом, и этничность наряду с криминалом, сексом и финансами превратилась в одну из значимых и горячих тем для СМИ.

Несколько слов о толерантности

Говоря о конфликтах, деятельности журналистов и о конфликтной информации, связанной с межэтническими отношениями, нельзя забывать и об их противоположности — мирной и спокойной жизни в стабильном обществе, миролюбивой деятельности идеологов, политиков и СМИ, о толерантной информации, касающейся отношений между разными группами людей. Равноправие, миролюбие и толерантность — важные признаки нормального демократического общества.

Понятие толерантность активно используется в последние годы журналистами, политиками, учеными во всем мире. Оно предполагает признание людьми того факта, что наш мир многомерен и многообразен, что в нем, в разных странах живут представители разных рас, конфессий и национальностей (или этносов), с разными национальными или этническими культурами, нормами поведения, со своими ценностями и привычками.

Человек, живущий по принципам толерантности, спокойно относится к многообразию культур, национальностей и рас, уважая права и свободу других людей. Это — нормальная модель взаимоотношений людей, народов и стран.

Поскольку СМИ прямо влияют на формирование массовых представлений людей, в том числе и в области межэтнических отношений, от их гражданской позиции и ответственности в большой мере зависит, будет ли в стране и ее регионах межнациональный мир или будет поддерживаться межнациональная напряженность, разжигаться межнациональная рознь.

Этнически окрашенная информация, передаваемая в массовое сознание через современные российские СМИ, по воле идеологов и стоящих за ними политиков или других спонсоров может быть толерантной, а может быть и конфликтной. То есть может способствовать стабильности и спокойствию в обществе, интегрируя полиэтничное население, но может его и дезинтегрировать, разбивать на противостоящие группы. Это наблюдается в СМИ многих регионов России. Опасность заключается в том, что СМИ и журналисты могут использовать простые этнографические факты и особенности жизни людей в политических целях. СМИ, как показывает практика, могут уводить массовое сознание от толерантных идей равенства всех этносов перед законом к идеям

приоритетов и льгот, идеям шовинизма и расизма. И это может привести — и часто приводит — к межэтническим конфликтам.

Что такое этнически окрашенная информация?

Многочисленные исследования показывают, что в последние десятилетия через российские и многие мировые СМИ большим потоком в массовое сознание передается так называемая этнически окрашенная или, как иногда говорят, этническая информация. Что же это такое?

Этническая информация в СМИ — это прежде всего упоминания в публикациях о народах и странах, о национальных или этнических обычаях и ценностях. Это, конечно, и безграничное поле этнической политики и межэтнического взаимодействия; это и информация об этнической экономике, о спорте и медицине, педагогике и других сферах общественной жизни. Но, кроме того, этничность в СМИ — это еще и очень трудноуловимые явления, связанные с этнической психологией людей — чувствами, эмоциями, представлениями.

Этнически окрашенная или этническая информация, которую создает журналист (или другой автор), спокойная или гневная, сочувствующая или осуждающая, серьезная или насмешливая — может быть позитивной и толерантной, нейтральной или конфликтной и в зависимости от этого по-разному влиять на разных людей и на их мировоззрение.

Основными признаками этнической информации в газете или в передачах радио и ТВ являются упоминания этнонимов (названия национальностей), рас и их производных, например: узбек — узбекский, татарин — татарский, немец — немецкий, англичанин — английский, русский и т.д. В некоторых случаях это могут быть упоминания в публикациях стран или республик, ассоциированных в массовом сознании с определенными этническими группами (Грузия, Белоруссия, Казахстан, Татарстан), а также упоминание в публикациях слов, связанных с этничностью: национализм, шовинизм, национал-экстремизм и др.

Этническая информация, передаваемая через прессу, радио, ТВ, может выполнять и действительно выполняет гуманитарную, толерантную миссию. Она просвещает людей, информирует их, развлекает, может организовать на добрые дела и выпол-

няет еще много других полезных функций. Из этого источника люди узнают много нового не только о жизни других народов — этносов, но нередко и о своем собственном. Подобная этническая информация воспитывает у читателей, слушателей, зрителей интерес и уважение к другим народам, к их жизни и достижениям. Позитивная этническая информация о своем собственном народе также способствует формированию этнического самосознания, уважительного отношения к своей этнической общности, к своему этническому или национальному достоинству. И кроме того, толерантная этническая информация, передаваемая через прессу, радио, телевидение в массовое сознание, способствует формированию позитивных представлений и установок людей в области межнациональных отношений.

Но она может выполнять и крайне отрицательную функцию, возбуждая неприязнь, подчеркивая различия, привязывая к этносу определенные негативные черты и пробуждая чувство опасности, грозящее со стороны той или иной этнической группы.

Конфликтная этническая информация и ее формы

Существует много способов и технологий, с помощью которых можно повлиять на необходимое коммуникатору восприятие текста, внушить читателю, слушателю, зрителю не только позитивную, но и негативную мысль, идею и с помощью разных журналистских приемов убедить его в этом.

Вот цитата из современной газеты: *«Мы — великая нация. Мы дали миру великих художников, писателей, артистов! Давайте не забывать о своем величии!»*. Или еще: *«Наши спортсмены — самые сильные в мире»*. Очевидно, что с помощью подобных идей, систематически и в разных контекстах повторяемых в массовой печати, можно формировать национальную гордость, национальное достоинство огромной массы людей. Но в этом может быть и определенная опасность — людям внушаются идеи об их «этнической особенности», идеи их отдельного от страны этноисторического прошлого, поощряются в массовом сознании и связываются именно с этничностью мифы об их этноэкономических и прочих достижениях. В то же время позитивные мифы и идеи в отношении других народов очень редко встречаются в современной отечественной журналистике.

Приведем еще одно высказывание журналиста: *«Нас не уважают другие народы, потому что мы сами позволяем им*

вести себя так. Мы не должны терпеть это! Мы должны защитить свою национальную честь и достоинство!» В данном, явно конфликтном газетном высказывании авторы публикации намеренно возбуждают национальные чувства и обиды людей, на этнической основе мобилизуют их и призывают к защите того, что считают «национальной честью».

Многочисленные примеры из современной российской прессы показывают, что СМИ, освещающие этничность, могут не только объединять полиэтничное население, например с помощью идеи «Мы все россияне», но и разъединять его на отдельные народы-этноты, у которых якобы разные ценности, разные и отдельные жизненные стратегии, цели и интересы. Такое разделение, а порой и чувство массовой межэтнической конкуренции достигается, например, «задеванием» этнических чувств и достоинства людей, провоцированием массовых этнических обид, разделением людей на НАС и НЕ НАС...

Журналист может возразить: но ведь действительно существуют разные этнические сообщества, о жизни которых через СМИ интересно узнать и другим людям. И это действительно так. Но обратим внимание читателя на то, что эти «не мы» или «этнически другие» могут быть представлены в СМИ тоже неодинаково: их можно представить как соседей или партнеров, с

Где границы между толерантной и конфликтной информацией?

Один из самых принципиальных вопросов, важных и для журналистов, и для науки, и для правоведов: что считать толерантным или интолерантным при освещении в СМИ этнических особенностей нашей жизни?

Конечно, более или менее четкими ориентирами или рамками являются международные и отечественные документы о стандартах и нормах поведения в демократических обществах. В нашей стране это соответствующие статьи Конституции РФ, Гражданского и Уголовного кодексов РФ, ряд специальных законов о СМИ, о гражданстве РФ, об экстремизме, о языках народов РФ и т.д.

Кроме того, по аналогии с зарубежными у нас разработан ряд профессионально-этических кодексов российских журналистов. Все эти документы неоднократно публиковались в соответствующих изданиях, и журналисты должны знать и выполнять их основные положения. Их недостаток в декларативности. Это чаще всего действительно «рамочные» рекомендации, не содержащие конкретных рабочих понятий и определений.

Что же касается положений законов РФ, Гражданского и Уголовного кодексов, то они исполняются избирательно.

которыми можно найти точки соприкосновения, а можно представить как опасных конкурентов или врагов. Иногда всего лишь одна публикация может сразу же вызвать нарастание напряженности и враждебности между проживающими вместе представителями разных этнических групп.

И вот еще один небольшой, но шокирующий пример из недавней публикации широко распространенного издания, тиражировавшего для своих читателей текст письма с экстремистского Интернет-сайта: *«Братья, живущие в Москве и других городах! Давайте устроим русским кровавую баню! Поезда — под откос! Дома взрывать! Глупые, трусливые собаки примут смерть от свободных волков».*

Поместив это сообщение наряду с двумя другими подобными письмами в форме своеобразного эпиграфа или заставки к своей публикации, автор рассуждает далее о распространении экстремистских взглядов в Интернете, упоминая при этом о «нашем» противнике. Это, согласно его рассуждениям, — *«воины ислама», «экстремистский мусульманский сайт», «тысячи мусульман, готовых взрывать и взрываться, которые живут среди нас»...*

Говоря о связи ислама с *«возможностью удовлетворения погранных амбиций и комплексов»*, автор идет еще дальше в своих рассуждениях: *«Рассказывают, что подобные настроения сильны среди татарских мусульман (Москвы. — авт.), политически мудро скрывающих свои антирусские настроения. Особенно же непримиримы выходцы с Кавказа...».*

Встает вопрос: какова цель этой публикации, насыщенной и другими враждебными идеями и образами? Информировать общественность об опасности? Озадачить ее? Растревожить? Напугать? Или спровоцировать некоторые силы на противодействие, на возмущение, на столкновение с четко обозначенным противником?

Ведь полагать, что такая статья просто является отражением действительности, а журналист ограничивается выполнением функции зеркала, было бы наивным! Ясно, что пером (или клавишами компьютера) журналиста двигала некая сверхзадача. Позитивная? Вряд ли...

Опыт показывает, что поднятая или мобилизованная политиками и журналистами этничность действительно может сплотить представителей одного этноса, например на основе защиты их национальных ценностей — родной земли, родной страны, религии и других национальных святынь.

Опыт также показывает, что сплочение такого рода часто бывает негативным. Читателю не всегда просто увидеть и осознать, что специальное, массированное нагнетание этнических страстей с помощью прессы нередко направлено на распространение у населения установок нетерпимости: противостоять «нашему противнику», «чужим», тем, кто якобы пытается отнять «у нас» «наши» ценности, которые, соответственно, нужно защитить, отстоять, не отдать. Как известно, это нередко означает: не пустить, прогнать, выселить, убрать чужаков — этнически «других», не таких, как мы.

Авторам публикаций, вольно или невольно участвующим в формировании представлений людей в области межэтнических отношений, всегда необходимо помнить о своей гражданской ответственности перед обществом и осознавать созидательную или разрушительную направленность своих выступлений перед массовой аудиторией.

К сожалению, нередко именно журналисты и СМИ, подталкиваемые политиками, инициируют эти разъединяющие людей дискриминационные акции, создавая в регионах этнопсихологическую напряженность, «выдавливая» часть жителей из данной местности. Такую картину в наши дни можно фиксировать в прессе практически всех крупных регионов и городов России.

Основные узлы соприкосновения СМИ и этничности

На основании нашего исследовательского опыта можно выделить несколько основных узлов или точек соприкосновения этничности со средствами массовой информации. Читатель может сам представить, насколько конфликтными могут стать некоторые моменты в альянсе СМИ и этничности. Перечислим кратко эти основные точки касания.

Организация самих «этнических» каналов СМИ и их функционирование. Здесь речь идет как о центральных, так и о региональных прессе, радио, телевидении. Мы имеем в виду их создание, определение необходимых объемов вещания и этноязыковых аспектов информации, проблему журналистских кадров, проблему финансирования и т.д. Важно отметить необходимость разного подхода к каждому каналу СМИ, целенаправленно освещающему проблемы этничности. Например, в России су-

ществуют и активно работают СМИ этнических диаспор и меньшинств, которые появились в основном в последнее десятилетие. Они активно несут в массовое сознание концентрированную этнокультурную информацию, переходящую порой и в этнополитическую. Но кроме таких, условно названных «этническими» каналов СМИ, в этом направлении активно работают и центральные СМИ, также несущие в массовое сознание хоть и рассеянную, но все же довольно интенсивную этническую информацию. Бывает, что эти центральные СМИ представляют себя выразителями позитивных, но нередко и негативных интересов русского народа. Именно они, в силу большой распространенности, и требуют в наши дни повышенного внимания общества.

Аудитория СМИ, получающая этническую информацию. Для деятельности СМИ, освещающих этнические аспекты общественной жизни, важны такие факторы, как этнический состав населения в регионах, количественное соотношение представителей разных этнических групп, их половозрастная и социальная структура, давность и перспективы их проживания на данной территории, степень их интеграции в принимающее общество, их собственные этнокультурные интересы и т.п. Причем каждый из этих факторов имеет свои особенности в разных регионах России. И многие из них могут преподноситься как база для возбуждения этнической вражды. Например, давность проживания или социальная структура.

Гражданские позиции журналистов и других авторов, освещающих этничность в СМИ и формирующих этноконфликтное или этнотолерантное сознание масс (профессионально-этические и правовые аспекты проблемы).

Правовые основы и нормы этнической журналистики. Здесь, как уже упоминалось выше, не всегда действуют механизмы регулирования толерантной деятельности журналистов.

И наконец, **собственно этническая информация,** передаваемая в массовое сознание, ее содержание и направленность, а также ее потенциальный эффект.

Этническое пространство в СМИ

Может встать вопрос: а насколько велико этническое пространство в российских СМИ? Может быть, совсем немного таких материалов, которые действительно несут в массовое сознание этническую информацию?

Материалы исследований российской прессы, проведенные на протяжении последнего десятилетия, фиксируют довольно большое и устойчивое внимание как центральных, так и республиканских СМИ к этническим аспектам современной общественной жизни. В последнее десятилетие этническое пространство в журналистике разрастается. И это далеко не всегда оправданно.

Встает вопрос: всегда ли нужно подчеркивать этническую принадлежность героев и персонажей публикаций в прессе, и не приведет ли это к нежелательным последствиям? Ведь журналисты и другие авторы должны, скорее, делать акцент не на этнических различиях, а на человеческих и гражданских ценностях. Показывая этническое разнообразие мира, важно толерантно, нормально воспринимать другие культуры, обсуждать в прессе общие для всех людей качества, а не приписывать их этносам.

Выявлено, что например в федеральных и столичных изданиях объем публикаций, содержащих этническую информацию, доходит до 15–20 % от общего количества публикаций в каждом номере, а в республиканских газетах их доля нередко превышает 50 %.

Этничность иногда без особой необходимости актуализируется и довольно широко распространяется через многие издания, в том числе молодежные, профессиональные, спортивные, музыкальные, литературные.

Основные формы этнической информации в прессе

Мы уже называли маркеры этнической информации в прессе. Теперь необходимо вместе с читателем рассмотреть, в каких формах и как этнически маркированная информация передается реципиенту.

Сообщения, содержащие фактический материал

Это статьи о событиях в жизни народов-этносов, об их культуре, экономике, политике... В каждом из подобных сообщений непременно присутствуют один или несколько маркеров этничности (например, упоминается этноним, религия, название региона, страны и т.д.).

Это, например, сообщения о том, что «*татарские школьники начали учить свою историю по новым учебникам*», что

«тувинские шаманы участвуют в политической жизни своей республики», о том, что «в Дагестане открылась фотовыставка *«Лицо кавказской национальности»*, или о том, что *«грузинские женихи сбежали в Россию»*. Журналисту важно помнить, что фактический материал о жизни разных народов может быть подан читателю как позитивная информация, как нейтральная или как негатив. Толерантный журналист, не желающий задевать этнические чувства людей, должен иметь это в виду.

Лексика

Яркой формой толерантного или конфликтного распространения этничности, сразу же привлекающей внимание читателей, является лексика, с помощью которой передается информация. Этнические лексемы — один из важных структурных элементов информации, с помощью которого также формируются представления о разных этнических группах и регионах их проживания. Обычно это слова или выражения, состоящие из двух-трех слов: *русское поле, цыганские песни, швейцарские часы, немецкая точность* и т.д.

Рассказывая о событиях и народах, журналист может сказать:
эффективная японская экономика, изысканные латвийские духи, дружественные нам узбеки или немцы, красивые русские женщины...

Но исследования показывают, что на страницах газет все же чаще встречаются другие выражения:

грузино-чеченские бандиты, афганские террористы, лица кавказской национальности, лица арабско-азиатской национальности...

Каждое из этих выражений неправильно как по форме, так и по смыслу, и их употребление, вызывающее недовольство представителей разных групп людей, не только говорит о некомпетентности журналистов, их употребляющих, но и, мягко говоря, не способствует укреплению межэтнического спокойствия в обществе. Нередко и само употребление этнонимов является неуместным, необязательным и даже провокационным. Вот некоторые заголовки из популярных столичных газет: *«Полный абхаз для Грузии!»*; *«Из негра сделали мясной рулет»*; *«Под угрозой увольнения украинка выбросила ребенка в мусорный бак»*; *«Китайские коммерсанты рыли землю перед налоговыми*

ми полицейскими»; «Итальянские туфли шили в Москве из китайских материалов армяне»; «Резать евреев студент пришел с целым набором ножей».

Среди используемых в современной этнической журналистике лексем мы выделили лексемы-нелепости, лексемы-насмешки, лексемы-обвинения, лексемы тревожности и др. Они подробно рассмотрены в наших работах, посвященных диагностике толерантности в СМИ.

Журналистами в последние годы почему-то оказались забытыми понятия, касающиеся миролюбивых отношений между народами и странами, такие, как:

*равноправие,
взаимопонимание,
гуманизм,
милосердие,
уважение,
великодушие,
толерантность...*

А ведь упоминание в СМИ этих общечеловеческих ценностей — один из простых способов внедрения толерантности в массовое сознание. Но, к сожалению, исследования фиксируют не только отсутствие подобной терминологии в современной прессе, но, наоборот, — довольно частое использование конфликтогенных лексем, специально нагнетающих у читателей чувство беспокойства и тревожности:

*скандал,
склока,
конфликт,
ссора,
агрессия,
нападение...*

Особенно эпатажными бывают этнически окрашенные заголовки некоторых публикаций, в первую очередь бросающиеся в глаза читателям: *«Украинцы вляпались в большую Кучму», «Секир — башкир», «Молдавия и Приднестровье опять сцепились из-за языка», «Кирсана — на мыло! Тихие калмыки устроили бучу», «Минфин — хуже татарина»* и многие другие.

Действительно, некоторые из этих заголовков представляются довольно остроумными и привлекают внимание читателей. Но, вызывая своей словесной лихостью улыбку у одних людей, задумывается ли журналист о том, что, вот так залихватски вы-

страивая заголовки, он может обидеть и ранить представителей других этнических групп? Одним или двумя словами, порой яркими и остроумными, можно не только привлечь внимание к этнокультурным особенностям жизни, но и несправедливо публично затронуть чье-то достоинство, ранить этнические чувства.

Образы и стереотипы

Это обобщенные утверждения о представителях конкретного народа-этнуса или обо всем народе в целом. И в данном случае журналист, конструирующий образы, не должен упускать из виду, что они могут быть нейтральными, позитивными или конфликтными. Это могут быть стереотипы или образы «нас», а также «других» — друзей и партнеров или противников и врагов.

Вот некоторые утверждения журналистов, из которых складываются представления людей о разных народах: *«Американцы — малообразованные, самодовольные люди, а французы легкомысленные; русские люди ленивы и простодушны; аварцы гостеприимны и толерантны».*

Анализ публикаций многочисленных центральных и региональных российских газет показывает большое разнообразие этнических стереотипов, которые используют современные журналисты. Это, в частности, стереотипы, связанные с внешностью представителей разных этнических групп, с их поведением, с психологическими характеристиками и другими особенностями их жизни, а также образы стран и регионов, где они живут, историческое прошлое и многие другие этнонациональные ценности и символы, почитаемые в данной этнической общности.

Исследования позволили зафиксировать, что часть этнических стереотипов журналисты озвучивают в СМИ как устоявшуюся истину, например с помощью выражений: *«Как известно, все чеченские мужчины воинственны»*, другая часть стереотипов представляется как собственное мнение автора: *«Для русского человека в цивилизованной мусульманской стране существуют лишь две проблемы — отсутствие в магазинах водки и свинины»* или: *«Русские любят левый вариант».*

Еще одна часть стереотипов публикуется как несогласие автора с приводимым им же утверждением: *«Говорят, что мы такие, но это не соответствует действительности».* Этнические стереотипы могут быть насмешками, издевательствами над представителями конкретных национальностей: *«грузины —*

угонщики», «негры — мошенники», «чернокожие конкуренты», «эстонские гонимые не догнали литовских угонщиков».

Этнические идеи

Еще одним важным элементом информации в прессе, с помощью которого формируются этнические представления и толерантные или конфликтные межэтнические установки у людей, являются этнические идеи или идеологемы. Это сформулированные автором или повторенные за кем-то более или менее четкие суждения, идеи, мысли, несущие в себе определенный смысл.

Они также могут быть толерантными, нейтральными, смешанными или конфликтными. Они могут касаться политики, экономики, культуры и любых других сторон жизни народов.

Иногда в таких текстах подчеркивается польза или вред нам со стороны других, например: *«Слишком много этнических мигрантов приезжают к нам, они нам мешают, и их надо выселить».* Но изредка в прессе встречается и противоположная идеологема: *«Хорошо, что у нас работает так много мигрантов. Они помогают нам обустроить город, снабжают нас овощами и делают нашу жизнь интереснее».*

С помощью конфликтных идеологем, присутствующих в публикациях СМИ, идеологи и политики могут делить население на группы: *«Мы — свои, титульные, коренные, аборигенные, а они — пришлые, приезжие, оккупанты».* Из этого делается вывод, что одна из этнических групп, а именно *«мы»*, должна иметь преимущества *«на своей земле».*

А вот пример, где несколько конфликтных идеологем собрано в одном заголовке: *«Почему мы не любим лиц кавказской национальности?».* Так недопустимо названы несколько публикаций в известной газете. Одна из идеологем в том, что все русские не любят *«лиц кавказской национальности»* (что неправда), и следует лишь выяснить, почему именно. А другая — в самом словосочетании *«лицо кавказской национальности».* Такой национальности нет. Кавказ, как известно, — один из самых этнически многообразных регионов мира.

Собственно, в США и Канаде определение *Caucasian* означает человека, принадлежащего к белой расе. То есть, таким образом, к кавказцам в Америке отнесут и этнических русских, и норвежцев, и испанцев.

Нередко журналисты используют и идеологемы сравнения: *«Мы такие же, как они, поэтому и нам нужно делать так...»*, *«Мы лучше, а они хуже, поэтому нам нужны привилегии...»*. В прессе используются идеологемы соперничества, идеологемы самооценки и оценки других, идеологемы запугивания и угроз (*«Если они сделают так, то мы...»*), идеологемы обвинения...

Анализ российской прессы показывает, что в современных СМИ, тесно связанных с этнополитическими процессами, используются разнообразные идеологемы с этническим или конфессиональным подтекстом, в большинстве случаев недружественные. С их помощью выстраиваются приоритеты, вызывается сочувствие к одним этническим сообществам (*«Они бедные, жалкие, несчастные, мы должны им помочь»*) или формируются обиды по отношению к другим (*«Они обижали нас долгое время, теперь они должны извиниться перед нами»*).

Во многих случаях этнические идеологемы звучат как призывы, как повод для этнического сплочения, как средство этнической мобилизации. В последние годы в прессе нередко проскальзывают идеологемы конфликтности и явной вражды: *«Нормальный москвич сочтет оскорблением, если необмытый заморыш (в публикации речь шла о московских милиционерах нерусской национальности. — авт.) на ломаном русском сделает ему замечание»*; идеологемы-подстрекательства: *«Чем дольше США тянут с началом военной операции, тем смешнее они выглядят в глазах исламских стран»*; идеологемы обвинения и очернения: *«Священник — сам украинец и собирает вокруг себя одних украинцев. Русских он презирает и считает, что в скором времени Русская церковь будет управляться из Украины»*.

Многочисленные материалы, несущие в массовое сознание определенные идеи и мифы об этносах и межэтнических отношениях, несомненно, — важный инструмент формирования массовых взглядов и установок населения, и журналист должен всегда задумываться и понимать, к чему могут привести такие материалы.

Иллюстрации

Очень важная и действенная форма трансляции этничности в социум через прессу — это иллюстрации: рисунки, фотографии, карикатуры с этнической тематикой, которые тоже могут обидеть и оскорбить национальные чувства читателей. Особый

эффект производят карикатуры, которые представители этнических групп иногда воспринимают как оскорбительные для себя. Свидетельства тому — массовые волнения в Иране, когда в одной из центральных газет страны была помещена карикатура, изображающая мальчика, пытающегося заговорить на языке фарси с тараканом. А ведь этим языком пользуется большинство населения Ирана! Таракан, ничего не понимая, спрашивает на азербайджанском: «Что?».

Это возмутило этнических азербайджанцев, которые составляют примерно 24% населения Ирана. Волнения привели к тому, что полиция была вынуждена применить слезоточивый газ, чтобы разогнать протесты этнических азербайджанцев у правительственных зданий в Тебризе.

Широко известен также и другой недавний «карикатурный скандал», доставивший много неприятностей журналистам и политикам как в Европе, так и в азиатских мусульманских странах (карикатура в прессе на пророка Мухаммеда).

В нашей прессе иллюстрированный материал в форме карикатур или коллажей нередко касается не столько самой этничности, сколько обостренных в некоторые периоды отношений России и стран-соседей. В этих карикатурных изображениях

Некоторые формы этнически окрашенной информации в прессе:

— Сообщения с фактическим материалом. Это статьи о событиях в жизни народов-этносов, об их культуре, экономике, политике (*«татарские школьники начали учить свою историю по новым учебникам»*).

— Этнические лексемы — один из важных структурных элементов информации, с помощью которого также формируются представления о разных этнических группах и регионах их проживания (*«грузино-чеченские бандиты, афганские террористы, лица кавказской национальности, лица арабско-азиатской национальности»*).

— Образы и стереотипы этносов. Это обобщенные утверждения о представителях конкретного народа-этноса или обо всем народе или расе даже в целом (*«грузины — угонщики», «Негры — мошенники», «Чернокожие конкуренты»*).

— Этнические идеи или идеологии. Это сформулированные автором или повторенные за кем-то, более или менее четкие суждения, идеи, мысли об этносе и его представителях (*Мы — свои, титульные, коренные, аборигенные, а они — пришлые, приезжие, оккупанты*).

— Иллюстрации.

ях, как правило, используются разные этнические признаки персонажей — утрируются особенности внешнего облика, элементы одежды, некоторые обычаи, обыгрываются поговорки и цитаты из песен. И все это подается как насмешка над «ними».

В радио- и особенно телепередачах при освещении этничности используются, кроме, того еще и другие нюансы — интонации, эмоции, звук, музыка, разные шумы, а на телевидении — еще и жесты персонажей, их мимика, а также картинка или фон, на котором происходит действие. Поэтому, рассказывая читателям, слушателям и зрителям о расовом, этническом и конфессиональном многообразии общества, толерантный журналист должен с осторожностью использовать такие формы распространения этничности, как этнические стереотипы, этнические идеи, этнические мифы, лексемы и иллюстрации. Особенно негативные.

Основные темы публикаций, наиболее часто содержащих этничность

Этничность в сообщениях СМИ пронизывает практически все сферы жизни — от большой политики — до самых «мелких» бытовых событий. И большинство публикаций, имеющих этническую окраску, как уже упоминалось выше, так или иначе связано с этнополитикой. Рассмотрим кратко тематику, через которую особенно насыщенно передается в прессе этничность.

Этнокультурное развитие этносов

Иногда в прессе российских республик эти процессы показывают как «*этническое возрождение*» или «*этнический ренессанс*». Здесь нередко речь идет о проблемах происхождения и исторического пути этнических групп, о демографической ситуации, об успехах «своих» этносов в прошлом и об их интересах в настоящем и будущем. При этом, как правило, реконструируется или романтизируется их историческое прошлое, реанимируются и мифологизируются этнические герои и памятники, поднимаются вопросы о направлениях языковой политики, о переименовании улиц, городов, поселков.

Такие материалы обычно бывают направлены на формирование этнического самосознания представителей определенной группы, на их сплочение на основе единой истории, единых ценностей, а порой и единой территории.

К сожалению, далеко не всегда подобные материалы содержат в себе только позитивный подтекст. С помощью таких материалов нередко одна часть населения психологически как бы отделяется от другой — иноэтнической, якобы нездешней, неправомерно противопоставляется ей.

Через подобную информацию довольно часто проводятся идеи желаемого доминирования одной национальности над другой, муссируются идеи о необходимых льготах и привилегиях представителям так называемых «коренных» национальностей перед всеми другими. И в этом может быть общественная опасность подобных материалов. Здесь журналистам важно соблюдать определенный этноинформационный баланс, человеческую и этническую деликатность и профессионализм.

Освещение межнациональных (межэтнических) отношений в российских регионах

Здесь проблем, затрагиваемых прессой, масса. Это, в частности:

- проблемы этнических меньшинств, издавна проживающих в городе или районе,
- проблемы недавних этнических мигрантов и принимающих этносов, выливающиеся порой в журналистских сообщениях в отношении «своих» и «чужих»,
- проблемы взаимоотношений и приоритетов этнических культур, языков и др.

В целом, освещение межнациональных отношений — это огромная и, пожалуй, одна из наиболее болезненных тем для современных российских СМИ. Судя по данным наших исследований, контакты этносов далеко не всегда описываются в СМИ позитивно. Особенно неблагоприятно это выглядит в последнее десятилетие в прессе федеральной и столичной. Что касается республиканских и областных журналистов, то при освещении межэтнического взаимодействия в своих регионах они в последние годы выступают в прессе заметно осторожнее и толерантнее, чем столичные.

Освещение горячих межэтнических конфликтов

В первую очередь это касается конфликта в Чечне и других горячих точках. Как известно, описываемые в СМИ военные со-

бытия далеко не всегда связаны с этническими аспектами жизни людей. Но стараниями журналистов и политиков они становятся таковыми в массовом сознании. В подобных публикациях часто можно встретить несбалансированную, необъективную информацию. И это — беда журналистов и идеологов, выступающих на страницах газет с «патриотических» позиций, защищающих, как им представляется, свою страну или свою национальность. Здесь в очередной раз отзывается научная и юридическая неразработанность многих понятий, в том числе и такого ключевого, как патриотизм. Практически во всех публикациях СМИ о военных событиях заметны политические интересы, нередко прикрываемые этничностью или не всегда справедливым стремлением защитить своих.

Проблемы «этнического криминала»

Эта тема также конфликтогенная. Ведь нередко именно в подобных материалах представители разных этносов (за исключением русского и некоторых других) представляются как преступники, а сами преступления связываются авторами публикаций с определенными национальностями. Иногда, на основании одного-двух примеров, в СМИ делаются обобщения о поголовной преступности среди представителей какой-либо национальности (*грузины, чеченцы, азербайджанцы, цыгане...*). И это не только несправедливо обижает невиновных, вызывает большие обиды у представителей этих национальностей, но и способствует распространению в массовом сознании негативных этнических образов и враждебных установок по отношению к ним.

Но может встать вопрос: ведь проблема этнической преступности существует в реальности. Как же журналистам писать об этом? Нам представляется, что даже на основании фактов совместного совершения преступлений лицами конкретной национальности журналист не должен делать обобщения о преступности всей этнической группы, всего народа.

Взаимоотношения республик и федерального центра

Эта тема актуализируется в прессе в зависимости от конкретных поводов, возникающих или в «центре», или в конкретном регионе. За последние годы в СМИ проводились такие информационные кампании, например связанные с выборами в

Саха-Якутии и в Калмыкии, или с позицией Татарстана по некоторым спорным конституционным вопросам, или с некоторыми проблемами в Башкортостане и др. В этих случаях СМИ вместе с политиками довольно активно используют этничность особенно в регионах, играют на этнических чувствах населения, резко восстанавливая массовое сознание жителей республик против «коварного» федерального центра.

Отношения между Россией и странами — бывшими союзными республиками

Конфликты Россия — Грузия, Россия — Латвия, Россия — Украина и другие активно освещаются нашей и зарубежной прессой, и не всегда корректно. Конфликтные взаимоотношения политиков, довольно своеобразно озвучиваемые нашей прессой, конечно же, накладывают определенный отпечаток и на отношения простых людей из разных стран, хотя в большинстве случаев им далеко не всегда понятен сам повод конфликта, и они просто привлекаются как группа эмоциональной поддержки.

В московских газетах появляются ернические заголовки: *«Аджария Грузии нагадила в урну», «В Киеве — выше, а у нас толще», «В Грузии боятся России», «За Тузлу ответишь! Смерть дружбе России и Украине пришла с косой», «Киев ведет себя не по-русски», «Россия и Украина расползаются в стороны», «Украину рвет...».*

Может создаться впечатление, что журналисты просто забавляются игрой слов. И действительно, иногда журналистские находки вызывают улыбку у читателей. Но каждый автор или читатель должен все же помнить и понимать, что за всеми подобными текстами стоит большая политика, в которой СМИ принимают непосредственное участие, а журналисты в данном случае находятся на службе определенных политических интересов.

Поэтому журналисту важно задумываться над своей позицией и постоянно иметь в виду вопрос — не усугубляют ли его материалы противостояние сторон, не участвует ли он в разжигании конфликта.

Тема иноэтничных мигрантов

Это также одна из самых болезненных тем, связанных с этничностью.

Как известно, иноэтничные мигранты массами переселяются в разные регионы России преимущественно из Кавказского и Центральноазиатского регионов. И на протяжении многих лет, несмотря на традиционно лояльное отношение россиян к приезжим, через многие информационные каналы в массовое сознание так или иначе внедряется идея: *«Приезжие нам мешают. Они везут нам болезни, из-за них повышаются цены на жилье и продукты. Они отбирают наши рабочие места, и вообще — они чужие».*

Подобные материалы в разных формах присутствуют в прессе всех регионов страны. И особенно концентрированно они представлены в некоторых столичных изданиях, так как именно в Москве и области за последние годы сосредоточились многие этнические диаспоры.

Как откликается пресса и журналисты на эти изменения, весьма ощутимые для населения? В первое время (здесь приведены заголовки 1997 года) это были в основном довольно спокойные публикации: *«Беженцы — это хорошо. Значит, где-то жизнь гораздо хуже!»*, *«Гости столицы. Демографический портрет»*, *«Иностранец как трудовой резерв»*, *«Новый московский интернационал».*

Но с течением времени, с возрастанием количества приезжих тон публикаций в прессе меняется. Заголовки 2000–2003 гг. уже несут в себе заряд негативных эмоций: *«Братцы-иностранцы или бомба 2001?»*, *«У москвичек будут раскосые глаза?»*, *«В Москве все школы нерусские»*, *«Ешь баран, учи Коран!»*, *«В Москве идут интеллигентные зачистки чеченцев, ингушей и дагестанцев»*, *«В Подмосковье начали жечь чеченские магазины»*, *«Квартиры у москвичей отбирала цыганская мафия»...*

Массы публикаций о непростых взаимоотношениях постоянного населения и иноэтничных приезжих не сходят со страниц московских газет в последние годы. И как один из результатов этой массивной информационной атаки появляются сообщения: *«Быстро отсюда!»*, *«Чайна! Вон из тауна! Есть такая профессия — родину защищать. Рубрика: Бежать некуда».*

На этих примерах хотелось бы показать журналистам, как ситуация может вести их журналистское перо. И как само журналистское перо может вести за собой реальную ситуацию.

Обсуждение проблем национал-экстремизма и различных этнических фобий

Это еще одна большая и очень острая тема для современной журналистики. Иногда это бывают кампании осуждения случаев экстремизма, общие для всех СМИ сразу. Так случается при острых информационных поводах. Но иногда отдельные СМИ сами инициируют обсуждение подобных тем и представляют их далеко не всегда с толерантных позиций.

Основные темы публикаций, связанных с этничностью

— Этнокультурное развитие этносов. Довольно часто проводятся идеи желаемого доминирования одной национальности над другой, предлагается рассмотреть вопрос о льготах и привилегиях представителям так называемых «коренных» национальностей перед всеми другими.

— Межнациональные (межэтнические) отношения в российских регионах:

— проблемы этнических меньшинств, издавна проживающих в регионе;

— проблемы недавних этнических мигрантов и принимающих этносов, выливающиеся в отношении «своих» и «чужих»;

— проблемы взаимоотношений и приоритетов культур, языков и др.

— Горячие межэтнические конфликты. В первую очередь конфликт в Чечне и в других регионах Кавказа.

— Проблемы «этнического криминала». Представители разных этнических групп (за исключением русских) позиционируются как преступники, а сами преступления связываются с определенными национальностями.

— Взаимоотношения республик и федерального центра.

— Отношения между Россией и странами — бывшими союзными республиками. Конфликты Россия — Грузия, Россия — Латвия, Россия — Украина и другие освещаются не всегда корректно.

— Иноэтничные мигранты. «Приезжие нам мешают. Они везут нам болезни, из-за них повышаются цены на жилье и продукты. Они отбирают наши рабочие места, и вообще — они чужие».

— Проблемы национал-экстремизма и различных этнических фобий. «Бей цветных, спасай Расею», «Бить! И никаких гостей. Свои идеи скины отработывают в метро!».

За последние годы в центральной прессе России наблюдался ряд подобных кампаний, касавшихся проблем кавказофобии,

чеченофобии, юдофобии, цыганофобии. Нередко подобные, не совсем профессионально сделанные публикации (а порой это делается намеренно и прикрывается якобы «наивностью» автора) сами становятся предметом общественного обсуждения и вызывают ненужный всплеск негативного интереса к этническим различиям людей, нагнетают межэтнические страсти и напряженность в обществе.

Можно перечислить множество публикаций, посвященных этой тематике. И с сожалением приходится фиксировать некоторый оттенок провокационности в этих публикациях, к примеру озаглавленных : «Бей цветных, спасай Расаю», «Бить! И никаких гостей. Свои идеи кожи отрабатывают в метро!», «Удар по почкам — и нация стала чище». Авторы (или редакторы в самих текстах публикаций, как правило, осуждают проявления национал-экстремизма в обществе, однако выносят в заголовок провоцирующие призывы. Конечно же, такие заголовки привлекают внимание читателей. Но все ли из читателей могут понять сарказм таких высказываний? В последние годы к этой же теме можно отнести и выступления против терроризма, где также активно акцентируется этнический признак.

Как видим, все перечисленные выше этнические проблемы, освещаемые современной прессой, так же, как и многие, не упомянутые здесь, свидетельствуют о взрывоопасности подобной информации для полиэтничного населения, где бы оно ни находилось — в Москве, Краснодаре, Оренбурге, Новосибирске, Казани или Грозном. Каждая из тем содержит в себе огромный потенциал этнической толерантности и конфликтности.

Проблем, связанных с толерантным или конфликтным освещением этничности в СМИ, очень много. И нужно привлечь к ним внимание журналистов, политиков, чиновников, других организаторов общественной жизни, показать им актуальность и значимость этих проблем и обеспокоить всю российскую общественность опасностью распространения идей ксенофобии, национал-экстремизма и расизма.

И здесь опять важно подчеркнуть ответственность журналистов, освещающих в СМИ разные стороны межэтнического взаимодействия. От журналиста и его спонсоров зависит, какие идеи, стереотипы и нормы они хотят распространить в обществе: тревожность и отчужденность, неуверенность, страх, противостояние этнических групп? Или, наоборот, они будут способ-

ствовать мирному спокойному настрою своих земляков, своих сограждан, с которыми живут и будут жить дальше в нормальном и стабильном обществе.

Журналист, описывая этнические сюжеты, всегда должен помнить о созидательном или разрушительном потенциале своих публикаций, независимо от политических подсказок и подталкиваний.

Авторы, освещающие проблемы этничности в СМИ

Нельзя обойти и вопрос об авторстве этнически окрашенной информации. Естественно, это, по большей части, журналисты. Именно от деятельности журналистов, от их профессионализма в большой степени зависит, установится ли межнациональный мир или будут продолжаться межнациональная напряженность, вспышки конфликтов, попытки этнического сепаратизма, случаи этнической дискриминации. И это огромная тема, о которой надо говорить специально.

Однако наши исследования показывают, что, кроме журналистов, авторами многих публикаций (иногда в одном издании до 20%) являются и другие интеллектуалы: например в федеральной и московской прессе — это политики и представители творческой интеллигенции, а в российских республиках и других регионах — это, кроме журналистов, главным образом местные административные работники, которым СМИ предоставляют свою трибуну. Поэтому необходимо также специально говорить не только о просвещении журналистов и об общественном контроле за их деятельностью, но также и о других идеологах, высказывающихся на страницах прессы о проблемах этничности.

ГЛАВА 3. ПРЕССА И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Специфика религиозных конфликтов заключается в том, что они затрагивают духовную жизнь людей, внутренний мир верующих, связанный с миром иным, божественным. Не случайно в Решении Судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации от 12 февраля 1998 года указывается:

«... любые публикации, касающиеся деятельности религиозных организаций, должны быть основаны на проверенной, достоверной информации, выдержаны в деликатной форме, осторожны в выражениях и характеристиках верующих людей».

Практика последних лет показывает, что количество публикаций, теле- и радиопередач на религиозную тематику возросло многократно. Некоторые журналисты стали специализироваться на данной проблематике. Появилась даже Гильдия религиозной журналистики. И все равно публикуется множество статей и выпускается в эфир множество теле- и радиопередач, подготовленных журналистами, слабо представляющими специфику религиозной тематики. Нередко подобные выступления вместо того, чтобы нести мир и формировать толерантное общество, сами являются источником социальной напряженности и религиозного конфликта. А ведь разжечь религиозную вражду, конфликт гораздо легче, чем погасить...

Современная религиозная ситуация в России

Для того, чтобы понять, в чем именно специфика темы, необходимо, прежде всего, иметь представление о реальной картине религиозной жизни российского общества.

По официальным данным, а они представлены в Государственном реестре юридических лиц, по состоянию на 1 июня 2005 года в стране насчитывается 21.800 зарегистрированных религиозных организаций, принадлежащих к 68 религиозным течениям. Кроме того, значительное число религиозных групп осуществляет свою деятельность без государственной регистрации, не получая статуса юридического лица, что допускается законом.

Важно помнить, что:

В Российской Федерации на законных основаниях действует по крайней мере 68 религиозных течений.

Зарегистрировано 21.800 религиозных организаций.

Закон допускает деятельность незарегистрированных религиозных групп, однако с некоторыми ограничениями (см. ниже).

Такое многообразие конфессионального пространства нашей страны не является чем-то уникальным в мировой практике. Оно складывалось в результате исторически длительного и сложного процесса, под воздействием различных факторов. Это и продолжавшееся веками географическое расширение нашей страны, включение в ее состав новых территорий с населявшими их народами, исповедовавшими свои религии и культуры, и развитие экономических связей России с зарубежными странами, в том числе культурный обмен, миссионерство. Очень важны в этом аспекте собственные духовные поиски россиян.

В целом современная религиозная картина в стране характеризуется двумя тенденциями: возрождением и возрастающим влиянием традиционных конфессий и развитием новых религиозных движений.

До 1917 года в Российской империи церковь не была отделена от государства. Это значит, что Русская православная церковь являлась частью государственного механизма, ее учение признавалось главенствующим, а все остальные конфессии ставились в подчиненное положение.

Христианство в той его разновидности, которая была принята в Византийской империи (православие), было объявлено государственной религией на Руси в 988 году. Князь Владимир Святославич сделал выбор в пользу константинопольских иерархов из-за удобной для него модели взаимодействия между церковью и государством. В Византии религия была полностью поставлена на службу светским властям и фактически являлась государственным институтом.

Самая крупная и влиятельная конфессия — **Русская православная церковь** (Московский патриархат) — имеет 11747 зарегистрированных приходов, монастырей, миссий, образовательных и иных учреждений. Согласно социологическим опросам, до 70 процентов россиян считают себя православными, при этом приблизительно 7 процентов из них регулярно посещают храмы и соблюдают основные православные обряды и предписания.

Другим крупнейшим направлением христианства в нашей стране является протестантизм, представляющий собой множество самостоятельных церквей, связанных происхождением с **Реформацией**. Сюда относятся лютеране, евангельские христиане, баптисты, пятидесятники, адвентисты, пресвитериане и другие деноминации, имеющие около 4750 зарегистрированных общин. Общее количество членов протестантских конфессий, по данным независимых экспертов и Аналитического управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания РФ, составляет до полутора миллионов человек.

***Реформация** — религиозное течение, возникшее в Германии в 1517 году с выступлением Мартина Лютера. Реформация фактически отрицала необходимость католической церкви с ее иерархией, а также и духовенства как такового. Отверглась католическое Священное предание, отрицались права собственности церкви на землю и др.*

Третье место по количеству зарегистрированных в России общин занимает **Ислам** (второе после православия по числу верующих). Мусульманское сообщество имеет 3650 зарегистрированных организаций. Однако еще большее количество исламских общин существует без государственной регистрации.

***Ислам** — мировая религия, объединяющая более 1 миллиарда приверженцев. Суть ислама составляет учение о единобожии, посредничестве между Богом и людьми, загробном воздаянии, Страшном суде. Ислам возник в VII веке, основатель религии пророк Мухаммед начал проповедовать ислам в Мекке в 614 году. Два основных течения в Исламе — суннизм и шиизм. Одно из направлений в суннизме — ваххабизм — возникло как идеология антитурецкого национально-освободительного движения арабского народа под предводительством Ибн Абд ал-Ваххаба (1703–1792 гг.).*

Старообрядческие, иудейские, католические и буддистские объединения насчитывают соответственно 257, 248, 228 и 190 зарегистрированных организаций. Имеются и религиозные

организации, имеющие незначительное количество последователей и исчисляемые всего несколькими зарегистрированными приходами. Это **молокане, духоборы, толстовцы, копты, квакеры, сикхи, караимы** и другие.

Поликонфессиональный характер Российской Федерации, безусловно, накладывает свой отпечаток на содержание государственно-конфессиональных отношений и практику реализации законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях. Отсюда сложность данной проблематики как для понимания самими журналистами, так и для правильного, объективного доведения ее до получателей информации.

Правовые основы деятельности религиозных объединений

Правоотношения в области реализации религиозных прав и свобод регулируются нормативными правовыми актами, принадлежащими к различным отраслям права. Особая роль принадлежит Конституции Российской Федерации. К числу концептуальных конституционных гарантий относятся следующие:

— в Российской Федерации признается идеологическое многообразие (ст.13);

— Российская Федерация — светское государство (ст.14);

— никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ст.14);

— религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст.14);

— государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ч.2 ст.19);

— каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст.28);

— не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая религиозную ненависть и вражду, запрещается пропаганда религиозного превосходства (ч.2 ст.29);

— каждый имеет право на объединение, никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем (ст.30);

— гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой (ч.3 ст.59).

Одной из важнейших составляющих российского законодательства в области свободы совести являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

Положения Конституции Российской Федерации и норм международного права в области свободы совести получили развитие во многих нормативных правовых актах.

К числу важнейших базовых законов относится Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», вступивший в силу 1 октября 1997 года. Он принципиально отличается от действовавшего ранее Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», принятого еще в 1990 году, при существовании СССР.

В частности, в законе от 1997 года существенным образом был изменен порядок создания религиозных организаций, сокращен круг лиц, способных быть учредителями и участниками местной религиозной организации. Право на учреждение местной религиозной организации было признано только за российскими гражданами. Иностранцы граждане и лица без гражданства могут являться только участниками религиозной организации, причем при условии их постоянного проживания на территории Российской Федерации.

Законом также введено новое понятие — религиозная группа, которой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. С одной стороны, это положение закона дало возможность религиозным объединениям легально действовать без государственной регистрации.

Однако законодателем были установлены также, как представляется, неоправданные условия для преобразования религиозной группы в религиозную организацию — пятнадцатилет-

ний срок деятельности на соответствующей территории либо подтверждение о вхождении в структуру уже действующей централизованной религиозной организации. Закон существенно ограничил права религиозных организаций, созданных до его вступления в силу, но не имеющих документа, подтверждающего их существование на соответствующей территории на протяжении не менее пятнадцати лет.

Кроме того, Федеральный закон содержит ряд внутренних противоречий, что на практике приводит к расширительному толкованию отдельных его положений, и, как следствие, нарушению прав граждан и религиозных объединений. Например, в тексте преамбулы закона указывается «особая роль» одной конфессии и дан перечень «уважаемых» государством религий, что нарушает конституционный принцип равенства религиозных объединений перед законом и вызвало немало недоразумений и конфликтных ситуаций.

Помимо Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», на федеральном уровне в общей сложности действует свыше 100 нормативных правовых актов, в которых в том или ином аспекте упоминаются вопросы свободы совести и деятельности религиозных объединений.

Важно помнить, что:

Согласно Конституции РФ, все религиозные объединения равны перед законом (православные, католические, исламские, буддистские, иудейские, евангелические и все остальные).

Ни одна из религий не может быть признана официальной (главной, важнейшей).

Государство запрещает любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности.

Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая религиозную ненависть и вражду.

Наряду с федеральным законодательством более чем в 10 субъектах Российской Федерации действуют собственные законы о реализации свободы совести и вероисповедания. Все они в разное время приводились в соответствие с федеральным законодательством. Однако сделано это было во многом формально и непоследовательно.

Между тем, согласно пункту «в» статьи 71 Конституции РФ, регулирование отношений, возникающих в сфере прав и свобод человека, находится в ведении Российской Федерации. Следовательно, субъекты Российской Федерации своими зако-

нами и другими нормативными актами не вправе сужать и ограничивать свободу совести и деятельности религиозных объединений, установленные Конституцией и федеральным законодательством. В их компетенции могут быть вопросы защиты прав и свобод человека, находящиеся, согласно пункту «б» ст. 72 Конституции РФ, в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Нельзя забывать, что религиозные конфликты характерны, прежде всего, для государств с многоконфессиональным населением, в которых принимаются и действуют дискриминационные законы или игнорируются и нарушаются права верующих. Создание преимуществ для одной религии неизбежно приводит к ущемлению прав других. Вот почему в нашем обществе возникают опасения в связи с тем, что православие может приобрести де-факто статус государственной религии, а это, в свою очередь, вызовет усиление националистических движений в стране. И эти опасения небеспочвенны, так как в общественном сознании православие тесно связано с русским этносом, с русской нацией. Распространено мнение, согласно которому быть русским значит быть православным. Для сравнения: в украинском национализме такая связь отсутствует, быть «настоящим украинцем» не означает исповедание какой-либо определенной ветви православия или католицизма. Однако в грузинском национализме, например, очевидна связь с православием, а в армянском — с Армянской Апостольской церковью.

К вопросу о терминологической корректности и профессиональной ответственности

Обращаясь к религиозной тематике, журналисты могут совершать две типичные ошибки: употреблять слова с негативной окраской в отношении представителей религиозных меньшинств и, доказывая преимущество одной конфессии над другими, принижать, а иногда и просто унижать их. В этом случае они, как правило, пользуются источниками, заинтересованными именно в принижении какого-либо прихода, священнослужителя, церкви или конфессии. И — что совершенно противоречит принципам журналистского профессионализма — не дают критикуемым возможности ответить, представить свою точку зрения в той самой статье, в которой они критикуются.

Рассмотрим применение уничижительных терминов или приклеивание ярлыков. Чаще всего встречаются: «волчье логово», «зомби», «секта» и т.п. Как справедливо указывает профессор И. Кантеров:

«Не только в далеком прошлом, но и в наши дни причисление конкретной группы или организации верующих к категории, носящей негативный оттенок, порождает дискриминацию и даже преследование»¹.

В этих ситуациях вспоминается строфа из стихотворения Я. Козловского «Слово»:

Призывом стать, и отзывом, и зовом
Способно слово, изменяя лад,
И проклинают, и клянутся словом,
Напутствуют, и славят, и чернят.

К сожалению, последнее, то есть очернение через прессу, встречается все чаще и чаще. Публикация оскорбительных слов, непроверенных и надуманных фактов, выдаваемых за действительность, является наглядным подтверждением этого.

Достаточно просто перелистать публикации на религиозную тему, чтобы понять, что позиция, которую занимает автор по отношению к описываемым событиям, видна бывает уже в самом начале статьи. Показателем этого являются термины, которые употребляет автор. Любую религиозную организацию и любое действие можно описать как хорошее или плохое в зависимости от выбора слов.

Например, обращение в религию — вербовка, последователь вероучения или прихожанин общины — адепт, пост — насильственное лишение пищи, миссионерская деятельность — экспансия, жертвенное служение — рабство, религиозная община — волчье логово, обращение в веру — промывка мозгов, пожертвование денежных средств на религиозную организацию — вымогательство и мошенничество и т.п. Употребляя подобные эмоционально окрашенные слова, авторы статей уходят от объективного освещения темы — одного из главных принципов профессиональной журналистики.

¹ См.: Кантеров И.Я. «Деструктивные», «тоталитарные»... и далее везде // Религия и право. 2002. № 1. С. 27.

Обратимся к достаточно часто употребляемым в журналистском лексиконе словам «секта», «сектантство», «сектант», «тоталитарная секта».

Сразу оговоримся, эти слова не являются научными терминами, поскольку в силу отсутствия четких и устойчивых признаков не имеют ясного научного определения и научного смысла. По этой причине они отсутствуют как в международном, так и в российском законодательстве. По этой же причине они не называются и не раскрываются в фундаментальном светском научном словаре «Христианство», изданном под общей редакцией известного религиоведа академика РАН Л.Н. Митрохина в 1994 году. Абсолютное большинство отечественных религиоведов использует лингвистически нейтральные термины, которые определены в законодательстве, — «религиозное объединение», «религиозная организация», «религиозная группа», либо «новое религиозное движение», «культ». Термин «секта» и производные от него термины имеют, как правило, презрительный и уничижительный оттенок и употребляются обычно в бытовой, а иногда в политической полемике (вспомним «политическое сектантство», «марксизм чужд сектантству»).

Плохо:	Лучше:
<i>Вербовка</i>	<i>Обращение</i>
<i>Адепт</i>	<i>Последователь или прихожанин общины</i>
<i>Насильственное лишение пицци</i>	<i>Пост</i>
<i>Экспансия</i>	<i>Миссионерская деятельность</i>
<i>Рабство</i>	<i>Служение, жертвенное служение</i>
<i>Волчье логово</i>	<i>(Религиозная) община</i>
<i>Промывка мозгов</i>	<i>Обращение в веру</i>
<i>Вымогательство</i> <i>(Мошенничество)</i>	<i>Пожертвование денежных средств на религиозную организацию</i>

Так сложилось исторически. Поскольку до Октябрьской революции 1917 года признавалась главенствующая роль государственной религии — Русской Православной церкви, все остальные конфессии в лучшем случае были терпимы, а в худшем — гонимы. В законодательстве дореволюционной России многие из них так и назывались «ересь», «секта», «терпимая секта», «зловредная секта».

С тех пор прошло много времени. Мир изменился. Канули в Лету монастырские тюрьмы. Вступили в силу международные

документы, которые гарантируют свободу мировоззренческого выбора и защиту прав религиозных меньшинств. Конституция Российской Федерации в 1993 году провозгласила курс на построение светского государства, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом (ст. 14). Однако по инерции, как отголосок прошлого, нередко с подачи журналистов в нашей стране так называемые «сектанты» и «раскольники» продолжают причисляться к вредным социальным группам, считаться людьми второго сорта. Под эти определения попадают не только новые религиозные движения, но и глубоко укоренившиеся исторически сложившиеся конфессии протестантов, католиков, старообрядцев. Не случайно Судебная палата по информационным спорам в уже упомянутом решении отмечает, что:

«...в законодательстве Российской Федерации не существует такого понятия как «секта». В то же время данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет безусловно негативную смысловую нагрузку, и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих».

Судебная палата отмечает также, что неоправданное использование данного термина в отношении конкретной религиозной организации противоречит нормам журналистской этики.

Критически и осторожно следует относиться и к терминам «*тоталитарный культ*», «*тоталитарная секта*».

Слово «*секта*» и производные от него «*сектантство*», «*сектант*», а также «*тоталитарная секта*» имеют заведомо уничижительный и презрительный оттенок. Вместо них лучше употреблять нейтральные: «*религиозное объединение*», «*религиозная организация*», «*религиозная группа*», «*новое религиозное движение*», «*культ*».

Нередко само название статьи красноречиво свидетельствует о религиозной ангажированности автора, показывая его личный религиозный выбор и пристрастность. Так, в одном из номеров еженедельника «Смоленские губернские ведомости» за 2004 год была опубликована статья Валентины С-к под заголовком «*Десногорск оккупировали баптисты*». При этом центральное слово в названии статьи «*оккупировали*» было напечатано черным цветом, а «*Десногорск*» и «*баптисты*» — красным.

Статья вызвала широкий резонанс. После ее появления в церкви баптистов «Слово Христово» неизвестные лица дважды разбивали стекла. В адрес прихожан раздавались угрозы физической расправы. Трудно предположить, что автор рассчитывала на иную — неагрессивную — реакцию читателей.

Ведь «оккупация» означает «захват», временное занятие вражескими силами территории противника. Обратите внимание на лексику, объясняющую слово «оккупация»: отрицательный заряд несут в себе слова «захват», «вражеский», «противник». Это значит, что и само слово имеет негативную коннотацию. Кроме того, нельзя было не учитывать местной особенности, заключающейся в том, что во время Великой Отечественной войны Смоленск находился под фашистской оккупацией и был сильно разрушен, отчего слово «оккупация» вызывает у жителей района особенно сильные негативные чувства.

Между тем среди прихожан церкви «Слово Христово» есть врачи, учителя, предприниматели, представители различных социальных групп. Многие исповедуют баптизм во втором и третьем поколении. После выхода статьи пастор церкви обратился в суд за защитой чести и достоинства. В исковом заявлении, наряду с текстом статьи, было обжаловано и ее порочащее название в соответствующей цветовой гамме. Суд согласился с доводами истца и обязал газету опубликовать опровержение, в том числе по названию статьи, и взыскал с редакции и журналистки моральный ущерб в пользу заявителя.

В качестве другого примера можно привести статью, опубликованную в Ижевске в газете «Инфо-Панорама» от 3 июня 2004 года под названием *«Во главе секты «Дело веры» стоит известный украинский мошенник Юрий Д.»* (причем фамилия в названии статьи дана полностью). Статья подписана неким С.В. Бузановым. Можно представить, какой шок вызвала эта публикация среди более двух тысяч прихожан названной протестантской церкви и самого епископа Юрия Николаевича Д.

После прибытия в Ижевск автор этих строк выяснил личность Бузанова. Он оказался рецидивистом, находящимся под следствием за совершение очередного тяжкого преступления. Как пояснил Бузанов, статью он написал под диктовку некоего «православного патриота» Максима У. в обмен на обещание освободить его из-под стражи.

Таким образом, налицо типичный случай «заказухи», целью которой было опорочить доброе имя церкви и ее пастора.

К сожалению, в силу религиозведческой некомпетентности и дремучести многие искренне считают, что все религиозные организации, кроме той, которую они посещают, являются не только безблагодатными, но и вредными. Следовательно, с ними надо бороться любыми методами. В данном случае таким «борцом» оказался «патриот» Максим У., в силах которого оказалось освободить из-под стражи задержанного рецидивиста. Редакция же газеты в нарушение требований закона о СМИ о необходимости публиковать проверенную информацию это требование закона проигнорировала. После вмешательства адвоката газета добровольно опубликовала опровержение и публично извинилась перед епископом. Естественно, он никакой не мошенник, является священнослужителем во втором поколении, отец троих детей, аспирант, член Консультативного совета по религиозным вопросам при Полномочном представителе Президента РФ в Приволжском федеральном округе.

Список примеров можно продолжить. Приведем только некоторые названия статей, которые красноречиво говорят сами за себя: «*Врага надо знать в лицо*», «*Святые зомби*», «*Секта в законе*», «*Волки в овечьей шкуре*» и т.д. и т.п.

О понятии «Секта»

Это слово находится в окружении однокоренных слов: глаголов «сечь», «отсекать», существительного «секира». Семантическое значение в корне составляет одно понятие: то, что отсечено, фрагмент усеченного целого. Корень — индоевропейский. Исторический источник — латинское слово «secto»; его значение равняется тоже латинскому слову «pars» (партия), которое дало понятие «партия».

Значение этого слова в латинском языке: отколовшаяся часть религиозной общины. Это слово попало в русский язык из немецкого, где «sekte» — форма мужского рода. Этому соответствует французское «secte». В латинском языке — «secare» (резать).

Почему из немецкого? Это слово фиксируется словарями как слово, возникшее в эпоху Петра I.

Слова «секта», «сектантский», «сектант» в России долгое время связывались с религиозными движениями, отколовшимися от православной церкви.

Второе значение слова — это группа лиц, замыкающаяся в групповых интересах. В итоге это значение и распространилось

в языке. Это слово любили российские коммунисты. Ленин всегда употреблял это слово в отрицательном значении. Он любил говорить: марксизм чужд сектанству. В последнее время все чаще слово «секта» употребляют, когда речь идет о религиозных движениях. Ученые-лингвисты, напротив, полагают, что наиболее актуальный смысл этого слова в русском языке состоит в обозначении вообще людей, отколовшихся от целого движения.

По мнению член-корреспондента РАН, профессора МГУ и главного редактора журнала «Филологические науки» А.А. Николаева, изначально слово «секта» имело отрицательную коннотацию, в том числе по отношению к религиозным движениям, религиозным меньшинствам. В связи с этим понятие «секта», «сектант» может восприниматься как оскорбительное членами религиозных организаций. В официальной лексике предпочтительно и правильно употреблять понятие «религиозная организация», «религиозное объединение» и «член религиозной организации» как имеющее нейтральное смысловое значение².

Обвинения в ритуальных жертвоприношениях и иных антиобщественных действиях

Еще более опасны голословные обвинения в адрес верующих и религиозных объединений со стороны как светских, так и религиозных журналистов, в ритуальных человеческих жертвоприношениях, доведении до самоубийства антипатриотизме и иных антиобщественных действиях. Результатом публикации такого рода обвинений нередко являются поджоги культовых зданий, избияния и оскорбления верующих, призывы к расправе.

Миф о ритуальных человеческих жертвоприношениях является одним из наиболее живучих и распространенных.

Нередко в региональных СМИ указывается, что таковые якобы имели или могут иметь место в отдельных религиозных объединениях. При этом авторы публикаций даже называют конкретные религиозные организации — вполне уважаемые организации, как правило, протестантского или иудейского толка. Однако автор данной главы, многие годы профессионально занимающийся юридическим религиоведением, не может на-

² См.: Николаев А.А. О понятии «секта» // Религия и право, 1999. № 2. С.23.

звать ни одного достоверно известного и юридически доказанного случая ритуального убийства в нашей стране, связанного с человеческим жертвоприношением, по крайней мере за последние сто лет.

Не так давно в Интернете и некоторых СМИ широко обсуждался случай, связанный с трагическим исчезновением пяти красноярских школьников. В прессе было высказано предположение, что убийство подростков, случившееся за неделю до иудейской Пасхи, может носить ритуальный характер. Впоследствии данное предположение не подтвердилось. Но слова были сказаны, и многие евреи испытали на себе враждебные и настроенные взгляды соседей и коллег по работе.

Представителей самых различных культов голословно обвиняют в ритуальных человеческих жертвоприношениях, однако по крайней мере за последние сто лет в России не было ни одного доказанного случая ритуального убийства.

Известно, что одним из наиболее живучих и распространенных проявлений юдофобии на протяжении уже нескольких веков является так называемый «кровавый навет» — обвинение в ритуальных жертвоприношениях, совершаемых с целью добывания крови для отправления культа. Самое известное дело данной категории слушалось в 1913 году в Киевском окружном суде в отношении Бейлиса, которого обвиняли в ритуальном умерщвлении отрока Андрея Ющинского с целью получения крови. Дело имело широкий резонанс не только в России, но и далеко за ее пределами и окончилось полным оправданием подсудимого Бейлиса судом присяжных.

Однако средства массовой информации, обвинив представителей религиозных меньшинств в так называемых ритуальных убийствах, в последующем почему-то всегда «забывают» сообщить о том, что в ходе предварительного следствия данный факт не подтвердился, или что имело место типичное бытовое преступление, не связанное причинно-следственными связями с деятельностью религиозных организаций. Очевидно, для журналистов это уже не интересно, поскольку не вписывается в придуманный ими жанр интригующей кровавой истории, в которой якобы была замешана некая таинственная «секта». В результате читатели оказываются дезинформированными.

Одним из примеров такого обвинения является сообщение в начале 1999 года, опубликованное в ряде центральных газет, а

также на телеканале НТВ, что в г. Алдане в Якутии разоблачена «секта пятидесятников», в которой совершено ритуальное убийство десятилетнего мальчика Миши Дулова. Некий «сектовед» Дворкин пытался убедить публику в том, какие пятидесятники вредные и нехорошие. Газета «Известия» сопроводила информацию о событиях в Алдане собственным комментарием о пятидесятническом движении:

«Объединение пятидесятников возникло в США в начале нынешнего столетия. Они отличаются от большинства христиан тем, что отвергают апостольское преемство, священство и другие таинства и обряды. Сейчас пятидесятники насчитывают более 50 млн. приверженцев по всему миру (на самом деле цифра намного выше. — Авт.). Это одна из самых богатых христианских сект...».

И как заключительный аккорд:

«В Московской Патриархии пятидесятников не относят к воинствующим сектам, поэтому бороться с ними так же, как, скажем, с Белым Братством или «Аум Синрике», православная церковь пока не собирается».

Как только в прессе появились подобные сообщения, у российских пятидесятников в разных регионах страны начались серьезные проблемы. Так, в Волгограде и в Казани органы юстиции отказались принимать для регистрации документы от пятидесятнических церквей. Аргументация носила примерно такой характер: «То, что вы вытворяете в Якутии, будете вытворять и здесь!».

В городах Магадане, Кирове, Костроме и ряде других правоохранительные органы через суд пытались ликвидировать и запретить местные пятидесятнические общины. Дело приобрело серьезный оборот. В Магадане после этих публикаций некоторых членов церкви пятидесятников пытались уволить с работы, неизвестные избили сторожа церкви, местные СМИ, повторяя публикации центральных газет, обвинили пятидесятников во всех смертных грехах. Дискредитация в прессе обрела столь мощный характер, что 600 членов магаданской пятидесятнической церкви и около 200 костромской вынуждены были подать документы на политическую эмиграцию по религиозным мотивам.

Эта ситуация не на шутку встревожила епископат церквей христиан веры евангельской — пятидесятников в Российской Федерации. 19 марта 1999 года они провели в Москве пресс-конференцию, на которой сделали официальное заявление. В заявлении, в частности, сообщалось, что алданская группа не имеет никакого отношения к пятидесятничеству и что непроверенная ложная информация на этот счет в СМИ способна нанести серьезный ущерб не только пятидесятническому движению России, но и межконфессиональной и общественной стабильности.

Автор этих строк выехал в Алдан, где беседовал со многими участниками трагических событий, в том числе в течение трех часов в присутствии прокурора в камере предварительного заключения с главным обвиняемым по делу В. Пискуном.

Ситуация стала очевидной сразу же. Никакого отношения к пятидесятникам алданская группа не имела. Это самобытная, созданная синкретическим путем община из 72 человек (включая 28 детей) жила в глухой тайге в 500 километрах от Алдана. Члены общины отказались от белковой пищи, денег как средства платежа и любых документов (деньги и документы они сожгли), от медицинской помощи, от обучения детей в школе и т.п. Себя они никак не идентифицировали, в личной беседе назывались «певцами», «скитальцами» и «пришельцами». Данные, собранные на месте, позволили отнести членов этой группы к библейским фундаменталистам, буквально толкующим Священное Писание и не связанным с известными российскими конфессиями.

Это с одной стороны. А с другой — спустя некоторое время следствием было установлено, что смерть подростка Миши Дулова не была связана с религиозным ритуалом, а стала результатом телесных повреждений в совокупности с переохлаждением организма на морозе. Непосредственный виновник смерти мальчика — глава группы Василий Пискун был приговорен к десяти годам лишения свободы. Кроме того, были лишены материнских прав родители 28 детей. 24 марта 1999 года газета «НГ-религии» на целую полосу опубликовала подробную статью с расследованием этой истории, в которой были даны ответы на многие вопросы. Таким образом, было сняты незаслуженные обвинения с российских пятидесятников, а также развеян миф о человеческом жертвоприношении.

Иногда журналисты в поисках скандальных и сенсационных историй готовы фальсифицировать события, искусственно конструировать их, выдавая собственные фантазии за действи-

тельность. При этом религиозные меньшинства в силу своей природы подходят для этого почти идеально. Они практически никогда не отвечают на публичные обвинения и не привлекают к ответственности клеветников, действуя по библейскому принципу «Не суди, да не судим будешь».

Писать о бандитских группировках опасно. А когда дело касается религиозных меньшинств, то в силу некой мистической тайны, которая присутствует изначально и на которую так падок читатель, можно сделать сенсационный материал. И что немаловажно, нет почти никакого риска судебных преследований. Это незачтливо и непрофессионально.

2 октября 2002 года в «Комсомольской правде» была опубликована на целую полосу статья «Московский монастырь оказался борделем» (автор Анна С-ва), а 11 октября 2002 года по первому каналу российского телевидения в передаче «Человек и закон» (автор Леонид Г-н) был показан сюжет, посвященный Католическому ордену францисканцев в России.

Суть публикации и передачи сводилась к тому, что в Москве, в квартире, принадлежащей католическому ордену, якобы располагается притон. Многие западные информационные агентства подвергли сомнению достоверность данных материалов и расценили это как попытку искусственного создания сенсации, поскольку никогда в мировой практике францисканцы, члены ордена, основанного святым Франциском Ассизским восемь веков тому назад, в подобном замечены не были.

По просьбе настоятеля Католического ордена францисканцев автор этих строк провел собственное расследование всех обстоятельств данного дела. По результатам расследования было принято решение обратиться в Большое жюри Союза журналистов России. 23 декабря 2002 года после тщательного исследования материалов, заслушивания заинтересованных сторон Большое жюри вынесло решение:

«Опубликование «Комсомольской правдой» 21 октября 2002 г. протеста Католической общины францисканцев в Москве на публикацию «Московский монастырь оказался борделем» (7 октября 2002 г.) не снимает вопроса о соблюдении сотрудниками редакции правил журналистской этики при подготовке данного материала. Заголовок статьи, ее содержание, тональность, а также сопровождающий ее коллаж не соответствуют реальному положению дел и создают у читателей превратное представление о данной религиозной организации»

и характере ее деятельности. Хотя автору известно, что в данной квартире не находится никакой религиозной общины, однако в статье неоднократно акцентируется внимание на том, что «любитель эротической экзотики может посетить монастырь и весело провести время в компании молодых «монашек». В явном противоречии с реальностью автор пишет: «А это действительно что-то новенькое на рынке столичных сексуальных услуг». Построенная в таком духе статья представляет собой довольно типичный пример циничного конструирования псевдосенсационной публикации на основе произвольного истолкования тривиального квартирного спора. В результате получилась статья, откровенно оскорбляющая чувства верующих, что не делает чести такой массовой газете как «Комсомольская правда».

Далее Большое жюри констатирует, что сюжет в передаче «Человек и закон», подготовленный телекомпанией «Останкино» и показанный «Первым каналом» 11 октября 2002 года, содержит многие из перечисленных недостатков. В частности,

«...видеоряд искажает реальную картину из-за того, что при монтаже автор включил в него фрагменты, взятые из архива и не имеющие прямого отношения к деятельности данной религиозной общины. Характерно, что автор не включил в передачу имеющуюся у него видеозапись объяснений настоятеля Г. Цероха представителям правоохранительных органов, из которых телезрителям стало бы ясно истинное положение дел. Тенденциозный характер подачи материала наиболее ярко проявился в заключительной фразе авторского текста за кадром: «Всякий любитель «клубнички» может беспрепятственно посетить монастырь братьев-францисканцев и расслабиться по полной программе в обществе жриц любви». По сути дела журналист пошел на поводу внешней стороны конфликта, не задумываясь о том, что прикасается к такой чувствительной теме как межконфессиональные отношения».

Комментарии, как говорится, излишни.

Немного о «страшилках»

Источники и причины страшилок

Как видно из сказанного, причины появления публикаций и передач, в которых грубо искажается религиозная действитель-

ность, самые разные. Это и элементарное невежество, и умышленное искажение обстоятельств и фактов, и искреннее заблуждение.

На прилавках книжных магазинов сегодня можно купить самую разнообразную литературу, рассказывающую о различных религиозных организациях. Однако нередко данная литература, несмотря на ее претензии на объективность и светскость, носит сугубо конфессиональный и апологетический характер, когда все иные верования рассматриваются как заблуждение в отличие от какой-то одной конфессии.

Профессиональный подход требует, чтобы журналист ориентировался на независимые источники и данные, полученные из одного источника, подтверждал по крайней мере из другого — также независимого. Так, для непредвзятого читателя должно быть понятно, что если справочник «Новые религиозные объединения России деструктивного и оккультного характера» выпущен Миссионерским отделом Русской Православной церкви — Московского Патриархата (Белгород, 2002), то он не может быть в полной мере беспристрастным, ведь этот источник назвать независимым нельзя. Он имеет ясную пропагандистскую направленность. И она видна в попытке дать классификацию так называемым деструктивным культам и в определении некоторых слов, которые используют также и журналисты.

К *«деструктивным религиозным объединениям»* авторы справочника относят самые различные организации, в том числе экологические организации, последователей Порфирия Иванова, учение политолога Александра Дугина, коммерческий культ «Гербалайф», международную академию информатизации и т.п.

В названном списке не хватает, пожалуй, Деда Мороза со Снегурочкой, Карлсона и других сказочных персонажей, а также нескольких десятков авторитетных общественных организаций. А к политологическому учению Александра Дугина логично было бы добавить политические позиции известных политологов или журналистов, таких, как Глеб Павловский, Михаил Леонтьев или кто-либо другой.

Доктор философских наук, профессор кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при президенте РФ М.О. Шахов справедливо считает, что справочники так называемого «антисектантского» направления часто содержат не вполне объективную информацию, поскольку конфессиональные СМИ неизбежно являются в той или иной мере пристрастными.

А с точки зрения журналистики самое важное, что публикуемые сведения должны соответствовать действительности и не порочить честь и достоинство верующих и религиозных объединений. Очевидно, что огромное количество недостоверных данных, исходящих из средств массовой информации, постепенно перерастает в негативное отношение к представителям религиозных меньшинств, а выпады против «сект» и «сектантов» разжигают ненависть по отношению к неправославным.

Страшилка для школьников

В «Основах безопасности жизнедеятельности: Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных школ и учреждений начального профессионального образования, часть II» (М., 2002) утверждается, что международная религиозная организация «Армия Спасения», «представляя евангельскую протестантскую ветвь христианской церкви, по существу является военизированным формированием с жесткой иерархической системой, воинскими званиями и формой, приказами и четкой подчиненностью младших старшим».

Наряду с «Армией Спасения» в данном учебном пособии к «*деструктивным сектам*» отнесены «Новоапостольская церковь», «Церковь объединения», «Церковь Христа», «Свидетели Иеговы», «Богородичный центр» и др. Указывается, что таких организаций по всей России более 1000. Подчеркивается, что «помимо официально зарегистрированных по сути тоталитарных организаций в российское образование стремятся внедриться ряд неформальных деструктивных течений и культов», «неуравновешенные» члены которых способны «на единичные экстремистские и террористические акции». Делается следующий вывод: «не вызывает сомнений, что основным направлением противодействия терроризму является достоверная информация о названных и других организациях, которые потенциально и реально питают такого рода явления».

Однако не приводится ни одного достоверного факта, ни одного судебного решения относительно названных религиозных объединений. Смысл этой страшилки в том, чтобы «промыть мозги» подросткам, вызвать у школьников негативные эмоции к названным организациям. Доказательств «деструктивности» или, скажем, потворства терроризму, или «тоталитарности», разумеется, нет.

Не случайно, что Европейский суд по правам человека принял к рассмотрению четыре жалобы, в том числе и от названных организаций, по фактам дискриминации и ущемления прав верующих.

Страшилка для студентов

«Глубинные, стратегические по последствиям, антисоциальные особенности деструктивных культов, — пишет Т.Н. Кильмашкина в учебнике (sic!) «Конфликтология: социальные конфликты» (М., 2004), — кроются в основах их верочений, а не в официальных уставах или рекламных материалах. Адепты культа, идентифицируя себя с его учением, легко становятся фанатичными исполнителями всяких экстремистских положений. Мотивация сектантов, как правило, намного сильнее и устойчивей, чем у обычных уголовных преступников. Таким образом, государство должно быть заинтересовано в исследовании особенностей верочений сект, приводящих к безнравственным и противоправным деяниям. В нашей стране процессы появления различных духовных и иных культов приобрели широчайший размах».

Далее к числу причин роста «сект» автор отводит «попытки расчленения истинной абсолютной религии — православия и других крупных традиционных созидательных верочений».

Автор учебника для студентов объявляет православие «истинной абсолютной религией», а членов организаций, иначе относящихся к христианству, сравнивает с уголовными преступниками.

Такой текст нельзя считать ни научным, ни объективным, ни достоверным.

В приведенном примере очень высок эмоциональный фон. Автор использует эмоционально насыщенную лексику, что не свойственно научной речи. Слова и словосочетания «*сектанты*», «*фанатичные исполнители*», «*экстремистский*», «*уголовные преступники*», «*безнравственные и противоправные деяния*» призваны настроить читателя на негативную эмоциональную волну. Доказательства при этом не приводятся.

Объективный научный анализ показывает, что называемые автором «деструктивные культы» вовсе не антисоциальны. Наоборот, многие из них даже очень социально активны (в данном случае мы говорим, например, о протестантах — лютеранах,

евангельских христианах, баптистах, пятидесятниках). Так, они проповедуют Евангелие, призывают соблюдать заповеди, поощряют рождение детей и укрепление семейных уз, проводят профилактическую работу с людьми по избавлению их от алкогольной, табачной и наркотической зависимости, поощряют честную трудовую деятельность, стремятся участвовать в общественной и политической жизни и т.п.

А что пишет автор учебника?

«Секты» стремятся «полностью завладеть человеком, сориентировать его исключительно внутрь секты, уничтожить все его свободные связи с миром»;

«...по сути своей все секты в той или иной степени деструктивны и тоталитарны»;

«...старые» секты — это отделившиеся в период Реформации от христианских церквей протестантские церкви (хотя по-настоящему их нельзя назвать церквами);

«в православии источником «старых» сект оказались старообрядцы-раскольники различных согласий. Отделяясь от большой (какой — неясно) секты, они с самого начала обречены на непрекращающееся собственное дробление... И хотя члены «старых» сект хранят свои семьи и добросовестны в работе, они нередко пассивны как граждане своей страны, склонны уваливать от воинской повинности, а, участвуя в общественном движении и политике, больше озабочены интересами своей секты»;

«опасность деструктивных сект вытекает из криминальных наклонностей их внутренней жизни, зомбирования» и т.д. и т.п.

Удивляешься, что такое может написать доктор наук!

Традиционные и нетрадиционные религии

Еще одной причиной, вызвавшей к жизни религиозные конфликты, стало деление религий на традиционные — православие (Sic! А не христианство как таковое), ислам, иудаизм и буддизм — и нетрадиционные (все остальные). Если подойти к данной проблеме с исторической позиции, то к традиционным религиям следовало бы также отнести и язычество с его многобожием (Перуном, Дажьдбогом, Сварогом и др.), и старообрядчество, и католицизм, и, безусловно, весь ряд протестантских деноминаций.

Вне сомнения, язычество сыграло огромную социальную и культуuroобразующую роль, внесло заметный позитивный вклад в историю, традиции, культуру, язык и самосознание нашего народа и государства, да и всего человечества. Многие православные обряды и праздники в основе своей языческие. Индия, Китай, Япония, страны Юго-Восточной Азии и Полинезии, многие страны Африки, Центральной и Латинской Америки, Литва, Исландия, Норвегия являются странами, где языческие верования признаются государствами как неотъемлемая часть своей истории и культуры.

На территории России есть ряд республик, где языческие верования коренных народов признаются и защищены законодательством (например, Марий Эл, Тыва, Бурятия, Якутия, Алтай). Сохраняются языческие верования и среди славянских народов. Однако они встречают наибольшие препятствия в реализации своих прав на свободу вероисповедания.

Наглядным примером нагнетания атмосферы подозрительности и недоверия к представителям иных конфессий служит скандальное обращение группы представителей «патриотической общественности», включая 19 депутатов Государственной Думы, в Генеральную прокуратуру с требованием возбудить дело о запрете всех религиозных и национальных еврейских объединений, основанных на морали Шулхан Арух, как экстремистских. Газета «Русь православная» опубликовала на своем вебсайте 11 января 2005 года это обращение под заголовком «Еврейское счастье, русские слезы».

Значительная часть претензий к еврейскому народу «Обращения 19-ти», как назван этот документ в прессе, обосновывается ссылками на книгу «Кицур Шулхан Арух», изданную на русском языке. В частности, в книге якобы утверждается, что христианство — это идолопоклонство, что запрещается «обучать неевреев ремеслу», что «еврейке не следует помогать нееврейке при родах», что при денежных расчетах «если нееврей ошибся сам, разрешается воспользоваться его ошибкой», что «его [нееврея] семья рассматривается как семья скотины», что «запрещается спасать их [неевреев-акумов], когда они близки к смерти», что «деньги акума суть как бы добро бесхозное, и каждый, кто пришел первым, завладеет им», что «по отношению к акуму не существует обмана».

«Обращение» вызвало скандал и вскоре было отозвано, некоторые депутаты поспешили откреститься от своих подписей,

а обе палаты Федерального Собрания осудили его. Однако уже 21 марта 2005 года в Генеральную прокуратуру было передано «Письмо пятисот». Официальное название этого документа — «Обращение к Генеральному прокурору РФ В.В. Устинову в связи усилившимся применением к русским патриотам ст. 282 УК РФ «о возбуждении национальной розни» по отношению к евреям».

Несмотря на то, что высшие органы власти России осудили призывы к запрету еврейских общественных объединений, в Москве 4 ноября 2005 года состоялись шествие и митинг националистических сил. А во время предвыборной кампании в Москве в ноябре 2005 года в агитационной листовке, изданной ЛДПР (лидер — В.В. Жириновский) тиражом в 1 млн. экземпляров, предлагалось «закрыть Москву от выходцев с юга» и «запретить религиозные секты». Тенденция, как видим, налицо: в стране нарастает волна религиозно-националистических настроений и выступлений. В случае усиления этой тенденции мы можем оказаться у порога превращения этнорелигиозных конфликтов в настоящую войну на национальной и религиозной почве.

Вне всякого сомнения, терроризм часто имеет религиозные корни. Хотя ни одна крупная религия не заражена терроризмом, но внутри любой религии (и христианства, и ислама, и даже буддизма), как считают некоторые авторитетные исследователи религии, есть люди, которые исповедуют конфликтность, терроризм. То есть, если официальные доктрины всех религий провозглашают идеалы любви, терпимости, то практически в любой религии имеются фанатики, готовые ради доказательства своей приверженности религиозной доктрине определенного типа и ради осуществления мессианских идей, борьбы с еретиками и «сектантами» пойти на совершение преступлений (убийства, взрывы, поджоги).

Сегодня исламский фундаментализм часто называют источником терроризма. Однако терроризм не подпитывается фундаментализмом, потому что основы практически всех религий как раз отрицают терроризм, в частности заповедью «не убей». Иначе говоря, террористические организации, соотнося свои действия с каким-либо вероучением, на самом деле лишь спекулируют на религии. Например, вырывая из контекста нужные для оправдания себя и своих действий слова, как-то:

«Не берите из них друзей, пока они не высылатся по пути Аллаха; если же они отвернутся, то схватывайте их и уби-

вайте, где бы ни нашли их. И не берите из них ни друзей, ни помощников» (Коран, Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1963. Сура 4.91.);

«Избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!» (Сура 9.5);

«А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — ударь мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (Сура 47.4).

Однако подобное можно найти и в Библии:

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Евангелие от Матфея. Глава 10, стихи 34–37).

В итоге получается, что Библия, Коран и другие священные писания будто призывают к насилию, к убийствам? Разумеется, это не так.

Журналистам надо быть также осторожными при ссылке на экспертов, которые не всегда компетентны и объективны. Автору этих строк довелось допрашивать в суде экспертов, которые, побывав на богослужении протестантской общины, дали религиозное экспертное заключение. В ходе допроса выяснилось, что один из них — врач-психиатр, другой — патологоанатом.

В своем заключении они написали, что это деструктивный культ, поскольку на стенах нет икон, отсутствуют крестные знамения, пастор произносит во время проповеди имя Иисус, но не Христос, и ссылается не на всю Библию, а цитирует ее выборочно. И, наконец, самым серьезным обвинением явилось отсутствие медицинской лицензии на молитву за исцеление больных! На вопрос адвоката, знают ли они мировые религии и особенности протестантизма, ответ был отрицательный.

Суд, разумеется, критически оценил такое заключение и отклонил все претензии к общине, которая оказалась типичной протестантской церковью. Однако журналисты, не разобравшись и не дождавшись решения суда, поспешили сообщить читателям, что разоблачена очередная деструктивная организация.

Приведем другой пример. Доцент кафедры этнографии Омского государственного университета, кандидат исторических наук А.Г. С-в дал экспертное заключение относительно мусуль-

манской религиозной литературы, распространявшейся жителям города Омска. Не найдя в представленных ему книгах (автор — известный исламский просветитель Саид Нурси) призывов и побуждений к совершению антиобщественных действий, он тем не менее пришел к выводу, что:

«целью выпуска этих изданий является пропаганда определенного течения в суннитском направлении ислама, носящим явно фундаменталистский характер (...) Во всех представленных сочинениях проводится мысль о явном превосходстве ислама над другими религиозными системами (включая христианство и иудаизм), тем самым сторонники этого религиозного направления изначально ставятся выше представителей других конфессий».

Однако известно, что мысль о превосходстве «своей» религии над другими является одной из главнейших в проповеди любого из религиозных направлений. И профессор С.Д. Мезенцев, проведший параллельную экспертизу, пришел к противоположному выводу. В качестве иллюстрации в части сравнительного религиоведения Мезенцев привел несколько положений:

а) **Православная литература:** «Все секты появились много позже Церкви Христовой. Секты пошли не от Христа и Апостолов, но выдумали их люди. Какая, когда и от кого секта пошла — известно, и на всякую можно выдать метрики. Латинство (1054), Лютеранство от Мартина Лютера (1517), Англиканство от короля Генриха (1539), Баптизм от Николая Шторка и Фомы Мюнцера (1521), Пашковщина от Якуба Шпенера (1705), в России от Пашкова (1870), Адвентизм от американца Вильяма Миллера (1831), Толстовщина от Льва Толстого (1881). Молоды все секты и всех их до тысячи; создали их люди, по научению дьявола» (Варжанский Н. Оружие правды. М., 1991. С. 10).

б) **Католическая литература:** «Это и есть единственная Церковь, которую мы исповедуем в Символе веры как единую, святую, кафолическую и апостольскую, которую Спаситель наш, по воскресении Своем, поручил пасти Петру (Ин. 21:17), и ему же и другим апостолам вверил ее распространение и управление (Ср. Мф. 28:18), и навсегда воздвиг ее как «столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15). Эта Церковь, основанная и организованная в этом мире как общество, осуществлена в Церкви католической, управляемой преемником Петра и епископами, находящимися в общении с ним, хотя и вне ее состава обретаются многие элементы освящения и истины, являющиеся дарами,

свойственными Церкви Христовой, которые побуждают к кафолическому единству» (Догматическая конституция о Церкви (Свет народам) // Второй Ватиканский Собор. Конституции, Декреты, Декларации. Брюссель, 1992. С. 13).

в) **Атеистическая литература:** «...возникновение и развитие атеизма как теоретической и практической деятельности по преодолению религии с выходом на более высокие рубежи духовной активности — закономерный процесс. Его истоки уходят в далекое прошлое, у него глубокие корни, и сам он является неотъемлемой составной частью общего социального прогресса, одним из свидетельств неуклонного духовного роста человечества» (Основы научного атеизма. М., 1989. С. 96).

Профессор Мезенцев С.Д. подчеркивает, что ни одна из приведенных книг на основании утверждения превосходства либо православия, либо католицизма, либо атеизма не запрещена для распространения в России и что А.Г. С — в предвзятости отнесся к религиозной мусульманской литературе, предоставленной ему на экспертизу правоохранительными органами г. Омска.

Вместо заключения

В настоящее время в средствах массовой информации вновь приобретает утраченный смысл формула С.С. Уварова, министра народного просвещения при царе Николае I: «Православие. Самодержавие. Народность», которая противопоставляется ценностям свободы, демократии и права.

«Самодержавие, — пишет, например, преподаватель Московской духовной академии РПЦ доктор богословия М.М. Дунаев, — есть такая форма правления, при которой Бог наделяет самодержца всей полнотою власти, делая его поистине самодержавным, а он, в свою очередь, сознавая это, разделяет полученную священную власть со своими подданными. Источником же всеобщей власти остается всегда воля Творца. И чем последовательнее и полнее такая власть будет следовать Промыслу, тем могущественнее она будет и тем благоденственнее станет жизнь вверенных этой власти. В демократии же источником власти, разумеется, всегда воля той или иной (порой весьма малой) части людей, считающих себя вполне самовольными. Ни о какой промыслительной воле Вседержителя никто в демократии и думать не желает. Человеку лестно

мнить себя самовольным, поэтому демократия для него ныне становится кумиром. Демократия есть одно из проявлений первородной поврежденности человеческой природы. Эта поврежденность охватывает всю сферу бытия, в политике она оборачивается обожествлением принципов демократии».

Безусловно, демократия не идеальна, но она лучшим образом, чем другие формы правления, соответствует плюралистическому, многонациональному, многоконфессиональному обществу, в котором многочисленные интересы, подчас противоположные друг другу (конфликтующие друг с другом), посредством устанавливаемого людьми механизма приводятся к равновесию. Самодержавие же в идеальном его виде, видимо, просто невозможно (и не очень понятно, что значит «идеальное самодержавие»). При попытке практической реализации самодержавия, как правило, получается прямо противоположный результат — деспотия, авторитаризм и даже тоталитаризм.

В современной России гражданский мир может и должен быть устроен на принципах, отвечающих религиозным представлениям и традициям всех людей и всех народов, обеспечивающих их подлинное равенство. Ибо невозможно создать стабильный мир, базируясь на одной религии, одной системе ценностей, в ущерб всем остальным.

ГЛАВА 4. ЯЗЫК ВРАЖДЫ: ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК ЖУРНАЛИСТА

На протяжении нескольких лет Информационно-аналитический центр «СОВА» ведет систематический мониторинг языка вражды в так называемых респектабельных, тиражных СМИ, обобщая и анализируя накопленные материалы.

Под языком вражды мы понимаем любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп или их представителей. Высказывания эти варьируются в диапазоне от самых жестких, по сути криминальных (открытых призывов к насилию или дискриминации), до наиболее мягких, которые являются, скорее, результатом журналистской невнимательности.

Несмотря на то, что формальное ограничение не позволяет нам систематизировать и анализировать некорректные публикации, называемые «политическим», «социальным» или иным языком вражды, мы убеждены, что механизмы ксенофобных стереотипов работают если не идентично, то, по крайней мере, очень похоже для разных типов языка вражды.

Еще в 2001 году была разработана методология анализа СМИ (в первую очередь — газетных публикаций), в которой, помимо достаточно жесткой классификации некорректных высказываний по видам и степени их жесткости, огромное внимание уделялось отношению самого автора к тем или иным интолерантным заявлениям. Ведь зачастую журналист выступает лишь как ретранслятор высказываний собеседника.

Он не может выбросить из интервью с политиком рассуждения последнего о том, что *«нужно каждый день говорить — русские, очнитесь! ... Выгнать всех, кто тут мешает нам... в Азербайджан, в Армению, в Грузию, в Китай, во Вьетнам, в Афганистан»*. Но он может это прокомментировать. Вот как, например, парировал интервьюер демагогию Дмитрия Rogozina о

необоснованном преследовании партии «Родина» за возбуждение национальной ненависти:

«Д.Рогозин: Мы ж не говорим «бей чурок или этих самых... черно... черно... поных каких-то».

Журналист: Да уже, считай, сказали...».

Однако практика показывает, что основное авторство некорректных высказываний принадлежит все же журналистам. Их вклад в нашу «копилку» языка вражды за пять лет колеблется в диапазоне от 40 до 61% всего объема данных. Анализ этих данных позволяет выделить наиболее типичные ошибки, которых журналисты подчас просто не замечают.

Журналистская небрежность

Безусловно, от небрежности никто не застрахован. И бессмысленно упрекать в ней журналиста только потому, что он журналист. Но совокупность этих «небрежностей» может привести к довольно серьезным последствиям.

Вот наиболее безобидный, скорее даже курьезный, пример подобного высказывания. Журналист, рассуждая о допустимой норме ксенофобии, спрашивает у эксперта об уместности «анекдотов про хохлов или, извините, евреев». То есть он совершенно не задумывается об унижительном оттенке слова «хохол» и при этом почему-то извиняется перед тем, как произнести слово «еврей», видимо, имеющее для него какой-то негативный смысл.

Мы же практически ежедневно сталкиваемся с гораздо более серьезными примерами, порой ведущими к настоящим трагедиям. После взрывов жилых домов в 1999 году в Москве царил настоящая истерика. И вот однажды одна из центральных газет сообщила, что задержан подозреваемый в участии в этих терактах. При этом в газете была названа вымышленная «кавказская» фамилия. А на следующий день в одной из московских школ был жестоко избит мальчик с такой фамилией. Когда же его мать попыталась возмутиться, директор школы заявила, что в ее школе дети террористов учиться не будут.

Как частный, но наиболее распространенный случай журналистской небрежности мы рассматриваем не мотивированное обстоятельствами упоминание этничности в описании криминальных эпизодов.

Никто не сочтет проявлением языка вражды рассказ о похищениях темнокожих мошенников, выдававших себя за дип-

ломатов одного из африканских государств. Ведь в данном случае именно внешний вид аферистов был неотъемлемой частью преступления. Но это едва ли не единственный случай в нашей практике, когда подобное упоминание было оправданным. Можно понять, когда в рубрике «Внимание, розыск» рядом с фотороботом или без оного помещаются приметы разыскиваемого человека — в этом смысле фенотип «отсекает» значительную часть людей, сходных с этим человеком ростом или манерой одеваться. Но в газетах-то мы чаще всего читаем о том, что *«магазин ограбили москвич и два таджика»*, или о том, что *«кавказцы-налетчики были в масках»*.

Откуда журналисту известно, что это были таджики или кавказцы, тем более, что они, согласно самому же сообщению, были в масках?

Спор о том, являются ли ксенофобные публикации отражением негативных этнических стереотипов или же инструментом, при помощи которого эти стереотипы создаются, возможно, оправдан в отношении большинства некорректных публикаций. Однако этот — «криминальный» — тип высказываний является едва ли не единственным видом языка вражды, при помощи которого подобные настроения формируют именно СМИ.

Наиболее яркими примерами подобных публикаций, в которых отчетливо виден механизм манипуляции общественным сознанием, являются две заметки, появившиеся в разное время в различных концах России.

20 февраля 2004 г. одна из популярных московских газет опубликовала заметку из трех коротких абзацев. Под заголовком «Милиционеров резали и били гости столицы» были объединены два происшествия, в которых пострадали сотрудники милиции.

В первом происшествии

«стражи порядка обратили внимание на молодого кавказца, который вел себя крайне нервно... Армянин буркнул что-то нечленораздельное... Вообще, армянин вел себя крайне агрессивно — не исключено, что он находился под воздействием наркотиков».

Второе происшествие, участниками которого были приезжие из Волоколамска, излагается следующим образом:

«Злодеи избili милиционера, забрали из кобуры табельный ПМ и убежали... Ребят нельзя назвать

отпетыми преступниками — просто они выпили лишнего и неадекватно среагировали на милиционеров. Кстати, задержанный драчун уверяет, что принял лейтенанта за бандита».

Как видим, объективно эти события очень похожи, но этничность волоколамцев осталась их частным делом.

Год спустя в одной из владивостокских газет в криминальной хронике были изложены два тоже практически идентичных криминальных эпизода (похищение мобильного телефона, сопровождаемое избитием пострадавших). Только в одном случае действует «*группа молодых людей*», они же «*четверка от-важных*», а во втором — «*два кавказца*», они же «*гордые горцы*».

Нетрудно догадаться, что яркий, а главное, визуально хорошо представляемый образ «*агрессивного армянина*» или «*гордого горца*» гораздо лучше отпечатывается в сознании читателя, нежели образ каких-то «*ребят*», которые «*просто выпили лишнего*».

Чтобы представить, как прочно укореняется и как активно подпитывается представление о «нерусской» преступности в России, достаточно взглянуть на результаты нашего мониторинга прессы: в 2001 году подобных публикаций было всего 6 процентов от общего количества негативных высказываний, а к 2004 году она выросла до 38 процентов.

После такого «информационного удара» любые рассуждения о том, что «преступность не имеет национальности» остаются пустыми заявлениями: если изо дня в день упоминать о том, что преступление совершают люди конкретной этнической группы, а затем заявить, что большинство преступлений в Москве совершают, скажем, «кавказцы», никаких доказательств это уже не потребует. А чиновника или милиционера, заявляющего обратное, в лучшем случае заподозрят в некомпетентности, а в худшем — припишут ему высказывания, которых тот не произносил.

Например, представители ГУВД Москвы, в том числе и его руководитель генерал-лейтенант Владимир Пронин, неоднократно заявляли, что в обществе существует ложный стереотип о том, что большинство преступлений в Москве совершается «кавказцами»:

«Да, иногородняя преступность в Москве — 45 процентов. Но это необязательно кавказцы,

мигранты. Совершают криминал у нас в основном калужские, тульские, ивановские жители, которые освободились из мест лишения свободы».

Уже через день после одного из таких заявлений весьма respectable российская газета опубликовала статью о миграционных проблемах Москвы, изобилующую некорректными этническими обобщениями и при этом анонсированную, со ссылкой на московское ГУВД, следующим образом:

«...На двух москвичей приходится один нелегальный мигрант, от которого можно ждать чего угодно, 45 процентов преступлений, совершаются инородцами» (пунктуация оригинала).

Стоит ли после этого удивляться публикациям неонацистских листов?

Проблема адекватной передачи информации возникает даже на уровне вполне официальных заявлений. Например, 30 марта 2005 года губернатор Красноярского края А. Хлопонин заявил:

«Мы гостям, конечно, рады. И национализм нам претит. Но статистика неумолима: в ушедшем году, например, согласно данным... управления по делам миграции ГУВД края,... каждое пятое преступление в крае совершалось таджиками ... Хотя в крае их проживало всего восемь с половиной тысяч человек».

А между тем, краевое ГУВД заявляло совсем не об этом: говорилось, что такая статистика верна лишь для преступлений, совершенных в крае иностранными гражданами, а не для всех преступлений, как это преподнес А. Хлопонин. Таким образом, всего лишь одно слово, упущенное губернатором, «увеличило» криминальную «этническую» статистику в разы. На каком этапе это слово «выпало» при подготовке речи, не так и важно, главное — вряд ли у читателя возникли какие-нибудь сомнения. Есть ведь доверие к слову губернатора, да и к печатному слову как таковому.

Еще один пример журналистской небрежности имеет опосредованное отношение к языку вражды в прессе, но он важен с точки зрения распространения этнонационалистической пропаганды. Мы и сами не обратили бы на эту «оговорку» внимания, если бы не столкнулись с реально существующим прецедентом.

В конце апреля 2005 года один из журналистов «Известий» назвал Национально-державную партию (НДПР), вероятно, крупнейшую на сегодняшний день праворадикальную организацию, активно пропагандирующую идеи национальной ненависти, «нелегальной партией». Но НДПР — не нелегальная организация, эта общественная организация просто неправомерно называет себя партией, так как лишилась регистрации в качестве таковой еще в 2003 году, и не за свою деятельность, а только по причине того, что не успела в срок зарегистрировать должное количество региональных отделений. Поэтому утверждение о «нелегальности» НДПР сочла клеветой и заявила о намерении судиться, а также потребовала «права на ответ». Продолжения эта история не получила, однако вполне можно себе представить, какую мощную трибуну для пропаганды собственных идей приобрела бы эта организация, доведи она дело до конца!

Некорректный заголовок или анонс

Проблема некорректного заголовка или анонса не раз отмечалась нашими мониторами. И заголовок, и анонс — это не только журналистика, но и реклама. У них соответствующие задачи и цели — привлечь и удержать внимание зрителей или читателей. И зачастую одна-две некорректных, но ярких фразы запоминаются сильнее, чем вся работа журналиста.

Например, один из тюменских интернет-порталов опубликовал статью «Хлеб у тюменских безработных отнимают гастарбайтеры». Броский заголовок сопровождался не менее броской иллюстрацией, на которой несколько китайских лиц были крест-накрест перечеркнуты красной краской. Под этой «шапкой» содержалось вполне корректное изложение обсуждения, прошедшего на заседании областной межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников в Тюменской области.

Однозначный вывод, который можно сделать по прочтении текста — никто ни у кого «хлеб» не отнимает:

«Среди мигрантов привлекаются к работе в основном мужчины, в то время как 2/3 безработных у нас женщины. 60% безработных в Тюменской области — сельские жители, в то время как более 70% всех вакансий — в городе».

Остается загадкой, что же побудило журналиста (или редакцию?) сопроводить нейтральный текст столь агрессивной, а главное, ни в коей мере не соответствующей его содержанию «шапкой». Между тем не вызывает сомнения, что именно заголовок и иллюстрация — прямой путь к фокусированию социального недовольства на иноэтничных мигрантах.

Другой буквально шокировавший нас пример — из газеты, «респектабельнее» которой в нашей стране просто нет, — это «Российская газета», орган Правительства Российской Федерации. В 2004 году в ней был опубликован информационный материал о том, что швейцарский суд признал право цыган возбудить судебное дело против компании IBN в качестве компенсации за геноцид цыган в годы Второй мировой войны. Заметка вполне корректно сообщает о подробностях дела. Однако материал был озаглавлен ... «*Цыганское счастье*». Каково бы ни было идиоматическое значение этого выражения, применение его в контексте геноцида, мягко говоря, неуместно.

А вот пример некорректного анонса. Он тем более показателен, что предварял одну из наиболее удачных и сбалансированных телепрограмм, посвященных проблемам ксенофобии, которые нам доводилось видеть за долгие годы:

«Фонд «Город без наркотиков» объявил войну таджикам. Фондовцы утверждают, что весь героин приходит в Свердловскую область из Таджикистана. Они требуют введения визового режима с Таджикистаном. А на организованном ими митинге звучали требования выселить таджиков из Свердловской области. Что страшнее: наркоторговля или национализм?»

Фактически получается, что журналист сам солидаризируется с тезисом о криминальности «таджиков», хотя в самой программе он от подобных утверждений дистанцируется.

Статистические «соблазны»

Количественные показатели всегда очень «украшают» публикацию, придают достоверность даже самым сомнительным утверждениям. Однако нередко журналист не может грамотно этими данными воспользоваться. И речь здесь даже не о том, что в статьях зачастую не могут быть адекватно воспроизведены

цифры, озвученные на какой-либо пресс-конференции (см. выше о криминальной статистике). Речь о самом отношении к «цифре». Сами по себе статистические данные — лишь рабочий материал для специалистов самого разного профиля, требующий не простого воспроизведения, а анализа. Журналист же, как правило, использует статистику лишь в качестве иллюстрации, которая может коренным образом изменить восприятие даже самого нейтрального текста, не говоря уже о радикальном усилении «звучания» текста ксенофобного.

Вот лишь самые недавние примеры. После массовых беспорядков в парижских пригородах, вспыхнувших в ноябре 2005 года, в российских СМИ появилась волна публикаций на тему «возможно ли повторение этих событий в России (Москве)». Надо при этом отметить, что сами парижские события освещались в России крайне неадекватно, не просто в антимигрантском, а в откровенно расистском ракурсе. И именно в таком же разрезе преподносились футурологические рассуждения в отношении России, большинство из которых строилось на «демографической» статистике весьма авторитетных научных центров.

И вот 8 ноября 2005 года «Комсомольская правда» публикует подборку мнений под общим заголовком *«Иноземцы заселили полстраны»*. Содержащиеся в публикации утверждения вполне соответствуют истеричности заголовка: *«Юг и Центральная Россия почти потеряны для коренного населения»... «[в Ставропольском и Краснодарском краях ...] на десять коренных жителей уже приходится 3–4 мигранта с Северного Кавказа и Средней Азии»*. И так далее. Доказательством этих утверждений являлась опубликованная здесь же «карта миграции», с которой взяты все приводимые автором цифры.

Однако рассуждая об иноземной и «инородческой» угрозе в ноябре 2005 года автор почему-то забыл упомянуть о том, что и карта, и цифры — это совокупные данные о миграции за ... 1992–2000 гг. То есть эти цифры отражают динамику с момента распада СССР и, таким образом, означают не «орды инородцев», а, в первую очередь, исход этнически русского населения из бывших советских республик Кавказа и Центральной Азии (это, кстати, видно в легенде карты, но только в том случае, если ее внимательно рассматривать).

Другой пример — появившаяся в тот же период в «Независимой газете» статья «Москва мигрантская». В ней авторы не очень удачно, но, по крайней мере, гораздо более корректно и

уж точно гораздо менее истерично, чем большинство их коллег, рассуждают о демографических проблемах города.

Но при этом статья об авторском социологическом исследовании сопровождается таблицей «Национальный состав российской столицы» из другого исследования — переписи 2002 года. Все бы ничего, только не откомментированная таблица почему-то включает в себя две графы — численность представителей этноса в Москве и количество представителей данного этноса, владеющих русским языком.

Сама по себе таблица вполне нейтральна. Если взглядеться внимательнее, можно даже заметить, что, например, из почти 9 млн. русских, живущих в Москве, более 60 тыс. не владеют русским языком. Но уже одно это требует комментария, например (не ручаемся за верность предположения), что это младенцы, не умеющие говорить, или люди, страдающие немотой. Однако при всей «нейтральности» этой таблицы как таковой нужно учитывать и негативистский посыл самой публикации, и общую антимигрантскую истерию тех дней, когда она была опубликована. Ведь часть читателей, не дойдя до «русских» (а данные представлены в алфавитном порядке), вполне способен сделать очевидный, напрашивающийся на общем фоне вывод о «плохих мигрантах, не желающих интегрироваться».

Смешение социальной проблематики и этнической риторики

Очень часто мы можем наблюдать, как огромные социальные, криминальные и тому подобные проблемы, существующие в России, обсуждаются исключительно в рамках этнической или профессиональной терминологии.

Речь не идет о сознательных провокациях, в которых реально существующий социальный конфликт переводится в «этническую» плоскость, как это сделала, например, Юлия Калинина в 2003 году. Тогда она представила марш протеста бесквартирных офицеров российской армии как происки «арбузной/кавказской мафии». Речь — о неспособности журналиста отделить реальную проблему от существующего этнического или профессионального стереотипа.

Например, как-то раз «Московский комсомолец» «осчастливил» своих читателей антимусульманской статьей, эпиграфом к которой было вынесено утверждение самого же автора

«Не все мусульмане террористы, но все террористы мусульмане» (что является очевидной неправдой). И уж конечно, всем знакомы неправильные утверждения типа «все чеченцы бандиты» или «все цыгане наркоторговцы». И любой здравомыслящий человек понимает, что утверждение «наркоторговля процветает из-за цыган» равноценно утверждению про ветер, который дует, потому что деревья качаются.

Про расистский аспект в освещении проблемы миграции мы уже упоминали выше. Но именно Журналист, пишущий на тему миграции, как правило, наиболее активен в продуцировании этноконфессионального языка вражды. Вообще интересна сама эволюция, произошедшая с понятием «мигрант» в последнее время. Еще пару лет назад под ним понимали любого человека, вне зависимости от его этнической принадлежности, сменившего место жительства, в том числе и внутри России (например, переехавшего из Иваново в Москву).

Если необходимо было уточнить именно этнонациональную позицию, говорящие или пишущие обязательно это делали. Сейчас же идет стремительная «этнизация» термина. Этнически русских иммигрантов, даже если они находятся на территории России нелегально (а о сложностях легализации в России написаны сотни статей и книг) теперь называют «соотечественниками» или «русскими переселенцами». А вот любой «нерусский», если только он не проживает статично на территории так называемых российских «национальных республик», может быть назван «мигрантом».

И это приводит нас к последнему типу ошибок журналиста, о котором хотелось бы упомянуть и который тесно связан с этнизацией антимигрантской риторики.

Отрицание гражданства по этническому принципу

В последнее время мы все чаще начали сталкиваться с выражениями, которые нам пришлось выделить в отдельный вид языка вражды и который мы назвали «**отрицание гражданства**» (то есть упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации). Пока подобные высказывания редки, но абсолютно очевидно, что количество их будет только расти.

Причин этого явления, безусловно, много. Это и многолетние боевые действия в Чечне, которые уже давно всеми воспри-

нимаются исключительно как «война России с Чечней» — то есть явление скорее внешнее, чем внутреннее. Это и проблема коммуникации (в том числе и информационной) между субъектами Российской Федерации, которую один из экспертов однажды сформулировал так: *«Глухие регионы не слышат слепую столицу»*. Это и постоянное появление на страницах газет недопустимых с точки зрения русской грамматики выражений типа *«москвич и два таджика»*.

И вот уже журналист спрашивает воронежца, этнического чеченца, давно ли тот приехал в Россию, или осуждает женщину, которая сдавала квартиру *«азербайджанцам, дагестанцам и прочим иностранцам»*.

Первоначально подобные высказывания относились исключительно к уроженцам Северного Кавказа. Однако постепенно они начали охватывать все новые и новые этнические группы. Например, из рассуждений о «концентрации иммигрантов» в Москве, можно узнать, что *«почти по всему городу достаточно равномерно расселились татары»*.

А иногда в некоторых популярных, подчеркнем, изданиях можно встретить даже такие пассажи: *«Жулики сидят. Оказались ими двое кавказоязычных россиян... и... якут. Все они находились в Нижнем Новгороде нелегально, по транзитной визе»*. Какая виза нужна россиянам на Волге? Как вообще такие авторы представляют себе карту России? И что значит «кавказоязычный»? А ведь именно эти эмоционально насыщенные рассуждения, а не какие-то политические или даже экономические мотивы наиболее эффективно работают «на публику».

Мы назвали самые распространенные ошибки, которые встретились нам на протяжении нескольких лет систематической работы. Их совсем немного, можно пересчитать по пальцам одной руки. Но избавление от них, возможно, позволило бы избежать многих проблем как самим журналистам, так и их аудитории.

ГЛАВА 5. ОСВЕЩЕНИЕ КОНФЛИКТОВ И ПРАВО³

*Нам не дано предугадать,
как слово наше отзовется...*

Федор Тютчев

Как-то в ходе интервью для поступления в московскую Школу права СМИ Ю. Батурина, отвечая на вопрос комиссии, зачем она идет туда учиться, молодая журналистка сказала: «Чтобы научиться «мочить» моих недругов так, как мне хочется, и чтобы мне за это ничего бы не было».

Далее она пояснила, что у нее многое и на многих «накипело» и она намерена все это выплеснуть в своих журналистских текстах, но резонно опасается привлечения к юридической ответственности.

Скажу сразу: ни на этих страницах, ни в Школе права СМИ подсказок желающим нарушать правила журналистской профессии и при этом избегать ответственности за это нет.

Более того, журналистам следует понять, что не следует ожидать от права ясных и недвусмысленных инструкций по поводу того, как именно следует освещать тот или иной конфликт: политический, экономический, территориальный, этнический, национальный, религиозный или смешанный.

В этом смысле очень показательна правовая позиция главного «рефери» на общеевропейском игровом информационном поле — Европейского суда по правам человека. Согласно этой позиции,

«...методы объективного и сбалансированного репортажа могут значительно меняться в зависимости от самых разных обстоятельств, в том числе и от того, какое средство информации ис-

³ Глава подготовлена с использованием справочной правовой системы «Консультант Плюс 3000».

пользуется. Ни настоящему Суду, ни национальным судам не пристало подменять в подобном вопросе своими взглядами точку зрения прессы на то, какая техника репортажа должна использоваться журналистами» и «ни один из судов не может диктовать, какие методы описания событий должны использовать журналисты».

Функция права в регуляции такого рода общественных отношений — расставить в международном и национальных информационных пространствах некие ориентиры, своеобразные «красные флажки», демонстрирующие границы правомерного способа освещения конфликтов. Флажки, за которые журналистам и иным участникам такого рода освещения, по общему правилу заходить не следует.

Однако «границы» эти подчас не только не имеют никаких «следовых полос», но даже и своей четко выверенной линии. В этом одна из сложностей профессии журналиста вообще и журналиста, освещающего тот или иной конфликт, в особенности.

Естественно, что в этих условиях, нередко задача определения «нарушил — не нарушил» настолько сложна, что вызывает споры даже среди ареопага крупнейших знатоков права и этики. В такого рода пограничных случаях журналистам приходится включать в дело некий внутренний профессиональный и нравственный компас, который призван помочь им практически ориентироваться в степени приближенности к той или иной границе допустимого в освещении конфликта.

Но главное — следовать профессиональным правилам журналистики:

Прежде чем писать о каком-либо конфликте, нужно по возможности выслушать все его стороны, всех его участников.

Рассказ о конфликте должен быть максимально объективным и свободным от использования так называемого языка вражды или речи ненависти — hate speech.

Международно-правовые средства определения границ допустимого в освещении социальных конфликтов

В соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и

международные договоры являются составной частью правовой системы России. Следовательно, потенциал соответствующих международно-правовых средств нужно знать и активно использовать.

Принцип свободы слова является одним из краеугольных камней современной цивилизации. И нормы международного права определяют свободу информации и выражения мнения как одну из основ демократии.

Уже на своей первой сессии в 1946 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 59 (I), в которой говорится:

«свобода информации — это фундаментальное право человека и ... основа основ всех свобод, ради которых создана Организация Объединенных Наций».

Принцип свободы выражения мнения неоднократно подтверждался множеством самых авторитетных международных документов.

Однако международные правовые нормы подразумевают также, что должны быть некоторые ограничения, касающиеся, в частности:

распространения, провоцирования, стимулирования, или оправдания расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями в качестве уже упомянутого нами hate speech — языка вражды (рекомендации Кабинета Министров Совета Европы № R /97/ 20).

В контексте правового противодействия hate speech , в первую очередь, нужно отметить Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года. Норма ст. 4 (а) этой Конвенции определяет:

«государства-участники объявляют караемым по закону преступлением всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, всякое подстрекательство к расовой дискриминации, а также все акты насилия или подстрекательство к таким актам, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, а также предоставление любой помощи для проведения расистской деятельности, включая ее финансирование».

Среди норм международного права, призванных защищать экологию окружающего нас информационного пространства,

важнейшую роль играют нормы Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 года и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 года. Эти широко известные международно-правовые акты, ясно и твердо провозглашая свободу массовой информации, вместе с тем содержат определенные ограничения для реализации этой важнейшей информационной свободы, знание которых необходимо журналистам в ходе деятельности по освещению конфликтов.

Например, Международный пакт о гражданских и политических правах нормой ст.19 предусматривает:

«Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору».

Вместе с тем пользование этими правомочиями, как это записано в этой же статье,

«...налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми:

- а) для уважения прав и репутации других лиц,*
- б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения».*

Закрепленная в этом и иных подобного типа актах необходимость в некоторых ситуациях законодательно ограничивать свободу массовой информации обосновывается не менее важной социальной потребностью обеспечить защиту государственной безопасности, общественной нравственности и здоровья населения, прав и свобод граждан и других приоритетных ценностей бытия.

Трагедия террора. Как освещать?

Современный этап развития человеческой цивилизации сопровождается активизацией деятельности экстремистских организаций, основным аргументом которых в разрешении того или иного конфликта является террор. За последние годы эта угроза приобрела глобальный, планетарный характер. Причем

развивающейся тенденцией современного терроризма является попытка переноса пространства соответствующих акций на телеэкраны, мониторы компьютеров, страницы газет и журналов.

Поэтому проблема должного освещения средствами массовой информации конфликтов, связанных с терроризмом, становится все более актуальной. Мировое сообщество пытается сформировать свои ответы на эти вызовы времени и облечь их в правовую форму. Значимым примером этого могут служить следующие положения Декларации Комитета министров Совета Европы «О свободе выражения мнений и информации в СМИ в контексте борьбы с терроризмом», принятой Комитетом министров 02.03.2005 года на 917-м заседании на уровне заместителей министров:

«Комитет министров Совета Европы, напоминая ..., что в своей борьбе с терроризмом государства должны следить за тем, чтобы не принимать мер, идущих вразрез с правами человека и основными свободами, в том числе со свободой выражения мнений — одной из тех самых опор демократического общества, которые стремятся уничтожить террористы;

Отмечая значение, какое в конкретных условиях борьбы с терроризмом могут иметь меры по саморегулированию, принимаемые средствами массовой информации;

— призывает органы государственной власти в государствах-участниках:

— не вводить каких бы то ни было новых ограничений на свободу выражения мнений и информации в СМИ, кроме абсолютно необходимых и соразмерных в демократическом обществе, и лишь после тщательного изучения вопроса о том, не достаточно ли для этой цели уже имеющихся законов или иных мер;

— воздерживаться от принятия мер, которые приравнивали бы освещение проблемы терроризма в СМИ к поддержке терроризма;

— гарантировать СМИ право быть в курсе обвинений, выдвинутых судебными органами против лиц, являющихся фигурантами антитеррористических судебных разбирательств, а также право следить за такими разбирательствами и вести с них репортажи, в соответствии с национальным законодательством и при должном уважении к принципу презумпции невиновности и праву на уважение частной жизни; эти права могут быть ограничены в предусмотренных за-

коном случаях, если их осуществление способно нанести ущерб тайне следствия и полицейского расследования, либо замедлить или воспрепятствовать ходу такого расследования, и без ущерба для исключений, упомянутых в п. 1 ст. 6 Европейской конвенции по правам человека;

Предлагает средствам массовой информации и журналистам рассмотреть следующие предложения:

— помнить о своих особых обязанностях в контексте борьбы с терроризмом, чтобы не способствовать осуществлению целей террористов; в частности, они должны следить за тем, чтобы не усиливать чувства страха, которое могут вызвать террористические акты, и не предоставлять террористам общественной трибуны через несоразмерное внимание к их деятельности;

— принять меры по саморегулированию там, где их еще нет, или приспособить существующие меры таким образом, чтобы они могли эффективно отвечать на этические вопросы, возникающие в связи с освещением терроризма в СМИ, и претворять их на практике;

— воздерживаться от любой самоцензуры, результатом которой было бы лишение общественности информации, необходимой ей для формирования своего мнения;

— помнить о той важной роли, какую они играют в недопущении «разжигания ненависти» и призывов к насилию, а также в укреплении взаимопонимания;

— отдавать себе отчет в той опасности, какую СМИ и журналисты могут неумышленно создать, выступая в качестве инструмента для выражения расистских или ксенофобских чувств либо ненависти;

— следить за тем, чтобы распространяемая ими информация не создавала угрозы для безопасности людей и проведения антитеррористических операций или судебного расследования террористической деятельности;

— уважать честь, безопасность и анонимность жертв террористических актов и их семей, а также их право на уважение их частной жизни, гарантированное статьей 8 Европейской конвенции по правам человека;

— уважать право на презумпцию невиновности лиц, преследуемых в рамках борьбы с терроризмом;

— принимать во внимание важность разграничения между подозреваемыми и осужденными террористами и группой

(национальной, этнической, религиозной или идеологической), к которой они принадлежат или точку зрения которой они, по их заявлениям, разделяют».

Анализ международно-правовых принципов и норм должен вывести нас на четкий вывод: всякое национальное правовое регулирование реализации свободы массовой информации должно одновременно и гармонично «работать» на удовлетворение двух основных требований.

С одной стороны, обеспечивать свободу информирования и выражения мнений по поводу предмета того или иного конфликта. С другой, — не давать легальной возможности для деструктивного развития конфликта по причине нетолерантного характера его освещения, в том числе из-за использования выражений, свойственных языку вражды. Юридическое противодействие такому негативному информационному влиянию на развитие конфликта должно вестись умно и тонко, дабы не ущемить при этом свободу массовой информации.

Отечественные правовые средства определения границ допустимого в освещении социальных конфликтов

Среди норм отечественной правовой системы, которые журналистам необходимо знать и учитывать в ходе выработки своего индивидуального *modus operandi* по освещению того или иного социального конфликта, первостепенное внимание следует уделить требованиям соответствующих конституционно-правовых установлений.

Разумеется, основные принципы российского законодательства должны соответствовать европейским и международным нормам.

И в российском законодательстве утверждается тот же самый баланс между свободой слова, с одной стороны, и недопущением разжигания вражды, с другой. Ограничивается свобода слова также в случаях, которые касаются частной жизни, которая должна быть юридически защищена.

Статья 29 Конституции России, с одной стороны, гарантирует каждому лицу, находящемуся на российской территории, *свободу мысли и слова; свободу массовой информации и запрет цензуры; предоставляет каждому «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».*

Однако эта же статья не допускает *«пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду»*, а также запрещает

«пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства».

В контексте нашей темы журналисты также должны учитывать нормы ст. 23 Конституции России, в соответствии с которыми *«каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени»*. А также ст. 24, не позволяющей *«сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия»*.

Эти конституционно-правовые ограничения в реализации свободы массовой информации свое дальнейшее развитие получают в нормах различных отраслей права. Рассмотрим их.

Уголовное право

В арсенале юридической ответственности самой серьезной является ответственность уголовная. Преступление словом на территории Российской Федерации наказывается достаточно серьезно, Уголовный кодекс предусматривает возможность лишения журналиста свободы на срок до трех, четырех и даже до пяти лет.

Чтобы этого не случилось, журналист должен держать в зоне своего внимания и чтить следующие виды уголовно-правовых запретов на использование в ходе своей профессиональной деятельности так называемых конфликтогенов — слов, выражений, оценок, суждений, входящих в состав следующих уголовно наказуемых деяний:

Клевета

В соответствии со ст.129 Уголовного кодекса Российской Федерации под клеветой закон понимает *«распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию»*, наказывая за это в самом *«легком»* варианте штрафом либо исправительными работами на срок до одного года.

Распространение клеветы с помощью средств массовой информации является отягчающим вину обстоятельством и нака-

зывается более серьезным штрафом (в размере до 120 тыс. рублей) либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

Клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (например, обвинение должностного лица во взяточничестве), увеличивает верхний предел штрафа до 300 тыс. рублей. «Клеветник» может по решению суда лишиться свободы на срок до трех лет.

Летом 2005 года именно под действие этой нормы подпал журналист из Смоленска Николай Г. и был осужден по ней на один год лишения свободы. Причем, поскольку указанное преступление было им совершено в период действия испытательного срока по предыдущему осуждению, то окончательное наказание в порядке ст.70 УК РФ мировой судья назначил ему по совокупности обоих приговоров в пять лет и один месяц с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Такое наказание журналисту «полагалось» за излишне эмоциональное выступление в прямом эфире смоленской радиостанции «Весна» сразу же после того, как он узнал об убийстве начальника и друга — президента радиостанции «Весна» С.С. Новикова. В этом выступлении — согласно приговору мирового судьи — содержались заведомо ложные сведения о причастности трех должностных лиц области к убийству. К счастью для журналиста, его защитники сумели «переломить ситуацию» в ходе обжалования этого приговора в вышестоящих судебных органах, которые с такого рода оценками первичной судебной инстанции не согласились.

Особо наказывается клевета в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде. В соответствии со ст. 298 Уголовного кодекса РФ, наказание может быть назначено в виде штрафа в размере до 200 тыс. рублей, ареста на срок от трех до шести месяцев, либо лишения свободы на срок до двух лет.

То же деяние, совершенное в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, наказывается штрафом в размере до 80 тыс. рублей либо лишением свободы на срок до двух лет.

Те же деяния, соединенные с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, наказываются лишением свободы на срок до четырех лет.

Оскорбление

В соответствии со ст.130 Уголовного кодекса РФ, оскорбление, под которым закон понимает «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме», наказывается в «легком варианте» штрафом в размере до 40 тыс. рублей либо исправительными работами на срок до шести месяцев.

Но если оскорбление нанесено с использованием СМИ, то наказание уже иное — штраф в размере до 80 тыс. рублей либо исправительные работы на срок до одного года.

Процессуальное положение журналиста в рамках уголовных дел, возбужденных по указанным статьям Уголовного кодекса РФ, таково, что в силу действия принципа презумпции невиновности журналисту в уголовном процессе не надо ничего доказывать. В частности, не требуется подтверждать истинность подготовленного им сообщения, в котором, по мнению потерпевшего, усматриваются признаки клеветы. Он вправе не свидетельствовать против себя. Обязанность доказывания лежит на потерпевшем, поэтому в уголовном суде именно обвиняющая сторона доказывает факт наличия клеветы либо оскорбления в материалах СМИ.

Но если вина журналиста будет доказана, то последствия этого будут очень серьезными. Среди прочего в том, что он приобретет статус судимого по уголовной статье со всеми вытекающими из этого неблагоприятными юридическими и иными последствиями.

В последнее время практически во всем мире профессиональными объединениями журналистов, многими правозащитными организациями прилагаются усилия, чтобы убрать из уголовных кодексов статьи, предусматривающие уголовное наказание за диффамацию, за правонарушение «словом». На юридическом языке это именуется декриминализацией данного деяния. Основные аргументы сторонников декриминализации клеветы и оскорбления сводятся к следующим соображениям.

Во-первых, честь и достоинство лиц могут быть полностью защищены посредством применения норм гражданского права, без использования при этом уголовных санкций.

Когда речь идет о клевете, то в противоборство вступают два интереса: заинтересованность одного человека в том, чтобы защитить свое доброе имя, и заинтересованность другого — что

очень важно, нередко совпадающая с общественным интересом, — обнародовать какие-то важные с его точки зрения сведения, проинформировав и тем самым предупредив конкретных лиц или в целом общество о грозящих им опасностях. Для XXI века уголовная юстиция в качестве арбитра данного спора — далеко не лучшее решение.

В наше время предпочтительнее гражданско-правовые способы разрешения споров о клевете и оскорблении. В том числе и потому, что таким правонарушением может быть нанесен вред преимущественно личным интересам, а не общественным. Да и санкции, предусмотренные нормами гражданского права, являются достаточно жесткими для пресечения возможных злоупотреблений свободой слова и массовой информации.

Кроме того, во многих странах, где законы устанавливают уголовную ответственность за клевету и оскорбление (диффамацию), власть имущие злоупотребляют ими в целях ограничения критики и сдерживания публичного обсуждения их деятельности. Угроза жестких уголовных санкций, особенно тюремного заключения, оказывает сдерживающий эффект на реализацию права на свободу слова.

Аналогичные подходы к решению проблемы декриминализации диффамации демонстрирует и право объединенной Европы, а также и некоторые страны «новых европейских демократий». Так, Уголовные кодексы Украины (с 2001 года) и Республики Молдова (с 2004 года) не содержат состава клеветы как частного обвинения.

В рамках этой главы важно отметить, что уголовно наказуемы также публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности — в соответствии со ст.280 Уголовного кодекса РФ, они наказываются штрафом в размере до 300 тыс. рублей либо лишением свободы на срок до трех лет.

А если такие призывы совершены с использованием СМИ, то тогда наказание жестче: лишение свободы на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

И наконец, уголовным преступлением считается возбуждение ненависти, вражды, а равно и унижение человеческого достоинства. В соответствии со ст.282 Уголовного кодекса РФ, закон понимает под ними

«действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежно-

сти к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием СМИ».

Наказание за это — штраф в размере до 300 тыс. рублей либо лишение свободы на срок до двух лет.

Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (например, журналистом или редактором) или «организованной группой» (а такой группой может считаться и коллектив редакции), повышают размер штрафа до 500 тыс. рублей либо влекут лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет либо лишение свободы на срок до пяти лет.

Гражданское право

Второе, «серебряное» место в отечественной иерархии видов юридической ответственности по праву занимает ответственность гражданско-правовая или имущественная. Главный вид ее санкций — возмещения убытков и морального вреда, причиненных распространением сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь, достоинство или деловую репутацию какого-нибудь лица.

Гражданско-правовая ответственность наступает, когда журналист нарушает требования статьи 152 и 151 Гражданского кодекса Российской Федерации. «Орудие» правонарушения — все те же конфликтогены — слова и выражения, содержащие не соответствующие действительности сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию того или иного лица.

Статья 151. Компенсация морального вреда

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации

1. Гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

По требованию заинтересованных лиц допускается защита чести и достоинства гражданина и после его смерти.

2. Если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Порядок опровержения в иных случаях устанавливается судом.

3. Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации.

4. Если решение суда не выполнено, суд вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в размере и в порядке, предусмотренных процессуальным законодательством, в доход Российской Федерации. Уплата штрафа не освобождает нарушителя от обязанности выполнить предусмотренное решением суда действие.

5. Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением.

6. Если установить лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, невозможно, лицо, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности.

7. Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Данная статья в отличие от некоторых других статей ГК отнюдь не «спящая», а, напротив, весьма «бодрствующая». Достаточно сказать, что именно по ее нормам решаются более 90%

тех нескольких тысяч ежегодно случающихся в России судебных споров с участием редакций СМИ и журналистов. Горнило испытаний этой статьей прошли практически все более или менее известные российские общественно-политические печатные издания и многие телепрограммы.

Причем, согласно статистическим данным последних лет, суды удовлетворяют две трети всех исков к СМИ по данной статье. И редакциям СМИ приходится публиковать опровержения и возмещать убытки и моральный вред, причиненные распространением выражений-конфликтогенов, признанных судом не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство или деловую репутацию заявителей. Причем, как и во всем мире, в родном Отечестве размеры этих возмещений имеют устойчивую тенденцию к росту, зачастую достигая — вспомним решение арбитражного суда 2004 года по иску Альфа-банка к газете «Коммерсантъ» — весьма серьезных сумм в несколько сотен миллионов рублей.

Обратим внимание на ряд моментов, знание которых необходимо журналистам в ходе формирования ими определенной системы мер журналистской безопасности при работе со словом, потенциально способным задеть чью-то честь, достоинство или деловую репутацию.

Прежде всего надо себе четко представлять, что в отличие от уголовного судопроизводства, где журналисту можно ничего не доказывать, эта обязанность лежит на его обвинителе,

в рамках гражданского судопроизводства, журналисту и редакции СМИ приходится достаточно много трудиться над доказательной базой своей невиновности. А на долю их процессуального «противника» — истца — выпадает практически одна обязанность: доказать сам факт распространения ответчиком «нехороших» сведений об истце.

При этом под *распространением* таких сведений отечественная судебная практика понимает опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в *Интернете*, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или *сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу.*

Такого рода беспредельная «широта охвата» в понимании категории распространения сведений применительно к сведениям, задевающим честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, вызывает серьезные сомнения и должна быть скорректирована. Дело в том, что подобное понимание может создать и уже создает судебные-правовые препятствия для реализации гражданами весьма значимых прав, носящих конституционный характер. В частности, права на обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции России) и права «свободно *передать* информацию любым законным способом» (ч.4 ст.29 Конституции России).

В юридическом смысле передача сведений, данных, информации — действие близкое, но полностью не тождественное понятию их распространения. Отличие в круге субъектов их получения. В случае передачи это *определенный* круг лиц, в случае распространения — круг лиц *неопределенный*, неограниченный.

Смещение этих понятий применительно к особенностям журналистской деятельности может серьезно ее затруднить, предоставив незаконную возможность вмешательства во внутриредакционный процесс по подготовке к выходу в свет (в эфир) продукции средства массовой информации. Ведь в этом случае любой журналист, подготовивший задевающий чьи-либо интересы журналистский материал и, в соответствии с нормой ст. 26 Закона РФ «О средствах массовой информации», *передавший* его главному редактору для правки и согласования, попадает в зону риска подвергнуться уголовному преследованию или гражданско-правовой ответственности.

И такое развитие событий вовсе не плод теоретических размышлений автора этих строк. В 2005 году в одном из волжских городов России уже имел место случай, когда автора одной из публикаций в СМИ привлекли к уголовной ответственности (по ст. 129 УК РФ) в виде лишения свободы за определенный пассаж из его материала, который не вошел (усилиями бдительного главного редактора СМИ) в *опубликованный* вариант его статьи, но в присланном редактору по электронной почте авторском варианте статьи содержался. Редактор СМИ этот пассаж прочитал, значит, факт «распространения» налицо — решили следователи, а затем и судьи.

Теперь, что касается содержания распространенных сведений... Следует обратить внимание на то, что с точки зрения юрис-

пруденции в этом содержании должно быть одновременно два элемента — несоответствие действительности и порочащий характер. Если с первым элементом — несоответствие действительности — обычно не возникает особых проблем, то вопрос о том, какие именно сведения можно квалифицировать в качестве порочащих конкретного истца зачастую вызывает оживленные прения.

В решении этого вопроса следует ориентироваться на разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02. 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». Согласно этому разъяснению:

«порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица».

Исходя из этой трактовки, далеко не все сведения, даже критического характера, несущие отрицательную оценку деятельности того или иного лица, можно признать порочащими. В целом, можно выделить три признака, необходимых в совокупности для признания сведений порочащими:

— они должны содержать **утверждение** (следовательно, предположения, гипотезы, вопросы не могут быть признаны порочащими);

— по содержанию это должны быть сведения **об уже произошедшем событии или действии** (значит, данный признак отсутствует в предложениях, относящихся к будущему, будь то планы или предположения. *Утверждение и предположение* достаточно разные фигуры речи);

— сведения должны содержать информацию о совершении гражданином **поступка, нарушающего нормы права или морали**.

Если имело место распространение не соответствующих действительности порочащих сведений о частной жизни истца, то ответчик может быть обязан опровергнуть эти сведения и компенсировать моральный вред, причиненный распространением такой информации.

Специальные законы

Кроме требований так называемого общего законодательства, к которым относятся нормы двух основных российских кодексов — Уголовного и Гражданского, в интересующем нас конфликтологическом аспекте журналистам необходимо иметь представление и о законодательных актах, регулирующих особые, достаточно узкие сегменты общественных отношений.

Начнем с **Закона РФ «О средствах массовой информации»** 1991 года (далее — Закон РФ «О СМИ»). И прежде всего обратим внимание на статью 4 этого закона, формулирующую правовые запреты на различные виды злоупотреблений свободой массовой информации.

В частности, в соответствии с нормами этой статьи:

не допускается использование средств массовой информации в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов, а также материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Обратите внимание, что такая «отсылочная» редакция нормы части первой этой статьи (*в целях совершения уголовно наказуемых деяний*) позволяет квалифицировать в качестве злоупотреблений свободой массовой информации самые различные уголовно наказуемые деяния (клевета и оскорбление, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и т. п.), пусть даже непосредственно и прямо не указанные в данной статье Закона РФ «О СМИ».

К числу злоупотреблений свободой массовой информации ст. 4 Закона РФ «О СМИ» относит также использование СМИ для распространения *материалов, пропагандирующих ... культ насилия и жестокости*. В российском уголовном законодательстве ответственность за пропаганду культа насилия и жестокости отсутствует, так же, как отсутствует и официальное толкование этих понятий. В этой ситуации определенную «подсказку» могут дать разъяснения Пленума Верховного суда РФ по отдельным категориям дел, где жестокость и насилие выступают в качестве квалифицирующих признаков. В то же время следует помнить, что между конкретными уголовно-правовыми составами преступлений и злоупотреблением свободой массовой информации в смысле ст. 4 Закона РФ «О СМИ» прямая аналогия отсутствует.

В ст. 47 Закона РФ «О СМИ» закреплены следующие правомочия журналиста, которые можно объединить общим названием **права на суждение**:

— излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью;

— отказаться от подготовки за своей подписью сообщения или материала, противоречащего его убеждениям;

— снять свою подпись под сообщением или материалом, содержание которого, по его мнению, было искажено в процессе редакционной подготовки, либо запретить или иным образом оговорить условия и характер использования данного сообщения или материала.

При этом подчеркнем, что носитель **права на суждение** должен постоянно помнить, что, описывая тот или иной конфликт, он — по общему правилу — не должен отдавать предпочтение какой-либо из сторон конфликта, по возможности представляя в своем материале всю палитру и гамму имеющихся точек зрения, тем самым предоставляя своему читателю, зрителю, слушателю возможность сделать свой собственный, информированный выбор.

Разумеется, говоря о правилах освещения конфликтов, мы не можем обойти вниманием **обязанности журналиста**, закрепленные ст. 49 Закона РФ «О СМИ», в частности обязанность «уважать права, законные интересы, честь и достоинство граждан и организаций».

В этом же ряду значима норма ст. 51 Закона РФ «О СМИ», которая запрещает журналисту использовать свои права с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями. За нарушение данного требования закона журналист подлежит уголовной и дисциплинарной ответственности.

**Федеральный закон от 25 июля 2002 года
№ 114-ФЗ «О противодействии
экстремистской деятельности»**

Этот закон содержит достаточно серьезный юридический потенциал для борьбы с экстремистскими проявлениями языка вражды в СМИ.

Базовое предназначение этого потенциала — предотвращать и пресекать осуществление организациями СМИ экстре-

мистской деятельности, а также использование СМИ для распространения экстремистских материалов.

Для этого закон оснащен двумя весомыми, построенными на кумулятивном эффекте правовыми средствами воздействия на ситуацию. Вначале речь идет о *предупреждении* нарушителя (оно может быть обжаловано в суд в установленном порядке) и лишь затем — деятельность «закононепослушной» организации СМИ подлежит *прекращению* в установленном настоящим Федеральным законом порядке (ст. 8).

Этот порядок описан в ст. 11 «Ответственность средств массовой информации за распространение экстремистских материалов и осуществление экстремистской деятельности».

В соответствии с ним, деятельность средства массовой информации может быть прекращена в случае, предусмотренном частью третьей статьи 8 настоящего Федерального закона либо в случае осуществления средством массовой информации экстремистской деятельности, повлекшей за собой:

- нарушение прав и свобод человека и гражданина,
- причинение вреда:
 - личности,
 - здоровью граждан,
 - окружающей среде,
 - общественному порядку,
 - общественной безопасности,
 - собственности,
 - законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц,
 - обществу и государству
- или создающей реальную угрозу причинения такого вреда.

Деятельность СМИ прекращается: по решению суда на основании заявления уполномоченного государственного органа, осуществившего регистрацию данного средства массовой информации, либо федерального органа исполнительной власти в сфере печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, либо Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора.

В целях недопущения продолжения распространения экстремистских материалов суд может приостановить реализацию соответствующих номера периодического издания либо тиража аудио- или видеозаписи программы либо выпуск соответствующей теле-, радио- или видеопрограммы в порядке, предусмотренном для принятия мер по обеспечению иска.

Решение суда является основанием для изъятия нереализованной части тиража продукции средства массовой информации, содержащей материал экстремистской направленности, из мест хранения, оптовой и розничной торговли».

Как следует из изложенного, ответ на вопрос, что именно следует считать «экстремистской деятельностью» и какие именно материалы подпадают под категорию «экстремистских», приобретает для СМИ воистину гамлетовский смысл: «быть или не быть»?

Основополагающая для данного закона категория «*экстремистская деятельность*» определяется, и весьма развернуто, в первой статье закона. В числе прочего *экстремистской* признается деятельность СМИ по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, на публичное оправдание терроризма.

Летом 2006 года через российский парламент прошли и после подписания президентом стали законом поправки, инициированные группой депутатов нижней палаты парламента, в статьи 1 и 15 данного закона, предусматривающие еще большее расширение перечня действий, подпадающих под понятие «экстремистская деятельность».

В частности, теперь к экстремистской деятельности относятся:

— публичная клевета в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, соединенная с обвинением указанного лица в совершении деяний, перечисленных в статье 1 данного Федерального закона, при условии, что факт клеветы установлен в судебном порядке;

— угроза применения насилия в отношении представителя государственной власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей;

— создание и (или) распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов (произведений), предназначенных для публичного использования и содержащих хотя бы один из вышеперечисленных признаков экстремистской деятельности.

Как представляется, подобного рода практически безбрежное расширение понятия *экстремистской деятельности* демонстрирует явное пренебрежение отечественного законодателя основополагающими принципами соотнесения преступления и наказания.

Примененная при определении понятия *экстремистской деятельности* законодательная техника, представляющая собой простое перечисление разнообразных действий, по мнению законодателя образующих состав преступления, без четкого определения существенных признаков каждого конкретного противоправного деяния, на основе которых суд, прокурор, следователь или дознаватель могут установить наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, открывает предельно широкие возможности для *усмотрения* правоприменителя и тем самым потенциального злоупотребления.

В частности, указанные поправки расширили до опасных пределов зону правоприменительного усмотрения (судебного, административного) при квалификации тех или иных социально оправданных публичных действий (в том числе и в медийной сфере), в той или иной форме выражающих общественную оценку деятельности властей предержавших.

Налицо явный законодательный брак, и теперь следует ожидать соответствующего обращения в Конституционный суд России. Ведь, как справедливо отметил летом 2006 года на страницах «Российской газеты» председатель Конституционного суда д.ю.н., профессор В. Зорькин, «...неясность, неточность закона ведут к произвольному его толкованию и, следовательно, к произвольному применению и тем самым — к нарушению важнейшего конституционного принципа: равенства всех перед законом и судом».

В самой же необходимости совершенствования законодательных средств борьбы с проявлениями экстремизма в российских СМИ мало кто сомневается. Весь вопрос только в том, как именно это следует делать?! Уверен, в ходе этой деятельности заслуживает гораздо большего, чем сейчас, внимания учет соответствующего зарубежного, и прежде всего европейского, опыта этой борьбы. В частности содержащегося в предложениях Европейской комиссии против расизма и нетерпимости (ЕКРН), органа Совета Европы, специализирующегося на вопросах борьбы с расизмом.

В представленном в мае 2006 года по этому поводу докладе ЕКРП отмечается чрезмерно узкий и жесткий характер имеющих в правовом пространстве России правовых мер борьбы с речью ненависти на почве расизма в СМИ. «Процедура применения этих мер «излишне громоздка», и ее серьезные последствия не способствуют тому, чтобы правоохранительные органы возбуждали дела против СМИ по признаку расистских высказываний», — подчеркивается в документе.

Авторы доклада предлагают российским властям принять «более широкий набор наказаний в отношении СМИ или журналистов, ответственных за речи ненависти, что позволило бы судьям выбирать наиболее целесообразные наказания». В частности рекомендуются такие меры, как обязательное прохождение «нарушителем» соответствующих учебных курсов, отказ или прекращение предоставления ему государственных дотаций или помощи, широкая публикация приговора.

Как представляется, это вполне резонные замечания, и нашим законодателям их следует серьезно обсудить и по возможности учесть в своей деятельности.

Два решения — один прецедент

Право как искусство добра и справедливости являет себя миру не только в виде норм, принимаемых парламентами и иными уполномоченными на то органами. Другая и не менее важная его ипостась — судебные решения, имеющие общий, прецедентный характер.

Скажем, Конституционный суд РФ имеет в своей практике ряд дел, связанных с оценкой конституционности отдельных ограничений свободы массовой информации в интересующем нас сейчас конфликтологическом аспекте.

Одной из важнейших составляющих проблемы судебно-правового определения «как и чем» в юридическом смысле отозвалось слово журналиста, освещающего тот или иной социальный конфликт, является осмысление и учет соотношения позиций автора (редактора) того или иного журналистского сообщения или материала из зоны конфликта и «героев», «действующих лиц» этих сообщений.

Как правильно подчеркивается авторами одного из самых серьезных за последнее время исследований в области юриди-

ческого противостояния национальной, расовой, религиозной и социальной вражде и ненависти.

«...одного лишь наличия в материале СМИ ксенофобских цитат, высказываний интервьюируемых лиц и «героев» публикации недостаточно для утверждения о том, что данное сообщение массмедиа имеет экстремистскую направленность. Крайне важна здесь позиция автора и редактора материала, их комментарии и оценки, высказанные в отношении подобных цитат. Возможна ситуация, когда они специально приводятся для последующей критики и развенчивания ксенофобских идей или для обоснования, доказательства и осуждения человеконенавистнической направленности идеологии и взглядов той или иной экстремистской группы. В этом случае, несмотря на наличие в сообщении СМИ подобных цитат и высказываний, общая смысловая направленность материала не является противоправной»⁴.

Яркой иллюстрацией этого безусловно верного доктринального тезиса могут послужить следующие решения по сходной острой и конфликтной теме, взятые из практики двух юрисдикций: Европейского суда по правам человека и Судебной палаты по информационным спорам при Президенте России.

***Решение Европейского суда,
именуемое «Йерсилд (Jersild) против Дании»,
состоялось 23 сентября 1994 года***

Его фабулой послужили следующие события.

Весной 1985 года в Дании развернулась широкая общественная дискуссия по поводу распространившихся тогда в определенных слоях датского общества расистских взглядах. Зачин дискуссии создала статья в одной из копенгагенских газет о деятельности некоего молодежного экстремистского объединения под названием «Зеленые куртки». Откликаясь на живой общественный интерес к этой теме, тележурналист Йенс Олаф Йерсилд по заданию датского телевидения подготовил документальный фильм о деятельности этого объединения.

По ходу фильма, прошедшего в эфире в июле 1985 года, трое членов «Зеленых курток» использовали оскорбительные и

⁴ См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А., Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика, М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005, с. 224.

пренебрежительные замечания в адрес эмигрантов и иных этнических групп в Дании.

Это расистское по содержанию «слово» не осталось не услышанным — начались разбирательства на самых разных уровнях. В Национальный совет по вещанию посыпались жалобы. Церковь обратилась к министру юстиции, а прокурор возбудил дело против «Зеленых курток». Дело было возбуждено и против Йерсилда и руководителя отдела новостей Датской вещательной корпорации — за оказание пособничества и подстрекательство к распространению речи ненависти.

В апреле 1987 года все они были осуждены уголовным судом Копенгагена. В частности Йерсилд был оштрафован на тысячу датских крон. Вместе с руководителем отдела новостей они подавали апелляцию на решение городского суда, которое, однако, было оставлено в силе.

После того, как национальные возможности для обжалования судебных решений были исчерпаны, датский журналист обратился за защитой к общеевропейским судебным структурам.

Европейский суд посчитал, что наказание штрафом Йерсилда — это ограничение его свободы выражения. Также было ясно, что это ограничение предусмотрено национальным датским законом, в частности в целях «защиты доброго имени и прав других лиц». Проблема состояла лишь в оценке, насколько уголовное наказание журналиста в данном конкретном случае было *необходимым в демократическом обществе*.

Йерсилд подчеркивал, и в этом Европейский суд с ним согласился, что в контексте всего спорного телесюжета оскорбительные высказывания в целом скорее продемонстрировали глупость их авторов, представили их в смешном свете, чем послужили пропаганде их расистских взглядов. Сухой остаток от телесюжета состоял в привлечении внимания датской общественности к острому и значимому вопросу — набирающим тогда силу в датском обществе проявлениям расизма и ксенофобии.

Йерсилд умышленно включил оскорбительные заявления в свой телесюжет, но не с намерением содействовать распространению расистских представлений, а чтобы противодействовать им, разоблачить их. Он пояснял, что пытался проанализировать и представить зрителям новое в то время явление в Дании — агрессивный расизм, распространенный среди молодежи из низших слоев общества.

Йерсилд отметил, что если бы закон Дании «Об ответственности прессы» 1991 года уже действовал в момент демонстрации телесюжета, то вообще отсутствовали бы правовые основания для его обвинения. Дело в том, что этот закон предусматривает, что к ответственности в принципе можно привлекать лишь автора того или иного высказывания, а не журналиста, берущего у него интервью.

С точки же зрения датских властей, журналист подготовил скорее сенсационную, чем информационную передачу. И поскольку зрителями программы, в которой было показано интервью Йерсилда, являются в большинстве датчане, его наказание должно было послужить напоминанием, что расистские высказывания необходимо рассматривать серьезно.

Суд в Страсбурге подчеркнул, что важным обстоятельством этого дела является то, что журналист не сам сделал инкриминированные заявления, а лишь помог в их распространении как субъект, несущий свою долю ответственности за информационную программу датского телевидения. Следовательно, оценивая, необходимо ли было наказывать его, надлежало принять во внимание принципы, вытекающие из практики Европейского суда по правам человека, касающейся роли и миссии прессы.

В частности о том, что свобода выражения — одна из основ демократического общества, а предоставляемые в этой связи прессе гарантии имеют особый конституционный вес. Хотя пресса не может переступить через определенные границы, в частности в интересах «защиты доброго имени и прав других лиц», она обязана передавать информацию и идеи, интересующие общественное мнение. Этой обязанности прессы соответствует право общества их получать. Если бы было иначе, пресса не смогла бы выполнять важной функции общественного наблюдателя и контролера. Эти принципы, вначале сформулированные для печатной прессы, без всякого сомнения, применимы и к деятельности электронных СМИ.

Датские суды сделали упор на то, что Йерсилд сам выступил с инициативой подготовить передачу и ему заранее было известно о вероятности расистских высказываний во время беседы в телестудии, и к тому же он сам поощрял такие высказывания. Без его участия такие высказывания не получили бы столь широкой аудитории и не были бы затем наказаны.

Европейский суд признал, что это существенные аргументы. Вместе с тем он обратил внимание на то, что ведущий перед

телепередачей упомянул об общественной дискуссии и комментариях в прессе, касающихся проявлений расизма в Дании, Тем самым он приглашал телезрителей участвовать в передаче именно в этом контексте. Также он проинформировал зрителей о том, что сутью данной передачи является представление некоторых аспектов проблемы расизма в стране, показав «конкретных лиц, придерживающихся расистских взглядов, их менталитет и общественную среду». И выступление ведущего, и линия поведения Йерсилда в ходе беседы с молодыми людьми свидетельствуют, что они достаточно четко отмежевывались от позиции «Зеленых курток».

Европейский суд констатировал, что «наказание журналиста за оказание помощи в распространении заявлений, сделанных в интервью другим человеком, может серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес, и не должно быть предметом рассмотрения, если только к тому не будет особенно веских оснований».

***Решение Судебной палаты
по информационным спорам
при Президенте России по схожей проблематике,
вынесено 15 марта 1995 года***

На момент его подготовки и рассмотрения члены Судебной палаты не имели никакой информации о решении Европейского суда «Йерсилд против Дании».⁵

Название нашего дела — «Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Судебную палату по информационным спорам в связи с телепередачами ВГТРК «Фашизм в России. Кто?»»

Как видно из названия, заявителем выступила Государственная Дума, нижняя палата российского парламента. На своем сессионном заседании российские парламентарии расценили отдельные фрагменты телепередачи второго российского федерального телеканала «Фашизм в России. Кто?» в рубрике «Газетные истории» как носящие провокационный, подстрекательский характер, способствующие разжиганию национальной ненависти и вражды.

⁵ Автор данной главы был членом Судебной палаты все 6 лет ее деятельности, а в 1999–2000 гг. исполнял обязанности ее председателя (Ред.)

Судебная палата и ранее неоднократно обращалась к этой теме, в ряде решений подчеркивая высокую степень общественной опасности распространения человеконенавистнических, националистических, экстремистских взглядов и использования в этих целях средств массовой информации.

Изучив представленную ВГТРК видеозапись телепередачи «Газетные истории» от 22.02.1995 года, газетные публикации, на которые давались ссылки в передаче, а также ряд других публикаций и материалов, заслушав в судебном заседании представителей обратившейся в Палату стороны, а также авторов телепередачи О. Ю. Вакуловского, Т. С. Бондаренко, представителей ВГТРК и иных заинтересованных лиц, Судебная палата констатировала, что само по себе появление в средствах массовой информации материалов, разоблачающих российский фашизм, является оправданным.

При этом Судебная палата отметила, что действующая на тот момент в России законодательная база предоставляет определенные правовые возможности для борьбы с пропагандой идей превосходства одной нации над другой, разжиганием социальной розни, национальной вражды и ненависти, формированием на этой противоправной основе военизированных организаций, что составляет сущностные проявления фашизма.

Основная проблема — в ненадлежащей реализации норм этого корпуса законов. Судебная палата также обратила внимание на то, что лозунги национального возрождения, укрепления государственности, патриотизма ничего общего не имеют с идеологией фашизма, которая и представляет реальную общественную опасность.

Важно, что Судебная палата разделила беспокойство общественности, в том числе и авторов рубрики «Газетные истории», в связи с распространением фашизма в современной России.

Само полное название телепередачи «Фашизм в России. Кто?», а также авторский текст свидетельствуют о стремлении ее создателей показать российский фашизм в лицах, конкретных носителей фашистской идеологии и практики, движущие силы и формы фашизма. В известной степени это удалось. Так, в телепередаче были представлены музыканты рок-группы «Крэк», которые открыто и безнаказанно демонстрируют своей аудитории фашистскую атрибутику, утверждая, что фашизм в России — нормальное, естественное явление. Убедительно показана профашистская сущность вооруженной группировки

«Вервольф», в отношении которой правоохранительными органами были приняты необходимые меры.

Фигурой, олицетворяющей и одновременно разоблачающей, по мнению авторов, российский фашизм, выведен некто Веденкин как якобы «финансовый гений» Жириновского, заместитель лидера Русского Национального Единства Баркашова, заместитель «министра обороны» Ачалова, офицер КГБ.

Судебная палата подчеркнула, что появление передачи «Фашизм в России. Кто?» было своевременным и оправданным, встревожило общественность и стало поводом, который понудил власти к действиям. И это — положительные последствия журналистского расследования.

Вместе с тем Судебная палата не оставила своим вниманием и огрехи журналистской продукции. Так, она констатировала, что в передаче были использованы недостаточно проверенные и опровергнутые позже сведения, в частности в сюжете о приобретении Веденкиным и К° 90 % акций международной технологической корпорации «Сирена», что нанесло ущерб деловой репутации этой корпорации.

При вынесении решения в рамках своей компетенции Судебная палата учла, что Веденкин привлечен к уголовной ответственности прокуратурой и что фракция ЛДПР не опровергла утверждение об активном участии Веденкина в деятельности партии.

В итоге рассмотрения данного дела Судебная палата признала, что телепередача «Фашизм в России. Кто?» не имела провокационного и подстрекательского характера и ее авторы не нарушили российское законодательство. Но при этом она обратила внимание авторов телепередачи на то, что использование недостаточно проверенной, неточной информации является недопустимым.

Как можно увидеть, обе уважаемые институции — и судебная в лице Европейского суда, и квазисудебная в лице Судебной палаты по информационным спорам — несмотря на наличие достаточно «выразительных» высказываний, которые при поверхностном подходе можно квалифицировать как hate speech, пришли к общему выводу о том, что в обоих ситуациях определяющая смысловая направленность телесюжетов не является противоправной.

Напротив, в обеих телесюжетах и датский, и российский журналисты предприняли попытку исследовать доступными

ими методами сущностные аспекты «больных» социальных вопросов своих обществ. Исследовать ради их разрешения. В этой связи, юридические оценки такого рода попыток не должны исходить из идентификации взглядов отдельных «героев» журналистских материалов с взглядами самих журналистов.

Основным критерием решения проблемы ответственности журналиста и редактора в такого рода отношениях должен стать ответ на вопрос: предоставлял ли журналист или редактор СМИ «трибуну» для преступников или иных асоциальных элементов, или же информировал общество о происходящих событиях?!

Разграничение преступной, асоциальной деятельности и информирования о ней можно провести по признаку наличия либо отсутствия прямого умысла на совершение противоправных действий. В ситуациях с Йерсилдом и Вакуловским судьи Европейского Суда и члены Судебной палаты такого умысла не обнаружили.

Роль этических регуляторов журналистской деятельности

Один из мудрейших людей XX века Махатма Ганди, тонко чувствовавший проблемы тогда еще только зарождающегося информационного общества, предупреждал: «Газета — великая сила, но подобно тому, как ничем не сдерживаемый поток заполняет берега и истребляет посевы, так и не подчиненное контролю перо журналиста служит только для разрушения. Однако если контроль приходит со стороны, он оказывается еще губительнее, чем отсутствие контроля. Контроль приносит пользу лишь тогда, когда он исходит изнутри».

Зачастую деятельность СМИ касается столь тонких и сложных общественных отношений, что для их эффективного регулирования просто недостаточно применения одних лишь правовых средств. В таких ситуациях приходится обращаться к средствам «тонкой доводки» — механизмам саморегуляции деятельности СМИ.

Международные и национальные принципы журналистской этики указывают на то, что в журналистике информация понимается как преимущественно «общественное благо», а не просто как «предмет потребления» или «обычный товар». Это означает, что журналист разделяет ответственность за то, как и

чем отзовется в социуме его «авторская позиция» в распространяемой информации.

Журналист по общему правилу не должен нарушать права и законные интересы отдельных членов общества, за исключением тех ситуаций, когда это делается именно в защиту общественного интереса как превалирующего над интересами частного лица. Именно поэтому так важны здесь не только законодательные нормы, но и этические принципы журналистской деятельности.

Миру известны две основные составляющие механизма этического регулирования журналистской деятельности.

Во-первых, это некие нормы, декларации, своды правил профессионального поведения, установленные самими членами данного журналистского сообщества. Чаще всего эти своды правил носят название этических кодексов журналистов.

Во-вторых, это общественные или государственно-общественные органы, призванные отслеживать реальное исполнение этих этических регуляций, разрешать возникающие при этом информационные споры, иные дела.

Именно этические регуляторы ставятся во главу угла при решении многих практических вопросов освещения разнообраз-

Рекомендации Судебной палаты по информационным спорам при Президенте России журналистам по сдерживанию проявлений «языка вражды»

1. Не (...) допускать формирования устойчивого негативного стереотипа в отношении целого этноса.
2. Не формировать целенаправленно чувства превосходства одного этноса над другими.
3. Не апеллировать во время предвыборной кампании к национальным предрассудкам.
4. Не привлекать заинтересованное лицо в качестве независимого комментатора.
5. Не акцентировать в публикациях о преступлениях внимание на национальности преступников либо их жертв.
6. Не публиковать списки государственных или общественных деятелей, группируя их по принципу этнической однородности.
7. Обеспечивать информационный паритет при освещении конфликтов.

Мария Китайчик,

Правовые механизмы противодействия «языку вражды» в СМИ, в: Законодательство и практика средств массовой информации (ЗИП), №1, 2005

разных социальных конфликтов. В этом ряду находятся, например, положения Кодекса профессиональной этики российского журналиста о том, что:

«Журналист полностью осознает опасность ограничений, преследования и насилия, которые могут быть спровоцированы его деятельностью. Выполняя свои профессиональные обязанности, он противодействует экстремизму и ограничению гражданских прав по любым признакам, включая признаки пола, расы, языка, религии, политических или иных взглядов, равно как социального и национального происхождения.

Журналист уважает честь и достоинство людей, которые становятся объектами его профессионального внимания.

Он воздерживается от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека. Он воздерживается от публикации таких сведений, за исключением случаев, когда эти обстоятельства напрямую связаны с содержанием публикуемого сообщения».

Что же касается примеров органов саморегулирования информационной деятельности, то это и датская Комиссия по делам прессы, созданная во исполнение закона Дании 1991 года «Об ответственности прессы» с участием представителей органов государственной власти. Это и созданный Союзом журналистов Финляндии в 1968 году Совет публичного слова, который на основе замечаний общественности дает толкование этических принципов журналистики. Это и специальный пресс-омбудсмен в Швеции как некий защитник прав граждан от их ущемления со стороны СМИ. Действует даже всемирная ассоциация такого рода органов саморегулирования.

В России с 1994 года по 2000 год действовала в статусе государственного органа и с более широкой компетенцией, но весьма близкая «по духу» своим зарубежным собратьям уже упомянутая выше Судебная палата по информационным спорам при Президенте РФ.

С ликвидацией Судебной палаты линия отечественного саморегулирования журналистской деятельности не прервалась. Эстафетная палочка перешла в руки корпоративного Большого Жюри Союза журналистов России, а с 2005 года она находится в руках принципиально нового для российского информационного

пространства органа — Общественной Коллегии по жалобам на прессу.⁶

Структура Общественной Коллегии по жалобам на прессу построена по парламентской двухпалатной модели: Палата медиасообщества и Палата медиааудитории, каждая из которых включает по 25 человек, выдвинутых и выбранных соответствующими сообществами и органами (медийными, потребительскими, властными).

Общественная Коллегия в своей деятельности преследует, в частности, следующие цели:

— укоренение в сфере массовой информации идеалов толерантности и культуры мира в контексте предотвращения опасностей, связанных с предрассудками и дискриминацией, ксенофобией, агрессивным национализмом, этнической и религиозной разобщенностью;

— противодействие политическому и другим формам экстремизма в сфере массовой информации.

Опыт Судебной палаты востребован и развивается не только в российских пределах. В частности его активно использует в своей уже двухгодичной успешной деятельности в качестве Института Медиа Представителя в Киргизии Шамарал Майчиев, недавно прошедший ответственный этап переизбрания в этой должности на второй срок. А в мае 2006 года именно опыт Судебной палаты был положен в основу российской инициативы по созданию **Международной палаты по информационным спорам**, внесенной на мировом Форуме в Брюсселе, проходившем под высоким патронажем г-на Карела Де Гота, действующего председателя ОБСЕ, — «*Роль мировых средств массовой информации во взаимоотношениях между народами...*».

Вместо заключения

Завершающий данную главу вывод можно представить следующим образом. Как в ходе формулирования правовых и этических норм, регулирующих общественные отношения по освещению журналистами тех или иных социальных конфлик-

⁶ С ее деятельностью, составом, правовым статусом и т. д. можно ознакомиться на сайте <http://collegium.ruj.ru/>

тов, так и в процессе их применения следует обращать внимание на два основополагающих момента.

С одной стороны, необходимо учитывать особую роль средств массовой информации в обеспечении права общественности знать о возникновении и развитии общественно значимых конфликтов, которыми наполнена реальная жизнь личности, общества, государства, а с другой — помнить, что и сами СМИ могут быть, и отнюдь нередко бывают, инструментом обострения, а иногда и развязывания социальных конфликтов.

Только разумное сопряжение свободы и ответственности в информировании о возникновении и развитии любых социальных конфликтов; сопряжение, обеспеченное оптимальным сочетанием правовых и этических регуляторов, когда закон и саморегулирование органично дополняют друг друга подобно рамке и струнам теннисной ракетки, чтобы обеспечить результат, который они не могут полностью достичь по отдельности, может обеспечить формирование понимания и терпимости как важнейших факторов благополучного разрешения социальных конфликтов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько статей, помещенных здесь, в той или иной степени иллюстрируют то, что было сказано в предыдущих главах.

Подборка материалов подготовлена экспертами Информационно-аналитического центра «Сова». Статьи предваряются несколькими абзацами, в которых объясняется, почему именно они приведены здесь как примеры «языка вражды». Мы также предлагаем ряд вопросов к каждой из них. Эти вопросы помогут понять механизм того, как информационное сообщение или яркий полемический материал превращаются в публикацию, нарушающую, по мнению экспертов центра «Сова», этические нормы, а иногда прямо вызывающие расистское насилие.

Мы сознательно не включили в эту выборку статьи, ставшие предметом судебных исков, так как в соответствии с современным российским законодательством воспроизводство такого текста является незаконным.

Все материалы взяты с вебсайта центра «Сова» <http://www.sova-center.ru>

Центр «Сова» ведет мониторинг языка вражды в более чем двадцати центральных российских СМИ. Центр отслеживает «наиболее ксенофобные или наиболее спорные в смысле наличия языка вражды публикации» в этих изданиях.

Цель мониторинга — «не только обратить внимание на случаи этнической и религиозной ксенофобии в центральной прессе, но и поднять спорные вопросы, которые возникают при прикосновении к теме "языка вражды"».

1. В Москве открыт памятник царю Александру Второму // РИА «Новости». 2005. 7 июня

7 июня 2005 года РИА «Новости» опубликовало сообщение об открытии в Москве памятника императору Александру Второму. При этом в тексте полностью воспроизводилась надпись, сделанная на постаменте памятника, и она, по недосмотру репортера, была воспроизведена неточно. Вместо «османского ига» репортер написал об «исламском иге», превратив императора в

борца с мусульманами. Через некоторое время ошибка была исправлена. Однако к этому времени заметку успели перепечатать не только многочисленные информационные Интернет-порталы, но и ряд российских газет.

Приводим фрагмент из перепечатки сообщения в газете «Газета» за тот же день.

В Москве у подножия храма Христа Спасителя торжественно открыт памятник царю Александру II.

Пятиметровый бронзовый монумент работы скульптора Александра Рукавишниково покоится на трехметровом мраморном постаменте, окруженный стилизованной колоннадой. Надпись на памятнике гласит: «Император Александр II отменил в 1861 году крепостное право в России, освободил миллионы крестьян от многовекового рабства, провел военную и судебную реформы, ввел систему местного самоуправления, городские думы и земские управы, завершил многолетнюю кавказскую войну, освободил славянские народы от исламского ига. Погиб 1 марта 1881 года в результате террористического акта».

Памятник торжественно открыли мэр Москвы Юрий Лужков, патриарх Московский и всея Руси Алексий II, министр культуры и массовых коммуникаций РФ Александр Соколов.

«В нашей стране сегодня много возрождается из того, что было потеряно, что важно для памяти, истории и восприятия будущего», — сказал Лужков, выступая на церемонии. Мэр подчеркнул, что Александр II участвовал в закладке храма Христа Спасителя в Москве и в его создании.

(...)

Вопросы:

1. Что, по-вашему, стало причиной того, что ошибка была воспроизведена при перепечатке сообщения?
2. Почему, как вы думаете, ошибся репортер-автор заметки? Что стало причиной такой ошибки?
3. Бывали ли в вашей практике ошибки такого рода?

2. Соколов С. Советует врач // Каргополье (Архангельская область). 2005. 22 февраля

Эта публикация, на наш взгляд, интересна тем, что, написанная не профессиональным журналистом, а любителем, она в

наиболее упрощенном виде воспроизводит типовую схему «антисектантских» статей, написанных на более высоком уровне.

В статье используется ряд негативных терминов и выражений, неприемлемых в среде специалистов-религиоведов, но прочно укоренившихся в массовом обиходе.

При помощи якобы статистических данных автор стремится создать впечатление о массовом «нашествии тоталитарных сект» на Архангельскую область. Однако в статье не учтено, что согласно закону новыми «религиозными объединениями» являются, например, и приходы Русской православной церкви. Они-то, по всей видимости, и составляли основную массу из названного в статье числа. Ведь невозможно поверить, что в одной области возникло 123 религиозных объединения, новых в смысле вероучения.

И наконец, статье придан антитеррористический пафос, выигрышный не только сам по себе, но и особенно актуальный в России в первые месяцы после Беслана. Для местного читателя «террористический эффект» был усилен еще и тем, что статья появилась на фоне только что завершеного следствия по делу о взрыве жилого дома⁷.

Осторожно: секты!

Социальные катаклизмы, приводящие к разрушению сложившихся устоев, темпы поточной массовой культуры, удвоение объема современной информации каждые 18 месяцев и вследствие этого нарастание некомпетентности населения приводят к образованию духовного вакуума.

Его быстро заполняют колдуны, различные предсказатели, экстрасенсы, религиозно-культурные организации, использующие веру для достижения целей, не имеющих ничего общего с духовностью: деньги, личные амбиции, политика.

Идет рост числа верующих, а вера, как известно, сильно цементирует структуру личности. Появились десятки деструктивных сект, во главе которых есть даже профессио-

⁷ В ночь на 16 марта 2004 года в одном из жилых домов Архангельска произошел взрыв бытового газа. В результате взрыва погибло 58 человек. Одной из версий произошедшего был теракт. Как установило следствие, взрыв произошел из-за того, что в подъезде дома местный житель, бывший работник «Горгаза», выкрутил газовый вентиль. Еще в двух домах, где также были сорваны вентили, утечку газа обнаружили и перекрыли.

Позже, на суде, обвиняемый пытался представить свои действия как террористические.

нальные психотерапевты. Например, за последние десять лет в Архангельской области возникло 123 новых религиозных объединения. До сих пор не запрещены «Свидетели Иеговы».

Цель деструктивных сект — контроль над сознанием человека, подавление способности к критическому мышлению, подавление воли и эмоций. Этот контроль в отличие от «промывания мозгов» происходит без насилия, корректно.

О вербовщике в секты обычно говорят: он самый дружелюбный человек, кого вы когда-либо встречали. И это всех должно насторожить.

Какие причины подталкивают людей к вступлению в секты? Внешние факторы: смерть близких, болезни, потеря работы и т.д. Внутренние: качества и черты личности — застенчивость, доверчивость, потребность в самоутверждении, разочарование в культурных ценностях. Вербовка идет, как правило, в период дезадаптации при каких-то кризисных ситуациях.

Все тоталитарные секты являются террористическими организациями, так как воздействуют на психику человека с целью уничтожения его индивидуальности и подчинения поведения, управления эмоциями и волей. Отличие от других террористических организаций — только по вектору вооруженной агрессии. Психический терроризм — самая массовая форма нелетального оружия. Будьте бдительны!

Вопросы:

1. Выпишите слова, служащие автору для того, чтобы придать статье негативный оттенок, насытить ее отрицательными эмоциями.

2. Как характеризует автор религиозные объединения? Какие термины более корректны? (см. главу 3.)

3. Какие стереотипы утверждаются в данной статье? Найдите авторские обобщения, способствующие стереотипизации.

4. Вызывает ли какие-либо ассоциации (и если да, то какие) специальность автора заметки? На укрепление каких, по вашему мнению, образов или стереотипов это рассчитано?

3. Колесова Ирина. И ад следовал за ними // Афанасий-биржа. 2004. 23 декабря

Статья является типичным примером антицыганского языка вражды.

Основной пафос публикации — представление всех цыган наркоторговцами, и, наоборот, представление проблемы распространения наркомании исключительно как результата деятельности цыган. Эффект для читателя регионального (тверского) издания усиливает то, что журналист «локализует» проблему, представляя ее местным злом, которое именно из данного города расползается по России.

Все ксенофобные конструкции — «заслуга» лишь автора статьи. Если внимательно проанализировать текст, можно увидеть, что все комментарии представителей правоохранительных органов, усиливающие своим наличием в тексте достоверность изложения, исключительно корректны.

И еще два нюанса, направленных на усиление противопоставления «свой-чужой».

Во-первых, цыгане из статьи настолько «чужие», что их языка не понимают не только милиционеры, но и другие цыгане.

Во-вторых, даже когда журналист поставлен перед необходимостью упомянуть о том, что в городе также есть и «русские» наркоторговцы, он немедленно нивелирует это упоминание логическими парами «русские — «легкие» наркотики» и «цыгане — «тяжелые» наркотики», и констатацией успеха правоохранительных органов в виде «остановки бурной деятельности цыган».

И ад следовал за ними

Савеловские цыгане покидают Кимры, и неизвестно, какой город России вскоре прослышет новой столицей наркомании.

В последние годы слово «наркотики» стало, пожалуй, главным определением к городу Кимры. Слух о том, что Кимры — самый «наркоманный» райцентр Тверской области, распространился по всей России. Хотя на самом деле кимрских наркоманов никто никогда не считал, и официальной статистики о том, сколько жителей райцентра регулярно употребляют наркотики, просто-напросто нет. Между тем, поднятая шумиха о «городе наркоманов» заставила местную власть и милицию всерьез взяться за борьбу с наркоторговцами, а также заняться профилактической работой среди молодежи. В 2003 году в Кимрах сформировали Межрегиональный отдел Управления федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Тверской области, который возглавил 30-летний капитан полиции Михаил Гурьянов. В штате отдела ра-

ботают 13 сотрудников. Всего за год наркополицейским удалось взять под контроль все поле деятельности местных наркоторговцев и перекрыть основные каналы поступления наркотиков в Кимры.

Крестные отцы Савелова

Еще два-три года назад железнодорожная станция «Савелово» (микрорайон города) была настоящим местом паломничества наркоманов. Этот микрорайон практически целиком заселен цыганскими семьями, которые до недавнего времени успешно занимались торговлей наркотиками. Железнодорожная станция была их основным местом продажи героина. Ветка «Москва — Савелово» пользовалась большой популярностью среди столичных наркоманов и наркодельцов. Москвичам было очень удобно: всего 2 часа езды от столицы — и прямо на перроне покупаешь дозу наркотика намного дешевле, чем в Москве. 1 грамм героина в Кимрах стоит от 800 до 1000 рублей. Как рассказали сотрудники наркополиции, имея над собой милицейскую «крышу», цыгане чувствовали себя вольготно и спокойно. Основной доход получали от приезжих покупателей, так как на местных наркоманах особо не заработаешь — в большинстве своем они безработные и безденежные. Сказать, что цыгане в Савелове — люди богатые, это не сказать ничего. Весь поселок застроен двухэтажными каменными особняками, в которых проживают большие цыганские семьи. Теперь здесь нет ни одного дома, где бы не побывали с обысками бойцы Михаила Гурьянова, нет ни одной цыганской семьи, чьи родственники не сидели бы «за решеткой». Совсем не случайно бойцов Михаила Гурьянова прозвали «чертовой дюжиной». Как черти от ладана, прячутся цыгане от наркополицейских, едва заметив их служебные машины. А некоторые цыганские дома уже опустели. Поняв, что местные полицейские взялись разрушить их бизнес окончательно и бесповоротно, цыгане продают свои хоромы. Три семьи, продав дома, уехали из Кимр: кто-то подался в Калугу, кто-то — в Тулу, а кто-то решил осесть в Московской области, поближе к столице. Совсем недавно в Кимры переехали новые владельцы цыганского особняка, построенного прямо на набережной (буквально в нескольких метрах от главной городской достопримечательности — легендарного «туполевского» самолета). В этом году сестру прежней хозяйки дома арестовали за сбыт героина. Не дожидаясь такой же участи, 50-летняя

«наркобаронесса» Нина Нитковская продала дом за 50 тысяч долларов и покинула Кимры вместе со всем своим многочисленным семейством.

По мнению Михаила Гурьянова, массовое переселение цыган — это явный признак того, что дела в их наркокоролевстве приходят в упадок. Как рассказал капитан полиции, примерно 30–40 лет назад в Кимрах осели «венгерские» цыгане (когда-то их предки перекочевали в Россию из Венгрии). Три больших цыганских клана: Померанцевы, Локотои и Нитковские — поделили между собой сферу «теневого» бизнеса. В 90-х годах, когда пристрастие к наркотикам стало модным увлечением среди молодежи, кимрские цыгане занялись наркоторговлей. Когда сотрудникам Госнарконконтроля удалось арестовать главных организаторов купли-продажи героина, между «обезглавленными» семействами начались «разборки». Цыгане стали бояться, что кто-нибудь из поделщиков «сдаст» их родственников. Поставки больших партий наркотиков, в основном из Москвы, постепенно стали снижаться.

Будни «чертовой дюжины»

За 11 месяцев текущего года сотрудникам Михаила Гурьянова удалось изъять более 40 кг героина и марихуаны. 12 уголовных дел, открытых по фактам незаконного сбыта и хранения наркотических и психотропных веществ, направлены в суд. Кимрский цыганский барон Роман Башидзе и его супруга Ванда Понадубова, арестованные за партию «экстази» и сбывавшие из-под ареста, находятся в федеральном розыске.

Михаил Гурьянов поставил перед своим отделом задачу — перекрыть поставки наркотиков в Кимры. Для этой цели была проведена тщательная подготовительная работа. На каком-то этапе наркополицейские столкнулись с непреодолимым для них препятствием — прослушивание телефонных переговоров савеловских цыган оказалось безрезультатным. Владя русским языком, цыгане общались между собой на своем наречии, которое, как выяснилось позже, не смогли перевести цыгане другого племени, проживающие не в Савелове, а в центре города. Тем не менее, «языковой барьер» не помешал наркополицейским действовать в заданном направлении.

Конечно, на настоящий момент в Кимрах по-прежнему можно приобрести и героин (правда, «подпольно», через сведущего «посредника», который за услугу на деньги клиента купит «дозу» для себя), и марихуану (1 стакан (30 гр.) стоит

2–2,5 тысячи рублей). Сбытом марихуаны в основном занимаются русские наркоторговцы.

В нынешний понедельник сотрудники Госнарконтроля задержали с поличным сбытчицу марихуаны. По своему месту жительства задержанная продавала «травку», а хранила ее в другом месте. В ходе обысков на местах продажи и хранения обнаружена и изъята большая партия марихуаны. По данному факту ведется предварительное следствие, в рамках которого подано ходатайство в суд о заключении сбытчицы под арест. Это всего лишь один из последних эпизодов каждодневной работы отдела. За год, как считает капитан полиции, удалось не только остановить бурную деятельность цыган. «С одной стороны, миф, что Кимры — столица наркомании тверского региона, в какой-то степени разрушил «репутацию» нашего города, но с другой — эти страшные слухи заставили и администрацию города, и милицию, и отдел Госнарконтроля объединиться и в короткие сроки сделать такую работу, на какую в других райцентрах уходят годы», — сказал Михаил Гурьянов. Наркополицейские всерьез задумались о создании в Кимрах областного реабилитационного центра для наркоманов с обязательной трудотерапией. Предполагается, что центр будет строиться на базе местного наркодиспансера, в котором сейчас состоят на учете 154 человека.

Ситуация в Кимрах кардинально изменилась благодаря активности сотрудников нарркоконтроля. Тем не менее, Михаил Гурьянов осознает, что от засилья наркоторговцев можно освободить один маленький город, а всю Россию — невозможно. От границы с Таджикистаном самыми изощренными способами наркотики поставляются в разные города нашей страны. Как говорится, был бы спрос, а «товаром» обеспечат всегда. Районный городок Тверской области привлекает наркоторговцев удобным расположением дорог — трех автомобильных магистралей и железнодорожной веткой. Связи кимрских наркоторговцев тянутся по всей России, и никогда не угадаешь, где начинается один наркотрафик и заканчивается другой. Рано или поздно цыганский табор оставит Кимры, но вряд ли прекратит свой прибыльный бизнес. Дети и внуки цыган из Савелова продолжают родительское дело на другом месте — в Туле или Калуге, Твери или Вологде... Не важно, где будут продаваться наркотики, — важно, что проблема, зародившаяся в Кимрах, останется, поменяется лишь место действия.

Вопросы:

1. В двух местах автор указывает цены наркотиков. Правильно ли это? Обоснуйте свой ответ.
2. Найдите логические несоответствия в статье. Что стало причиной их появления?
3. Найдите в тексте «привязки» проблемы наркомании к географическим и этническим характеристикам. Насколько они корректны и почему?
4. Есть ли в статье фразы и выражения, которые могут стать причиной иска к автору по обвинению в клевете и оскорблении?

4. Речкалов Вадим. Хачи в Париж! // Московский комсомолец. 2005. 7 ноября

Эта статья стала лишь наиболее ярким примером ксенофобной реакции на беспорядки в парижских предместьях в ноябре 2005 года.

Напомним, в российских массмедиа парижские события рассматривались почти исключительно как расово и религиозно мотивированные столкновения. Альтернативная (а главное, гораздо более адекватная происходящему) точка зрения — о социальном характере этих беспорядков — практически не была представлена в медийном пространстве России.

Главной чертой, выделившей именно эту публикацию из огромного потока истерических антимигрантских статей, стало использование автором откровенно расистской бытовой риторики — «хачи», «черные» и т.п.

В остальном это пример стандартного набора утверждений о некультурности, «засилье», агрессивности, криминальности иноэтничных мигрантов, слегка подкрепленный антизападной риторикой.

Хачи в Париж!

В связи с погромами во Франции широкую российскую общественность очень интересует вопрос: возможно ли такое у нас?

Ну, натурально, когда азербайджанцы с таджиками под предводительством чеченцев начнут жечь машины в ЮВАО. Нет, граждане, у нас такое невозможно. У нас будут другие проблемы. Для начала два коротеньких примера.

Я живу на Кутузовском проспекте. В моем доме катастрофа. Дворничиха Зульфия, горьковская татарка, бывшая ли-

митчица, заселила таджиками весь пятый этаж. Таджики работают на Дорогомилловском рынке, а те, кто не смог устроиться на рынок, помогают Зульфие. Теперь она уже не метет двор, как раньше, — за нее это делают таджики, включая малолетних детей. Дети метут двор, а Зульфия стоит у песочницы и контролирует работу. После работы таджики жарят баранину прямо на лестничной клетке. Прищучить Зульфию невозможно. У нее все схвачено и в муниципалитете, и, по ее словам, на Петровке, 38. К тому же у нее преданная армия таджиков численностью до двух взводов. Когда я попытался воевать с Зульфией, какая-то сволочь пнула ночью заднюю правую дверь моей машины. Я попал на 100 баксов. Дверь с помощью автомобильной камеры мне выправил таджик с нашего же двора по имени Войт.

Похоже ли это на то, что творится во Франции? Ничуть. Полгода назад я был в Париже. Ехал в такси. За рулем сидел белый горбоносый водитель — типичный француз. Двое алжирцев ступили с тротуара на проезжую часть. Водитель тут же затормозил. Переходя улицу, один из алжирцев шлепнул по капоту нашего «Мерседеса». Мастер-водитель среагировал мгновенно, он дал чуть-чуть вперед, незаметно ударив алжирца бампером по ногам. Алжирец засеменил, чтоб не упасть, и уже на противоположном тротуаре дружески помахал нам рукой. Дескать, извините, все нормально, был неправ.

— Ва-те фэр футр, — сказал водитель. То есть «за...ли».

Так почему же у нас невозможно то, что творится во Франции? Да потому, что наши диаспоры в принципе имеют другой статус в российском обществе. Фактически они полноправные его члены, а внешне — самые угнетенные из угнетенных. То есть я публично могу обозвать любого азиата или кавказца «хачем», «черным», «чехом» или «азербутом» — и никто меня никогда не засудит, в худшем случае получу в морду. Но если «апайка» Зульфия вместе с муниципалитетом и, по ее словам, Петровкой, 38, крышует хачей, то я могу расшибиться в таджикскую лепешку, но они будут жарить свою баранину на лестничной площадке. То есть наши хачи не будут выступать против «белой» власти и воевать с «белой» милицией, потому что хачи и власть — не враги, но партнеры. Хачи нужны нашей власти, потому что бельые не хотят мести дворы, строить дома и держать торговые палатки на Доро-

гомиловском рынке. Белые хотят быть только юристами, политологами и жить в Париже. Самые продвинутые хачи уже не работают на рынках, а получают образование и устраиваются в банки, районные администрации, в ГУБОП и прокуратуру. И зачем им воевать с нашей «белой» властью? Если приглядеться беспристрастно и внимательно, не такая уж она и «белая» — эта власть. Да и мы все по сути такие же хачи, даром что русские.

А в Европе другие проблемы. Европейский режиссер Михаэль Ханеке в прошлом году снял кино «Cache» — «Спрятанное внутри» (в нашем прокате «Скрытое», совместное производство Франции, Германии и Италии). Там главный герой, француз лет под 50, терзается тем, что, будучи еще в дошкольном возрасте, повел себя неполиткорректно к другому шестилетнему — алжирцу. В процессе этих терзаний он разыскивает того алжирца, доводит его своими рефлексиями до самоубийства, а затем кончает с собой. Короче, все умерли, конец фильма. Три премии Каннского фестиваля. Там, во Франции, нельзя громко сказать: «Хачи!» — можно только исподтишка толкнуть алжирца бампером. Французы довели до абсурда свою историческую вину перед алжирцами и прочими приезжими. Французы навязчиво, долгие годы внушали им, что хачи — тоже люди. Те и поверили. И заявили о себе. А может, это слишком простое объяснение. Не знаю. У нас-то совсем другие проблемы.

Есть мнение, что иммигранты делятся на плохих и хороших по простому принципу. Плохие живут так, как привыкли жить на своей родине, жарят баранину на лестнице. А хорошие стараются интегрироваться в новое для себя общество. Вчера увидел в своем дворе интегрирующегося Войта. Войт учился кататься на роликах. Войт хороший.

Вопросы:

1. Найдите в тексте этнические стереотипы. Каким образом происходит стереотипизация?
2. Найдите этнические обобщения. Несут ли они позитивные или негативные эмоции? Несут ли они информацию?
3. В последнее время происходит «этнизация» термина мигрант, смешивающая этническую и социальную проблематику. Есть ли в статье примеры, характеризующие этот процесс? Если да, то проанализируйте, как и за счет чего.

**5. Иноземцы заселили полстраны.
На очереди Сибирь // Комсомольская правда.
2005. 8 ноября**

Материал также появился во время беспорядков в парижских предместьях. Он представлен как попытка представить разные точки зрения. Однако ксенофобный материал Дмитрия Стешина подается как аналитическая статья, сопровождаемая статистическим и иллюстративным материалом (карта и статистика миграционных потоков), вторая не менее агрессивная часть материала — как мнение эксперта, а вот призванное «уравновесить» ксенофобную агрессию реплика Сергея Чугаева в рубрике «Взгляд с шестого этажа», написанная в стиле очень личного эссе (вторая и третья части здесь не приведены).

Поскольку мы не воспроизводим статистику, которая иллюстрирует материал Д. Стешина, отметим, что карта и статистика миграции, к которым он постоянно апеллирует, — это совокупные данные о миграции за **1992–2000 гг.**

То есть эти цифры отражают динамику миграции с момента распада СССР и, таким образом, характеризуют не «орды инородцев», а в первую очередь, исход **этнически русского** населения из бывших советских республик Кавказа и Центральной Азии (это, кстати, видно в легенде карты, но только в том случае, если ее **очень внимательно** рассматривать).

Агрессивность материала поддерживается не только заголовком, но и самим журналистским описанием процесса миграции как войны, битвы между «нерусскими» за «русское» пространство.

**Д. Стешин. Иноземцы заселили полстраны.
На очереди Сибирь**

Только в страшном сне можно представить себе такую картину: этнические группировки с Северного Кавказа и из Средней Азии сражаются с китайцами за зоны влияния в Центральной Сибири.

На самом деле это не фантастика, а горькая реальность последних лет. Данные Росстата и цифирь, полученная от десятка частных социологических организаций, складываются в четкую картину. Юг и Центральная Россия почти потеряны для коренного населения. В Ставрополье и Краснодарском крае, по неофициальным данным, на десять коренных жите-

лей уже приходится 3-4 мигранта с Северного Кавказа и Средней Азии. Еще 5 лет — и число коренных жителей сравняется с числом пришельцев. Миром это не разрешится.

Уже не хватает пахотных земель, уже все ниши в бизнесе заняты, а мигранты продолжают прибывать. Правда, уже не в том количестве. В последние 3-4 года миграционные потоки с Кавказа, Средней и Центральной Азии переориентировались на Сибирь. В старинных сибирских городах как грибы растут национальные диаспоры. В Екатеринбурге за 9 месяцев, по данным ГУВД, зарегистрированы 84 238 иностранных граждан. Еще 13 745 мигрантов получили разрешение на работу. В Оренбурге колония официальных, зарегистрированных мигрантов насчитывает «всего» 300 тысяч человек. В Новосибирске — 200 тысяч. А на юге Сибири пока дремлет миллиардный Китай, ежегодно забрасывающий к нам на постоянное жительство около миллиона соотечественников.

Китай никуда не спешит. Он ждет, когда на сибирских землях не останется русских и можно будет предъявить азиатским и кавказским пришельцам права на эти территории. Единственное, что утешает. По статистике расселения мигрантов, кое-что нам, коренным жителям России, все-таки останется: «зоны рискованного земледелия» севернее Воронежа, наше голодное Нечерноземье со Псковом и Тверью в придачу, суглинки Ленинградчины и мох приполярной тундры.

Вопросы:

1. Насколько реальной представляется вам как читателям картина, описанная в материале? Если нет, то зачем тогда было давать эту картину?

2. Можно ли назвать эту статью информационной или информативной? Обоснуйте свой ответ.

3. Какую роль играет статистика в статье?

4. Найдите слова и выражения, при помощи которых автор выражает или поощряет эмоции по отношению к «нерусским». Какие это эмоции?

5. Есть ли в статье антимигрантские, антиисламские и антизападные настроения? Как, каким образом они выражаются?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

К главе 1.

«Журналист в социальном конфликте»

Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. Учебное пособие. — М.: Дело, 2005

Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ. — М.: Галерея, 2002. <http://www.gdf.ru/books/books/dispute/content.shtml>

Конфликтология. Хрестоматия. Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт. — Воронеж: МОДЕК, 2002.

Мельников М.А. Как не угодить под «статью», цитируя расиста. Профессия журналист, № 5, 2001.

Мельников М.А. Время выбора. Несколько слов в пользу саморегулирования в профессиональной журналистике. Журналист № 5. 2001.

Мельников М., Пантелеев Б., Панфилов О. Пресса и терроризм. Обзор и анализ работы журналистов во время захвата заложников в Москве, 23–26 октября 2002 г. Центр экстремальной журналистики, Москва, 2002.
http://www.cjes.ru/bulletin/?bulletin_id=35

Мельников М.А. О работе Большого Жюри: состояние и перспективы. Аналитическая записка. Информационный вестник Союза журналистов России № 2-3, Москва, 2003.

Мельников М.А. Государство и саморегулирование прессы. «Медиа Эксперт» № 3, 2004.
http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=655&c_id=7762

Мельников М.А. Информационные конфликты: проблемы институализации и разрешения. Ежеквартальный научно-практический журнал «Конфликтология — теория и практика», СПб, № 3, 2004.

Становление СМИ в России как инструмента демократии: политика государства и частных корпораций. Отчет о выполнении международного проекта. Издание МГУ, Университет Калгари (Канада), Университет Моунт Эллисон (Канада), Москва, 2003. http://www.pressclub.host.ru/ID/report_part1.doc

Краткий список Интернет-ресурсов к главе 1. «Журналист в социальном конфликте»:

<http://www.library.cjes.ru> — библиотека Центра экстремальной журналистики (ЦЭЖ) Союза журналистов России.

<http://www.cjes.ru/bulletin/> — Центр экстремальной журналистики, бюллетени «Опасная профессия», «Власть против прессы», «Пресса и выборы», «Судебные успехи», специальные, 2002–2006 гг.

<http://www.ru.jr.ru> — Союз журналистов России, раздел «Большое Жюри».

<http://www.gdf.ru/monitor/index.shtml> — Фонд защиты гласности, раздел «Монитор».

К главе 2. «Освещение этничности в СМИ в свете конфликтологии»

Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. М., 2005.

Досье или рабочие материалы проекта «Разработка методов диагностики толерантности в средствах массовой информации». Под ред В.К. Мальковой. М., ИЭА РАН, 2002.

Диагностика толерантности в средствах массовой информации. Сб. ст. под редакцией В.К. Мальковой. М., ИЭА РАН, 2002.

Макеева Л. «Правовой анализ нормативной базы по разжиганию национальной, социальной, религиозной нетерпимости или розни»./Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. М., НИК, 2002.

Малькова В.К. Методы диагностики этнической толерантности в СМИ (на примере российской прессы). / Диагностика толерантности в средствах массовой информации. М., ИЭА РАН, 2002.

Малькова В. «Не допускается разжигание межнациональной розни...». Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. М., 2005.

Малькова В.К. Этнические аспекты журналистики: из опыта анализа российской прессы. М., 2004.

Малькова В.К., Тишков В.А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М., ИЭА РАН, 2002.

Остановитесь! Оглянитесь! К вопросу об этнической толерантности и конфликтности в российской прессе. Автор- составитель и редактор Малькова В.К. М., ИЭА РАН, 2002.

Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. ФЗГ, сост. Казаков Ю.В. М., 2002.

К главе 3.

«Пресса и религиозные конфликты»

Кантеров И.Я. «Деструктивные», «тоталитарные»... и далее везде // Религия и право. № 1, 2002.

Килмашкина Т.Н. Конфликтология: социальные конфликты. М., 2004.

Проблемы развития государственно-конфессиональных отношений и социальные концепции ведущих религиозных объединений современной России/ Аналитический вестник. № 17 (237). — М.: Аналитическое управление Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2004.

Христианство. Словарь. — М.: Республика, 1994.

Краткий список религиоведческих и религиоконфликтологических Интернет- ресурсов:

А. ресурсы специализированных научных, правозащитных и информационных центров:

<http://www.religare.ru/> — Религия и СМИ

<http://portal-credo.ru/> Портал Кредо

<http://www.rsnews.net/> — Новости в сфере религии

<http://www.blagovest-media.ru/> — Благовест — Инфо

<http://www.religio.ru/news/index.html> — Мир религий

<http://religion.sova-center.ru/> — СОВА — центр, Религия в светском обществе

<http://religion.ng.ru/> — НГ — Религии
<http://www.rlinfo.ru/> — Славянский правовой центр
<http://www.upelsinka.com/ups.htm> — Упельсинкина страница
<http://www.religiovedenie.ru/> — Российский религиозно-ведческий портал
<http://religion.russ.ru/> — Религия в России
<http://www.interfax-religion.ru/> — Интерфакс — религия
<http://protestant.ru/> — Протестант

В. Ресурсы религиозных объединений:

<http://www.islam.ru/> — Ислам
<http://cathnews.ru/> — Католическая информационная служба
<http://www.patriarchia.ru/> — Московская Патриархия РПЦ
<http://www.luther.ru/> — Лютеранство в России
<http://www.mchurch.ru/> — Центральная Церковь евангельских христиан-баптистов г. Москвы
<http://www.world.bip.ru/world.phtml> — РОСХВЕ
<http://www.evangelie.ru/> — «Евангелие» — христианский портал
<http://www.biblelamp.ru/> — Каталог христианских ресурсов
<http://www.hari-katha.org/> — «Харе Кришна» — материалы по Вайшнавизму
<http://www.machanaim.org/> — «Маханаим» — культурно-религиозный еврейский центр
<http://www.chassidus.ru/> — «Хасидус по-русски» — подборка литературы
<http://www.islam.ru/> — «Ислам.Ру» — информационный канал
<http://www.sufism.ru/> — «Суфизм» — тематический каталог
<http://www.muslim.ru/> — «Ислам в России»
<http://www.buddhism.ru/> — Буддизм алмазного пути
<http://www.buddha.ru/> — «Московский буддийский центр Ламы Цонкапы»
<http://www.paganism.ru/> — «Славянское язычество» — персональный проект
<http://www.atheism.ru/> — «Научный атеизм»
<http://www.rpsc.ru/version/index.php> — РПСЦ

К главе 4.

«Язык вражды: типология ошибок журналиста»

Кожевникова Г. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее. М.: Центр «СОВА», 2004.

Кожевникова Г. Язык вражды в СМИ после Беслана: Поиск врага и ответственность журналистов // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия
<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21728E3/492BB55>

Лихачев В. Политический антисемитизм в современной России // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия
<http://xeno.sova-center.ru/1ED6E3B/216049A/216214B>

Язык вражды после Норд-Оста // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия
<http://xeno.sova-center.ru/213716E/21371EF/17B8FC0>

Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ. М.: Центр «Панорама», 2002.

К главе 5.

«Освещение конфликтов и право»

Информационные споры: как в них победить? Решения, рекомендации, экспертные заключения Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ, М., Галерея, 2002. — 392 с.; Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Престиж, 2005, 424 с.

Китайчик М. Правовые механизмы противодействия «языку вражды» в СМИ, ЗИП, №1, 2005.

Комментарий к закону РФ «О средствах массовой информации». Науч. ред. проф. Монахов В.Н. — авторы-составители Арапова Г.Ю., Глисков А.А., Шишкин Д.Г. — М.: Издательство «СТЭНСИ», 2002. — 416 с.

Политический экстремизм и СМИ: время расставить точки над «i», Комментарий Института проблем информационного права, ЗИП, 8-9, 2002.

Проблемы борьбы с терроризмом. Материалы научно-практической конференции 21 марта 2000 года. — М.: Институт меж-

дународного права и экономики имени А.С. Грибоедова, 2000 — 256 с.

Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. Составитель Казаков Ю.В. — М.: Галерея, 2002. — 472 с.

Ратинов А.Р., Кроз М.В, Ратинова Н.А., Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика, М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. — 256 с.

Свобода массовой информации в Интернете Правовые условия реализации. Автор-составитель — проф. Монахов В.Н. Ответственные редакторы Симонов А.К., Горбаневский М.В. М.: РИК «Галерея», 2005. — 416 с.

Материалы Интернет-ресурсов к главе 5. «Освещение конфликтов и право»:

<http://www.smi-nn.ru/?id=950> Антитерророристическая конвенция и Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции.

<http://www.guelman.ru> Гельман М. Русский способ (Терроризм и массмедиа в третьем тысячелетии).

http://www.cjes.ru/lib/?category_id=4&book_id=582 Доклад ОБСЕ об освещении российскими СМИ трагедии в Беслане: доступ к информации и условия работы журналистов.

http://www.ruj.ru/index_78.htm Крок Л. Психологическое воздействие терроризма. Сайт Союза Журналистов России.

http://www.cjes.ru/bulletin/?bulletin_id=35 Обзор и анализ работы журналистов во время захвата заложников в Москве 23–26 октября (Декабрь 2002). Бюллетень Центра экстремальной журналистики.

http://www.ruj.ru/index_78.htm Резолюция Конференции Юнеско «Терроризм и СМИ». Сайт Союза Журналистов России.

http://www.cjes.ru/lib/?category_id=3&book_id=493 Сергей Лойко. Шок и трепет. Война в Ираке.

<http://www.cjes.ru/about/?page=4&id=1576> СМИ в ходе терактов: в зоне повышенной ответственности. Материал Центра экстремальной журналистики.

Художник *В. Тё*
Компьютерная верстка *Л. Буренкова*
Корректор *А. Борисова*

ИД № 02184 от 30.06.2000
Подписано в печать 02.10.2006. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Права человека»,
119992, Москва, Zubовский бульвар, д. 17
Для писем: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 207

Отпечатано на фабрике офсетной печати
г. Обнинск, ул. Королева, 6